
СССР 23667
СССР-236
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1964
НОВО-КУБАНКА—РУБЕЖ АТАКИ
ПЕСНЯ ПРО АТАМАНА ДЕЖНЕВА
ШАЙБА ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

С утра людно в «аудитории»...

В. Первицкий: «Мы считаем не часы, а центнеры!»

Иван Подлесный, звеньевой механизаторов из сумского колхоза «Большевик», заинтересовался остроумными «кулачками», которые разбивают комья земли, налипшие на корнях свеклы.

Агроном с Сумщины Александра Демченко.

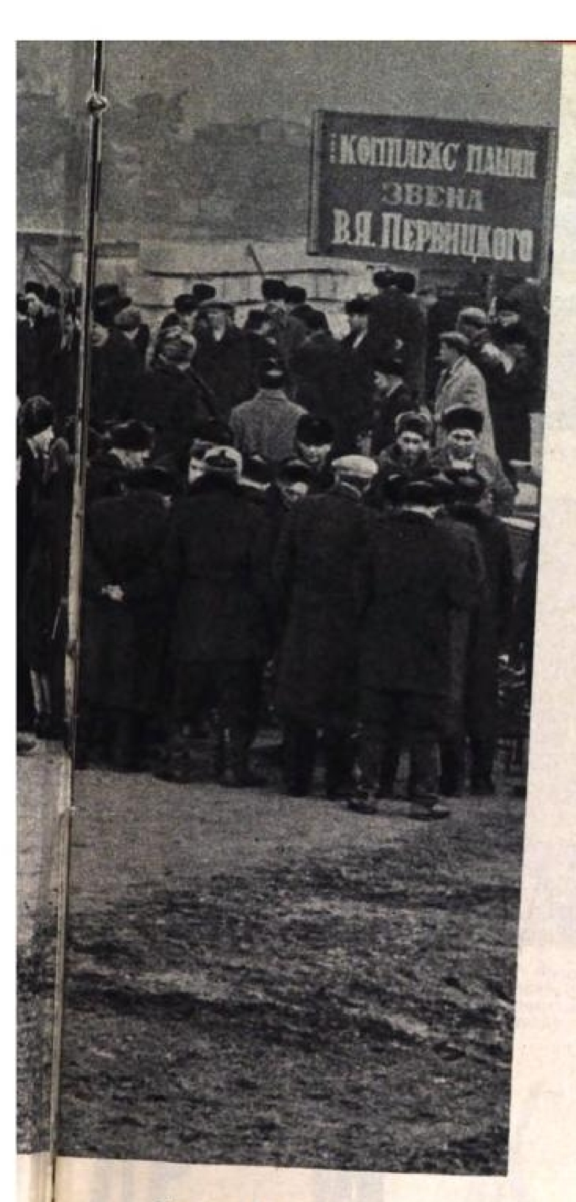
Сколько открытий за день!..

«Зря я тогда прогнал сетчатые бороны с поля», — признался Анисим Андрианович Водопьянов, заведующий производственным участком воронежского колхоза имени Кирова

БОЛЬШОЙ К

Николай БЫКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В эти дни Ново-Кубанка стала местом паломничества. На полях Кубанского научно-исследовательского института испытаний тракторов и сельскохозяйственных машин, на полях окрестных колхозов работают прославленные звенья Героев Социалистического Труда Владимира Яковлевича Первицкого и Владимира Андреевича Светличного. «В Москву — за песнями, к нам — за опытом»,— сказал Николай Булышев, член звена В. Светличного. Так оно и есть. Триста—четыреста человек приезжают и уезжают каждый день. Слушают лекции, записывают что-то очень нужное в блокноты, и чертят тут же схемы, и снова расспрашивают...

В печати часто и охотно поминают В. Светличного и В. Первицкого, но в их механизированных звеньях работают еще семь человек, и все они работают одинаково

(Окончание см. на стр. 6, 7)

АНУН

Этот снимок сделан в Кремле 28 марта, когда Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял известного французского политического деятеля, сенатора Эдгара Фора с супругой. Между Н. С. Хрущевым и его гостями состоялась дружественная беседа.

Фото А. Устинова.

На днях из Москвы в Прагу отбыл Президент Йеменской Арабской Республики маршал Абдалла ас-Саляль, который находился в Советском Союзе с официальным государственным визитом. На Внуковском аэродроме главу дружественного государства провожали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 15 (1920)

5 АПРЕЛЯ 1964

Отъезд советской партийно-правительственной делегации в Венгрию.
Фото Дм. Бальтерманца.

Андраш **ШУГАР**, корреспондент **МТИ**

Через Захонь и Чоп мы не только ездим друг к другу в гости, по этим путям через Тиссу идут составы с машинами для нашей индустрии, а к вам идут составы с венгерской продукцией, которая тоже очень нужна вашему народному хозяйству. Здесь проходит «зеленая улица», как сказал Никита Сергеевич Хрущев.

Люди, стоявшие с непокрытыми головами на станции Захонь, у «Золотых ворот» Венгрии — как наш народ любит называть эту небольшую станцию,— от всей души аплодировали дорогим советским гостям. Вся поездка партийно-правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым от границы до Будапешта была триумфальным шествием дружбы.

Нашему народу есть чем встретить дорогих гостей, есть о чем рассказать им. В селах крестьяне скажут: «Посмотрите, какою за 19 лет стала наша земля!» Когда гости побывают на государственных предприятиях, рабочие и инженеры расскажут, как развивается и крепнет сотрудничество металлургов Дунайского комбината и шахтеров Донбасса, химиков Будапешта и нефтянников Поволжья. «Зеленая улица» дружбы проходит через всю жизнь нашей небольшой страны. Мир еще не знал отношений между государствами, подобных тем, которые установились и неуклонно развиваются между социалистическими странами, между Венгрией и СССР. Эта дружба — могучий источник сил в борьбе за социализм и коммунизм, за мир во всем мире.

Свободолюбивый венгерский народ, вслед за народами России, в 1919 году провозгласил республику Советов. Но эта попытка, как и многие восстания венгров сотни лет назад, была потоплена в крови. Но многие знали и верили — великий Ленин сказал: за первой погибшей последует победоносная вторая .

Тысячи венгерских интернационалистов дрались на полях России за социализм, зная, что, борясь с белогвардейцами, они сражаются и за свою свободу. Целая бригада венгерских патриотов под руководством легендарного генерала Лукача боролась за испанскую республику.

В день 4 апреля 1945 года последняя пядь венгерской земли была очищена от фашистских полчищ. С тех пор прошло 19 лет. Тогдашние младенцы — сейчас крепкие юноши. Тогдашние юноши теперь стали отцами. Вырос весь народ, выросла вся страна!

Сейчас, в дни визита советских друзей в Венгрию, стоит чудесная весна. И как всегда в это время люди приходят с детьми к братским могилам советских воинов, павших за свободу венгерского народа. Они любовно ухаживают за священными могилами, сажают цветы, деревья. В каждом селе, в каждой самой маленькой деревушке возлагаются венки к памятникам героям-освободителям.

Но наша дружба — это не только героическое прошлое; наша дружба — это залог счастливого завтра. Ради этого будущего мы развиваем экономические связи с Советским Союзом. Поставки сырья и полуфабрикатов из СССР составляют три четверти потребностей Венгрии, бедной сырьем и энергетическими ресурсами. А венгерские товары пользуются популярностью во всех концах Советского Союза. Уже давно вступили в строй нефтепровод «Дружба», единая энергосистема «Мир».

Несомненно, «зеленая улица» дружбы станет еще более широкой в результате переговоров двух партийно-правительственных делегаций. Встреча между представителями двух партий — яркая демонстрация прочного единодушия КПСС и Венгерской социалистической рабочей партии на принципах подлинного марксизма-ленинизма. Нет такой силы, которая могла бы поколебать нашу дружбу. Эта дружба стала высокой и чистой, до нее не дотянуться тем, кто хотел бы вбить клин между Советским Союзом и другими странами социализма. Весь мир — свидетель радостного братского общения венгерского и советского народов.

БРАТСТВО И Д

Встретить дорогих советских гостей пришли тысячи жителей венгерской столицы.

Фото специального корреспондента **ТАСС В. ЕГОРОВА.**

Н. С. Хрущев и Янош Кадар на Восточном вокзале в Будапеште.

Гости выходят с вокзала в город. Слева направо: Н. С. Хрущев, М. Кадар, Н. П. Хрущева и Я. Кадар.

Визит Председателю Президиума Венгерской Народной Республики Иштвану Доби и Первому секретарю ЦК ВСРП, Председателю Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Яношу Кадару.

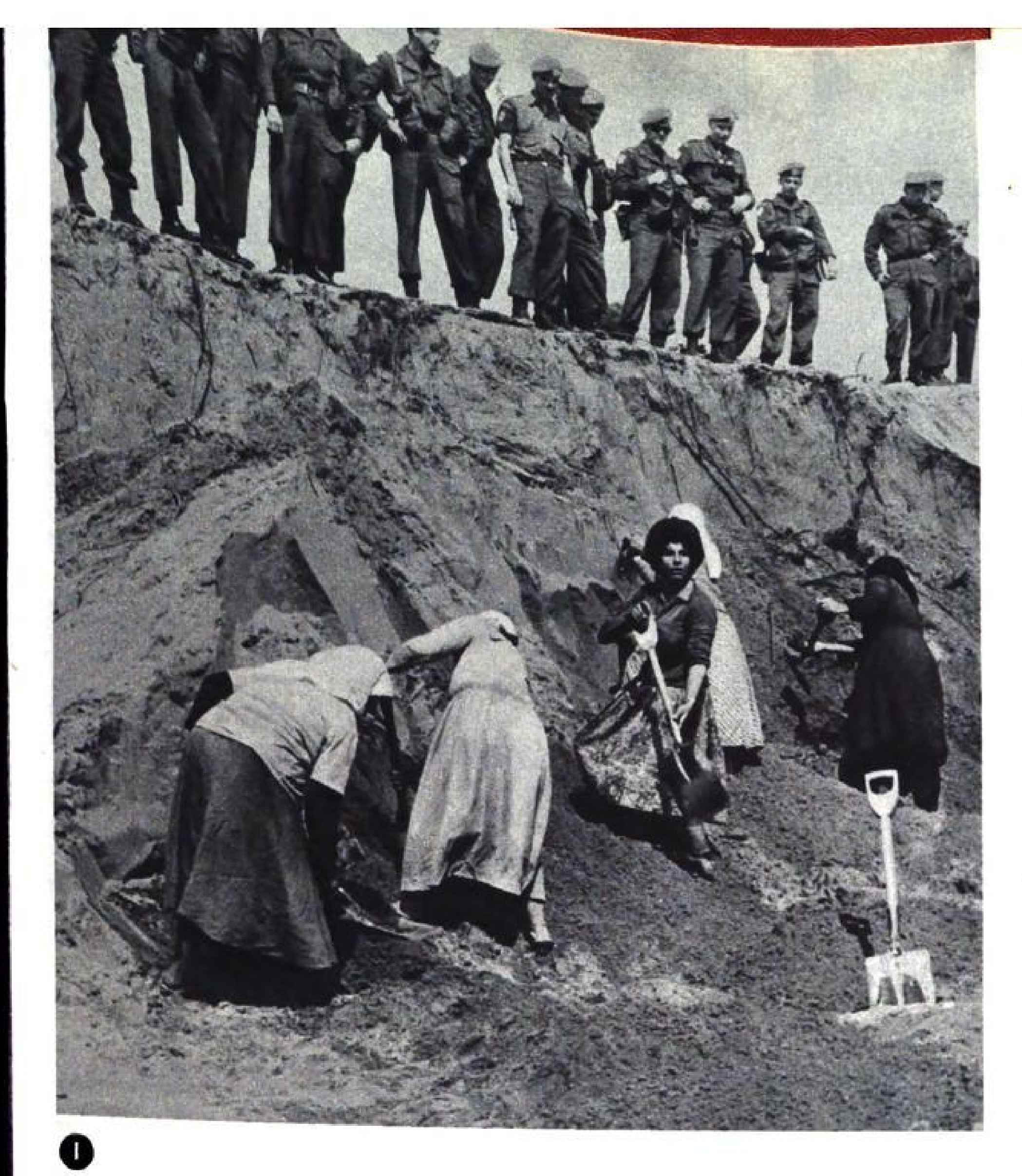
31 марта в здании парламента ВНР начались переговоры между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Венгерской Народной Республики. Переговоры протекали в обстановке сердечности и братской дружбы.

РУЖБА

Торжественно и радостно встретил венгерский народ советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Первым секретарем Центрального Комитета КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым. Первый секретарь ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Янош Кадар в приветственной речи, обращенной к советским гостям, подчеркнул: «...Венгерский рабочий класс, венгерский народ видят в Коммунистической партии Советского Союза знаменосца коммунизма...а в Советском Союзе — самую прочную опору свободы народов, мира для всего человечества».

Товарищи Н. С. Хрущев и Янош Кадар отвечают на приветствия будапештцев

ФОТООБОЗРЕНИЕ «ОГОНЬКА»

1

4

5

6

7

8

2 3

1 Кипр. Вы видите канадских солдат, входящих в состав воинских частей Организации Объединенных Наций, и женщин-киприоток на тяжелых земляных работах.

Из государственного бюджета Кипра, который составляется трудом народа, будут отчислены взносы в ООН на содержание и этих упитанных парней в военной форме.

2—3

Землетрясение на Аляске. Одна из улиц в городе Анкоридже.

Автомашина, чудом удержавшись, повисла на краю трещины, в которую провалилась часть дороги.

4 В Иорданию прибыл первый советский посол П. К. Слюсаренко.

5 Бразильские моряки выступили в поддержку демократических реформ президента Гуларта. Группа реакционно настроенных адмиралов потребовала наказать матросов, грозя Гуларту своей отставкой.

Н а с н и м к е: Бразильские матросы провозглашают свои требования.

6 Новый тоннель, пробитый через громаду Альп, соединил Италию со Швейцарией. Его длина — около 6,5 километра.

7 Члены международной контрольной комиссии осматривают обломки южновьетнамского военного самолета, сбитого во время недавней провокации — нападения войск марионетки Кханя на деревню в Камбодже.

8 У этой итальянской девочки собака откусила нос, но хирургам удалось искусно пришить его.

МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

Изабелла БЛЮМ,
член бюро Всемирного
Совета Мира

Читателям «Огонька», возможно, будет интересно узнать, что представляет собой поход за мир в западной стране, в особенности поход молодежи против атомного оружия.

В подготовительные комитеты, национальные и районные, вошли католики, социалисты, коммунисты, либералы, протестанты, представители студенческих ассоциаций четырех университетов и других учебных заведений. Молодежь выработала лозунги, распространила плакаты, открытки. Нужно было немало сил и средств, чтобы подобное мероприятие удалось. Мы, старшие, дали свои подписи, организовали конференции, провели лекции и организовали комитеты учащихся и преподавателей. Профсоюзы помогли в финансовом отношении.

Вся нация поддержала молодежь в борьбе за мир.

Несмотря на дождь, холод, ветер и снег, двадцать тысяч молодых и не очень молодых прошли 15 марта по улицам Брюсселя. Во главе колонны французы, англичане, голландцы и более тысячи немцев из ФРГ несли лозунги: «Присоединиться к Московскому договору!», «Сократить военные расходы!», «Создать безъядерные зоны!».

Действия противников атомного оружия в нашей стране уже вынудили правительство сказать «нет» многосторонним ядерным силам, но нам еще не удалось заставить его сократить военные расходы.

8 мая должна состояться еще одна демонстрация единства борцов за мир. Мы все примем в ней участие.

Брюссель, март.

Колонны участников марша на улицах Брюсселя.

38 МИЛЛИОНОВ ВОЗДУШНЫХ ПАССАЖИРОВ

Здание длиной 150 метров и шириной 40 метров кажется легким, воздушным, словно сотканным из света. Так выглядит новый аэровокзал в столичном аэропорту Внуково-1, построенный из бетона, стекла, алюминия и мрамора.

Специальные звукопоглощающие подвесные потолки значительно снижают шум в здании, создают комфорт. Все здесь сделано для удобства пассажиров. На первом этаже в просторном зале можно сдать багаж, получить справку о движении самолетов, тут же есть билетные кассы, торговые киоски. Новый вокзал рассчитан на обслуживание более полутора тысяч пассажиров в час.

Но для Москвы этого недостаточно. Ведь в 1964 году самолеты Аэрофлота будут перевозить ежедневно 150 тысяч пассажиров, а в некоторые дни — и по 200 тысяч. Значительная часть этого потока проходит через столицу. И в Москве уже частично вступил в строй аэропорт-гигант Домодедово. Он вмещает до 5 тысяч пассажиров. С его двух перронных галерей могут одновременно принимать пассажиров больше десяти воздушных лайнеров «ТУ-104». В этом году откроется и новое здание международного аэровокзала в Шереметьеве.

Об удобстве воздушных пассажиров заботятся не только в столице. Новые аэровокзалы открываются в Баку, Киеве, Минеральных Водах, Благовещенске.

Воздушный транспорт прочно вошел в быт советских людей. Три тысячи населенных пунктов связаны воздушным сообщением. В этом году самолеты Аэрофлота перевезут 38 миллионов пассажиров.

А. ГОЛИКОВ

НЕПОВТОРИМОЕ, «БАБОЧКИНСКОЕ»...

Борис Андреевич Бабочкин в роли инженера Суслова (спектакль «Дачники» М. Горького).

Фото А. Гладштейна.

— Я произносил в «Борисе Годунове» только одну фразу, играя схимника. Мне тогда было 16 лет, было это 44 года назад. Это моя первая роль,— говорит народный артист СССР Борис Андреевич Бабочкин.— Я был тщательно загримирован, старался казаться согбенным и древним, усилия мои не пропали даром — зритель меня заметил и отметил...

В то время Бабочкин учился в театральной студии города Саратова, потом в Москве, у Михаила Чехова, в знаменитой студии на Кисловском переулке, и одновременно в студии «Молодые мастера». Руководил студией Илларион Николаевич Певцов, а преподавали Н. Званцев, А. Дикий, В. Мчеделов, прима-балерина Большого театра В. Мосолова. Несколько лекций прочитали К. С. Станиславский и А. В. Луначарский.

Театральная молодость Б. Бабочкина проходила в так называемой провинции: Иваново-Вознесенск, Воронеж, Могилев, Кострома...

В Иваново-Вознесенском театре главным режиссером был Певцов. Большая дружба связывала Бабочкина и Певцова еще в студии. Последней их совместной работой был знаменитый фильм «Чапаев»; Певцов играл в нем роль белогвардейца Бороздина.

С первого до последнего кадра фильма «Чапаев» зритель в плену огромного обаяния Бабочкина. Сейчас, через тридцать лет, фильм так же волнует нас, как и в день своего рождения, хочется смотреть его снова и снова, встречаться с героями, как с дорогими, близкими людьми.

— Да, конечно, Чапаев — моя любимая роль,— отвечает на наш вопрос Борис Андреевич.— Но не только Чапаев — Хлестаков, Иванов, Сысоев...

Мысленно мы продолжили этот список: царевич Алексей в пьесе А. Толстого «Петр I», Незнамов в «Без вины виноватые» А. Островского, Самозванец в пушкинском «Борисе Годунове», Иван Рыбаков в одноименной пьесе В. Гусева... За сорок лет Бабочкин сыграл больше 200 ролей, снялся во многих фильмах. И какие бы роли ни играл он, в каждой мы узнаем его неповторимое, «бабочкинское»...

Борис Андреевич сам поставил десятки спектаклей. Недавно состоялась премьера «Дачников» в Московском Малом академическом театре. Постановка эта, осуществленная Бабочкиным, встретила у москвичей восторженный прием.

— Я считаю постановку «Дачников» главным делом своей жизни,— говорит он.— Что хочется еще поставить и сыграть? Брехта, «Ревизора» Гоголя, «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина, современную западную пьесу. Ну и, конечно, хорошую, настоящую пьесу о нашей советской современности.

Т. ТРОИЦКАЯ

ПЕРВЫЙ ГОЛ

Итак, начался XXVI чемпионат страны по футболу. На южных стадионах мяч был введен в игру. Забиты первые голы, в таблице всесоюзного розыгрыша записаны первые очки. Известно имя автора первого гола сезона — им оказался нападающий команды-дебютантки «Шинника» Леонид Лозовский. Его мы и видим на снимке (слева) в борьбе за мяч с игроком минского «Динамо» Эдуардом Зарембо.

Фото Г. Кикнадзе. (ТАСС.)

МЕЖДУ ПРОЧИМ

РАЗОБЛАЧИЛА КАТАСТРОФА

В американском штате Нью-Джерси столкнулись два автомобиля. Оба водителя сразу же выскочили из машин и кинулись бежать. Оказалось, что автомобили были краденые.

■

КЕНГУРУ ДЕРЕТСЯ

Этот случай произошел вблизи австралийского города Мельбурна. Пастух Л. Оливер отправился в лес искать заблудившихся овец. Неожиданно на его собаку, бежавшую впереди, напала кенгуру. Затем разъяренное животное бросилось на человека. Между ними завязалась жестокая борьба. С большим трудом пастуху удалось убить кенгуру.

■

НЕВЕСТА ОПАСНОСТИ

Недавно в возрасте 88 лет в Нанси скончалась француженка Мари Марвен, получившая прозвище «невеста опасности». Она первой из французских женщин научилась управлять автомобилем, первой перелетела через Ла-Манш на воздушном шаре, первой пилотировала самолет. Мари Марвен во время первой мировой войны, переодевшись в мужской костюм, провоевала четыре года на передовых позициях.

■

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПОДАРОК

В одном из складов токийской таможни несколько месяцев лежит необычная посылка. В ней находится старинная сабля, которую папа Иоанн XXIII послал в подарок японскому художнику Юши Домоти. Но художник не смог получить посылку, так как, по японскому закону, никто не имеет права держать холодное оружие длиною более двенадцати сантиметров. А размер сабли значительно превышает эту норму.

Мартти ЛАРНИ

Михаил Шолохов в гостях у Мартти Ларни.

БЕСЕДУЯ С ШОЛ

В прошлом году Михаил Шолохов побывал в Финляндии еще раз. Поскольку мы к тому времени были уже хорошо знакомы, нам не пришлось слишком долго разговаривать о прекрасной погоде и обмениваться общими фразами, с помощью которых обычно заполняют пустоту. Итак, мы прямо перешли к вопросам нашей профессии. Меня, в частности, интересовали те новые веяния в искусстве и литературе, которые в последние годы чувствуются как в Советском Союзе, так и в других странах.

— Я никогда не был противником чего-либо нового и обновляющего,—сказал Михаил Александрович Шолохов,— однако само по себе слово «модерн» еще не делает вещь художественным произведением, а заумность — это не то же самое, что глубина.

— Мне кажется,— ответил я скептически,— что мы, писатели зрелого возраста, несколько консервативны. Над нами слишком довлеют возвышенные идеи и высокие идеалы. Мы осуждаем разрекламированное на Западе вздорное и суетное чтиво, хотя и видим, что миллионы читателей наших дней довольны такой духовной пищей и лучшей не требуют. Мы относимся отрицательно к порнографии, к бездумности. Может быть, мы отстали от времени? Нам бы следовало, вероятно, понять, что добродетельный и уравновешенный человек ныне стал старомоден и скучен, тогда как дерзкий и порочный вызывает большой интерес. Как ты думаешь, Михаил, не переменить ли нам стиль?

В глазах Шолохова сверкнуло пламя, и он ответил с усмешкой:

— Не будь циником, брат Мартти! Я не могу понять, почему на Западе столько шумят вокруг новейших порнографических романов. Порнография никогда не была и не будет искусством. Изображая эротику, писатель ставит как бы на острие ножа интимное и прекрасное в человеке. Но писатель не имеет права ранить читателя этим ножом. Писатель не должен, по-моему, изображать человеческие слабости и пороки просто как таковые, ради их самих, а только ради того, чтобы показать их гибельность.

— Но нынешние критики и читатели считают такой взгляд устаревшим.

— Пусть их считают! В советских литературных и художественных кругах в последнее время велась своего рода борьба идей между так называемым старым и так называемым модернистским искусством. Представители обоих направлений встречаются друг с другом. Каждый может свободно выражать свое мнение — как сердитые молодые люди, так и заслуженные художники и писатели. Такую свободу идей я считаю подлинной свободой. Будущее, во всяком случае, покажет, чьи произведения сохранят свою ценность, а чьи отцветут и забудутся, как только пройдет переменчивая мода...

БОЛЬШОЙ КАНУН

(Окончание. Начало см. на 2-й стр. обложки)

и за труд, за урожай получают тоже одинаково. Так что было бы несправедливо не назвать прежде всего имен свекловодов Кузьмы Лукьянова, Федора Брущенко, Николая Булышева, Николая Фатьянова, Владимира Веревкина и кукурузоводов Николая Пруглова и Даниила Галки. Все они отличные механизаторы, свято чтят законы товарищества, люди высокой совести и мастера на все руки. Приезжие трактористы и механики, принаряженные по случаю своего гостевания, видят членов двух прославленных звеньев в их повседневной рабочей обстановке, в замасленных телогрейках. Николай Фатьянов и Федор Брущенко прямо с демонстрационной площадки забрали на тракторную тележку бороны и шлейфы — время перебираться в степь, закрывать влагу! Николай Булышев тут же у всех на глазах варит подножку к переоборудованной сеялке — скоро сеять... Не оттого ли и лаборатории здесь напоминают мастерские, а мастерские являются лабораториями.

За хоздвором — бетонированная площадка, на которой выставлены два комплекса машин: одним пользуется звено В. Светличного, другим — звено В. Первицкого. В те дни Владимир Андреевич был в ГДР. Пояснения на площадке давал Кузьма Игнатьевич Лукьянов, а рядом — по комплексу машин своего звена — Владимир Яковлевич Первицкий. И тот и другой подробнейшим образом рассказывали о тех приемах обработки почвы и семян, о тех приемах ухода за посевами, которые помогают в течение вот уже нескольких лет получать высокие, а главное, дешевые урожаи пшеницы, ячменя, гороха, свеклы и кукурузы. Не гектар, не десять, как у знаменитых свекловичниц и кукурузоводов, а сотни гектаров зерновых, сотни гектаров кукурузы и свеклы обслуживают звенья механизаторов в Ново-Кубанке! Затраты труда сведены до минимума, себестоимость продукции во много раз ниже, чем на плантациях ручного труда, а объем работ, сбор урожая растут год от года.

Самое любопытное — реакция приезжих.

Очень немного таких, которые с видом знатоков отмахиваются: «Мне бы условия, и я бы...» Да, условия в институте — это прежде всего условия труда в высшей степени современного, производительного. Странно было бы встретить и здесь, как обычно, засоренные поля, отсутствие запчастей, недобросовестное отношение к работе. Да и техника подобрана только лучшая и только нужная,— а разве должно было бы быть иначе? Один из воронежцев вдруг возмутился: «Все машины да машины, а как же тогда колхозниц трудоустроить, бабам-то чем заниматься, это что ж, безработица?..» Комично прозвучало такое возражение. В нашей деревне еще так много несделанного, что дай-то бог в каждом хозяйстве снять с плеч женщин хотя бы груз ручной прорывки, прополки и копки свеклы. А дело, радостное и посильное, для них всегда найдется...

— Кузьма Игнатьевич, — обращается к Лукьянову воронежский тракторист Алексей Микеров,— а как же вы добиваетесь, что поле у вас ровное?

— Бороны и шлейфы пускаем по диагонали. По диагонали! — повторяет Лукьянов.— Я на целину ездил, учил тоже, так там у меня целая свадьба была: и тяжелые бороны, и маленькие боронки, и сразу катки. Потому как ветер там силен... Вся работа с землей — это война с сорняком. И в той войне все средства хороши: и провокация, и гербициды. Тут уж или ты их одолеешь, или они тебя...

— Чаще они,— заметил кто-то грустно.

— Так то от механизаторов зависит! У нас как? Только солому убрали — уж поле наше, свекловичное, ни часу не ждем!..

— А сколько раз обрабатываете лущильником?

— Про «разы» забудь, обрабатывай, сколько того земля и сорняк требуют! У нас ребята в зве-

Незаметно разговор перешел к отношениям между Советским Союзом и Финляндией, к культурным связям между нашими странами. Шолохов с сожалением говорил о том, что мало знает финскую, а тем более молодую финскую литературу, поскольку до сих пор она еще мало переводилась на русский язык. Но, может быть, укрепление культурных связей с течением времени восполнит этот пробел. В Финляндии мы сравнительно хорошо знакомы и с классической и с новейшей литературой великой соседней страны. У нас, к счастью, есть молодые способные переводчики, которые служат связными литературы. Финские писатели очень довольны, что в Советском Союзе есть такой талантливый переводчик, как Владимир Богачев, тонкий знаток языка и виртуозный стилист, который в последние годы успешно переводит на русский язык финские стихи и прозу.

— Личные встречи и непосредственные беседы помогают укреплению наших отношений,— говорит Михаил Шолохов.— Писатели и деятели искусства — лучшие послы культуры, потому что они не испытывают официальной скованности и, как бы горячо они ни спорили, их споры — мирные споры. Зная многих финских

ОХОВЫМ

писателей, я заметил, что пресловутая замкнутость и неразговорчивость финнов — это не более как миф. Посмотришь на итальянцев — они, внешне такие оживленные и горячие, часто бывают внутренне холодными. Вы же, финны, наоборот, внутренне эмоциональны, сердечны, хотя и любите носить каменную маску замкнутости.

Мне кажется, что Михаил Шолохов верно почувствовал финский национальный характер. Это неправда, конечно, что у каждого финна нож в рукаве; что финн, как выпьет, так и в драку лезет, боясь, чтобы добрый хмель не пропал зазря; что финны укорачивают свой век водкой, баней и спортом; что самое тяжкое бремя финского характера — подозрительность. О различиях и сходстве финского и русского характера мы с Шолоховым говорили не раз, когда я гостил у него в станице Вешенской в июле прошлого года.

Неделя, проведенная на берегах Тихого Дона, явилась большим событием в моей жизни. Могучая шолоховская эпопея казачества и сам автор ее, счастливо соединяющий в себе огненный казачий темперамент и нежный славянский лиризм, стали мне еще ближе и роднее.

Перелистывая страницы моего вешенского дневника, я хотел бы процитировать следующие строки из него:

«Мы просидели весь вечер у Тихого Дона и говорили о долге и правах писателя. Михаил опять был в чутком возбуждении рассказчика и поразительно описывал суровые годы своих «университетов». Наш английский друг Роджер Лаббок (английский издатель Шолохова) сказал мне утром, что теперь ему открылось подлинное лицо Михаила Шолохова как человека и как писателя. «Ведь он же пророк и провидец,— сказал Лаббок.— У него лишь одно призвание и цель в жизни: изображать человека как индивидуальность и как часть огромного целого». Я совершенно согласен с Лаббоком. Мне понятна любовь Шолохова к Дону, к его природе и людям. Дон для него не просто черная плодородная земля и желтый бесплодный песок. Дон — это живое, одухотворенное целое. Человек, которого до слез волнует воспоминание о тяжелых боях за свободу родины,— это не только солдат и не только пламенный патриот — это поэт, для которого родина его собственная плоть и кровь...»

Эти несколько патетические дневниковые заметки напоминают мне о многих минутах, проведенных в беседах с Шолоховым, окрашенных особым русским юмором, со смешными притчами и ласковой иронией. Часто мои друзья и знакомые спрашивают меня: «Как же ты мог часами разговаривать с Шолоховым, если у вас даже нет общего языка?» На это я должен честно ответить:

— Конечно, мы говорим через переводчика, но когда тема увлекает нас, тогда мы уже говорим на одном и том же языке, хотя, может быть, и на несколько различных его наречиях: это такой интуитивный язык человечности, в котором звук голоса, глаза и руки часто могут сказать больше, чем все слова.

На этом же своеобразном языке мы продолжали начатый на Дону разговор, когда Михаил Александрович и Мария Петровна были в гостях у меня дома, в Хельсинки, несколько недель тому назад. Это был уже седьмой приезд Шолохова в Финляндию. Здесь он чувствует себя как дома. В нашей стране у него много благодарных читателей, которые с нетерпением ждут его новых книг.

Вспоминаю пресс-конференцию в Хельсинки (с тех пор уже прошло пять лет), где некий представитель большой газеты задал Шолохову вопрос:

— О чем советский писатель **может** писать?

Шолохов удивленно тряхнул головой и сказал:

— Насколько я знаю, у всех писателей объект один: **человек**. Что же еще достойно внимания, если не человек, его радости и горе, его борьба и его возможные победы?

Михаил Александрович не слышал тогда, что я, со своей стороны, сказал этому журналисту:

— Вы, разумеется, считаете человека слишком ничтожным объектом, поскольку на свете так много людишек и так мало людей. Если бы Дарвин был жив еще, он, наверно, переписал бы заново свою эволюционную теорию, доказав, что обезьяна произошла от человека...

Уязвленный журналист резко повернулся и вышел вон. Может быть, он поспешил в книжный магазин, чтобы купить книгу Дарвина? Но пресс-конференция продолжалась и без него. А когда она кончилась, все присутствовавшие должны были признать, что Михаил Шолохов представляет собою явление, редкое для наших северных широт: он не только хорошо пишет, но и хорошо умеет говорить. Это же наблюдение сделал и я. Я вновь убедился в этом в конце февраля, когда мы наперебой говорили шесть часов подряд. Летом мы намерены побить этот наш рекорд — либо на Дону, либо в Хельсинки.

не не уснут, если хоть одно шильце зеленое пробьется на поле... Мы как? Днем навоз в смеси с суперфосфатом разбросаем, а ночью запашем — к утру чтоб обязательно!

— Что ж вы от темна дотемна в поле? — с недоверием спрашивает звеньевой из воронежского совхоза «Масловский» Александр Галкин.

— Как придется, по совести... Но и то сказать, ведь не каждый же день! Если сравнить работу нашего звена с любым в стране, то у нас затрат на центнер продукции много меньше. Бывает, и не доспишь, а в общем-то мы больше вас отдыхаем.

— Чего и говорить,— соглашается Галкин,— иной раз колготы много, а получаем слезки...

И все-таки до многих приезжих не сразу доходит огромное прогрессивное значение такой вот организации труда, когда не норма, не задание важны, а конечный результат. Урожай и себестоимость. Николая Пруглова раз десять спрашивал все один и тот же полтавчанин:

— Ну, а яка ж таки норма у вас?

Пруглов сначала объяснял подробно, а потом под хохот присутствующих только руками развел. Полтавчанину отвечали теперь уже сами слушатели семинара:

— Да пойми ты, чудило, что они гонятся не за гектарами, не за выработкой, а за центнерами!

— Ну, а яка ж продолжительность рабочего дня? — не унимался полтавчанин.

Вперед шагнул заведующий производственным участком колхоза имени Кирова, что под Воронежем, Анисим Андрианович Водопьянов.

— Да отрекись ты от старого! Тебе же говорят, что люди добрые не часы считают, а урожай! Понял? Есть у них и хронометраж, счет секундам ведут, но то для науки, то институт занимается, а механизаторы считают только центнеры с гектара. Осенью! Понял? Больше вырастил — больше получил! А ты за нормы держишься... То старая и вредная песня, нереально в сельском хозяйстве работать от звонка до звонка!..

Полтавчанин думал...

А Николай Пруглов добавил со смехом:

— Вот на уборке мы не перетруждаемся, потому что на уборке мы зависим от шоферов, которые возят зерно или початки от комбайна. Мы привыкли от души работать, навалом, а шофера приезжают к девяти утра и в пять вечера уже «до свидания»...

Да, такое отношение к сезонной деревенской работе многим знакомо.

О совести механизатора говорил новым друзьям и Владимир Яковлевич Первицкий, человек удивительного обаяния, с языком и мышлением широкообразованного инженера:

— В звене нас трое, и работаем мы одинаково. И получаем поровну. Труд и оплату в один котел, без обиды. Каждый идет на любую работу без оглядки — выгодно или не выгодно. Пришли, конечно, к этому не сразу... Нам платят, например, по двадцать копеек за плановый центнер кукурузы. Сначала плановый урожай был двадцать пять центнеров с гектара — средний по трем годам вывели. Теперь другой рубеж. Сами установили — пятьдесят центнеров!.. В месяц мы получаем в течение года по семьдесят рублей. Это, так сказать, прожиточный минимум. А после подсчета урожая получаем дополнительно все, что приходится. В среднем на месяц выходит сто семьдесят рублей...

Наш труд,— продолжает В. Первицкий,— приближен к индустриальному. А норма нам ни к чему. Например, боронование по всходам делаем не спеша, со скоростью два-три километра в час. Трудно, но держишь. А вот пашем на повышенных скоростях. Культивируем междурядья на любой скорости — тут уж совесть тракториста регулирует! Поэтому в звено советую брать только лучших людей, совестливых, чтоб один за другого не прятался. За нашим звеном никто работ не замеряет. И агроном по пятам за нами не ходит...

Люди все это записывают. И то, что пунктирный сев кукурузы хорош только на чистых полях; и то, что есть уже в природе замечательный навесной опрыскиватель, но который промышленность не хочет выпускать; и то, что надо смелее применять на свекле сетчатые бороны, только непременно правильно цеплять их («...за третье кольцо со стороны короткой тяги»,— записала агроном с Сумщины Александра Демченко)... Сотни людей учатся в Ново-Кубанке, жадно, пытливо овладевая новыми знаниями, без которых нельзя шагнуть в завтра нашей деревни. И в этом съезде механизаторов в Ново-Кубанке, в этом стремлении работать на земле по-современному, технично и прибыльно, угадывается большой канун весны.

Председатель Совета Министров Литовской ССР Мотеюс Шумаускас.

Н. ХРАБРОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

ОДИН ВОПРОС

...Литовское небо держалось на шпилях костелов, как на штыках. Крестный ход полз на коленях под частый звон колоколов. В мглу уплывали холмы, вдаль уходила дорога.

Мотеюс Шумаускас долго шел по этой дороге. Прятался от дождей под зелеными крышами придорожных ив. Завидев людей в мундирах, незаметно ощупывал карман: при себе ли спасительный паспорт на чужое имя?

Потом на заседании Политбюро ЦК КП Литвы говорил:

— Я только что прошел всю Литву. В ней все, как сто лет назад. Так же нищ и безграмотен народ. Ксендзы, кулаки и буржуазия презирают его и боятся. Нам в подполье надо бороться до тех пор, пока не установим в Литве Советскую власть.

И опять долгие годы скрывался в подполье, был в тюрьмах Каунаса и Укмерге, в мокрых подземных казематах Девятого форта. В июне 1940 года пришла свобода, на двенадцать месяцев сбылась мечта. Затем — прыжок с самолета в глухие партизанские леса, опять чужой паспорт, подполье в фашистском тылу, борьба за Советскую власть.

И вот на обломках старого мира надо строить новый, свой.

...Заседание ведет председатель Совета Министров Литовской ССР Мотеюс Шумаускас. Перед ним повестка дня, в ней двенадцать вопросов. О ремонте рыболовных судов. Об укреплении материальной базы школ. О переселении крестьян с хутора в колхозные поселки. О ходе строительства химических заводов...

Химические заводы в Литве. В той самой, которая... Ну да ладно вспоминать прошлое! Председателю Совета Министров больше положено думать о будущем.

За столами в зале заседаний рядом усаживаются директора новых заводов, молодые инженеры, дети сверстников Мотеюса Шумаускаса — мастеровых и крестьян. Рады встрече. Они ведь друзья не только по работе, но и по студенчеству: все из Каунасского политехнического. До Советской власти институт, помнится, выпускал не то трех, не то четырех химиков в год, да и тем нечего было делать в Литве. Теперь каждый год в республике готовится сто семьдесят пять инженеров-химиков. Они полны нетерпения: вон как горячо требуют ускорения монтажных работ и увеличения капиталовложений!

Такими он и хотел видеть людей нового поколения.

Идет заседание Совета Министров Литовской ССР... А мы поедем по дорогам Литвы, посмотрим, как строятся и как работают заводы.

...Литовское небо держится на опорах ЛЭП, как на плечах серебряных великанов. И еще — на трубах.

«Трубы, трубы и трубы! Вы сегодня земные колонны, на которых держится небо»,— вспоминается строчка из стихов Межелайтиса. И под землей тоже трубы, по ним течет в республику дашавский газ.

В центре Литвы, недалеко от маленького провинциального городка Ионавы, они и встречаются: электроэнергия северо-запада, дашавский газ, чистая вода Нериса и полевой воздух Литвы — все, что нужно для завода азотных удобрений. И завод достраивается, готовится к пуску жидкого аммиака. К приему этого целебного напитка земли готовится вся республика: на восемнадцати железнодорожных станциях строятся склады, делаются емкости для колхозов и совхозов, создаются машины со щупами, которые будут вливать аммиак в пашню, каждый год по сто тысяч тонн.

— Десятки тысяч тонн только для начала,— рассказывает технолог Бронислав Лубис,— по-настоящему мы развернемся с пуском второй очереди завода.

Центром индустрии становится маленький провинциальный городок Ионава в центре Литвы.

...В декабре 1963 года в Москве был праздник литовского слова — медлительной, похожей на старинную песню речи, сильных и нежных стихов. На этот праздник прислали свою «поэму» и жители городка Кедайняя. Правда, облик у посылки был прозаический и деловой — это был мешочек суперфосфата, переданный секретарем ЦК КП Литвы Антанасом Снечкусом Н. С. Хрущеву по просьбе кедайняйских химиков в знак того, что именно в те дни вступил в строй Кедайняйский химкомбинат. Сотни тонн серной кислоты и суперфосфата производит он в сутки. Через год начнет работать цех амофоса...

...Каунас уже не первый год славится среди женщин своими шелками. Но скоро будет производить их еще больше. Огромное сооружение из белого камня и стекла строится на окраине Каунаса. Это завод ацетатного шелка. Каждые сутки он будет вырабатывать сорок тонн нити. Ее хватит для ста пятидесяти тысяч метров дешевой и прочной ткани. Вот как намерены одевать женщин каунасские кудесники.

...Приходилось ли вам видеть водопроводные трубы, свернутые в бухты? Так вольно обходятся с ними в Вильнюсе, на заводе пластмассовых изделий. Трубы эластичны и легки, потому что сделаны не из металла, а из полиэтиленовой крошки. Из той самой, из которой получаются полиэтиленовые мешочки, мягкие трубы хороши не только для водопровода и других подземных коммуникаций, но и для дренажа. Белорусские мелиораторы направили сюда свой заказ.

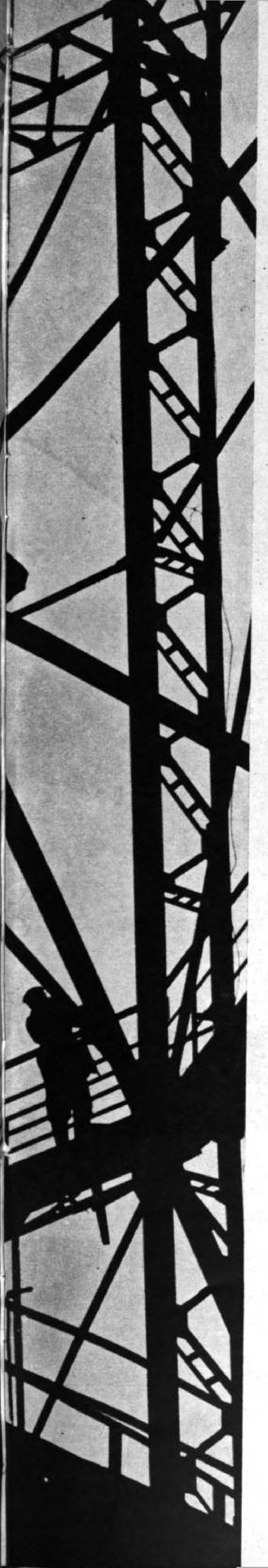
А сколько организаций и учреждений Литвы работает на химию! Архитекторы Института промышленного проектирования создают современный интерьер химических заводов. В Институте городского проектирования рождаются планы новых городов для химиков. Даже художники Вильнюсского Дома моделей занялись химиками и разработали для них тридцать моделей рабочей одежды...

А тем временем экономисты, плановики и финансисты готовят еще одну новую строительную площадку. Сюда, в небольшой городок, в край песка и сосен, по нефтепроводу «Дружба» придет нефть. И тогда к пяти тысячам жителей городка прибавится еще семьдесят пять тысяч.

Горячий завтрашний рабочий день Литвы — вот что такое вопрос о строительстве химических заводов, один из двенадцати, рассмотренных на заседании Совета Министров республики.

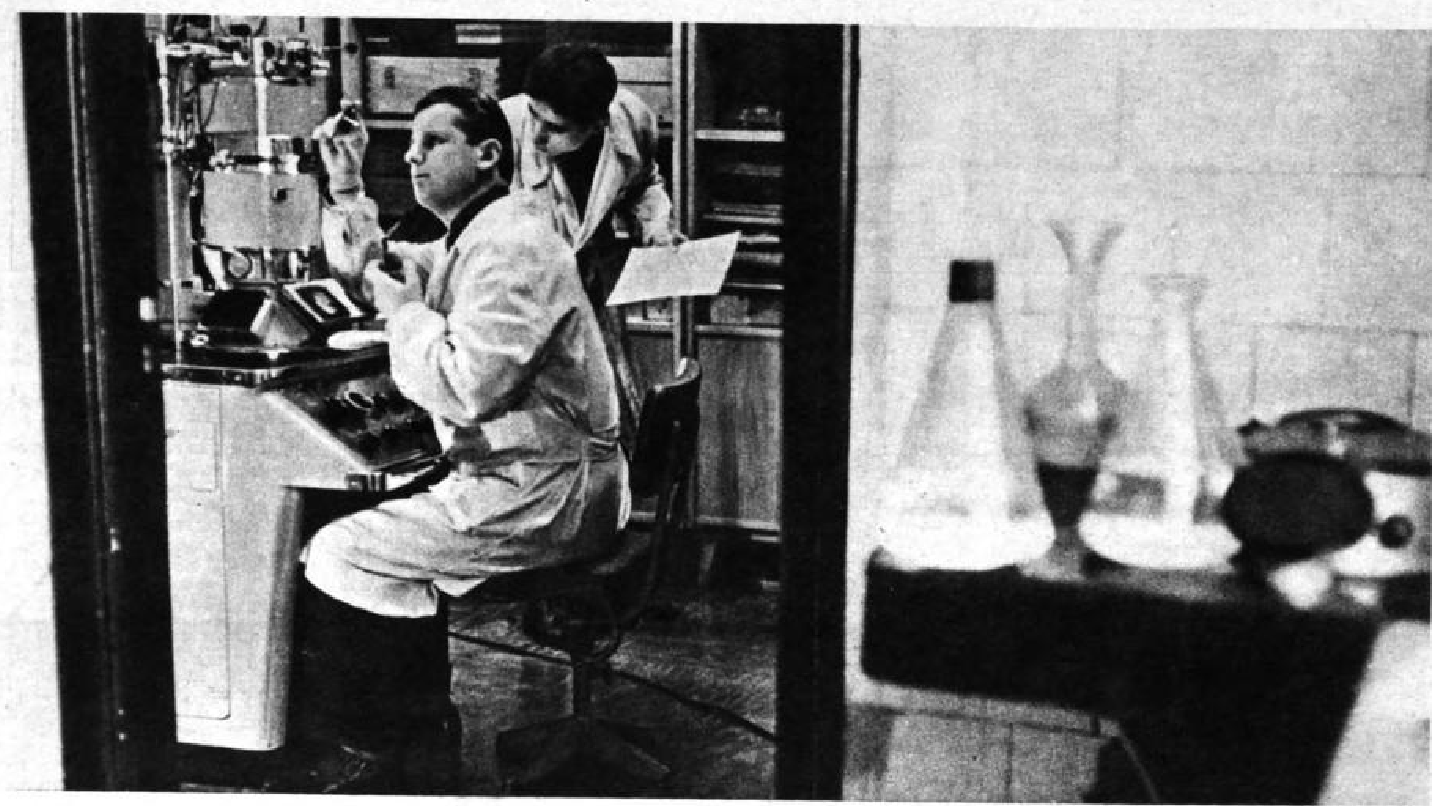

Ионавская «графика».

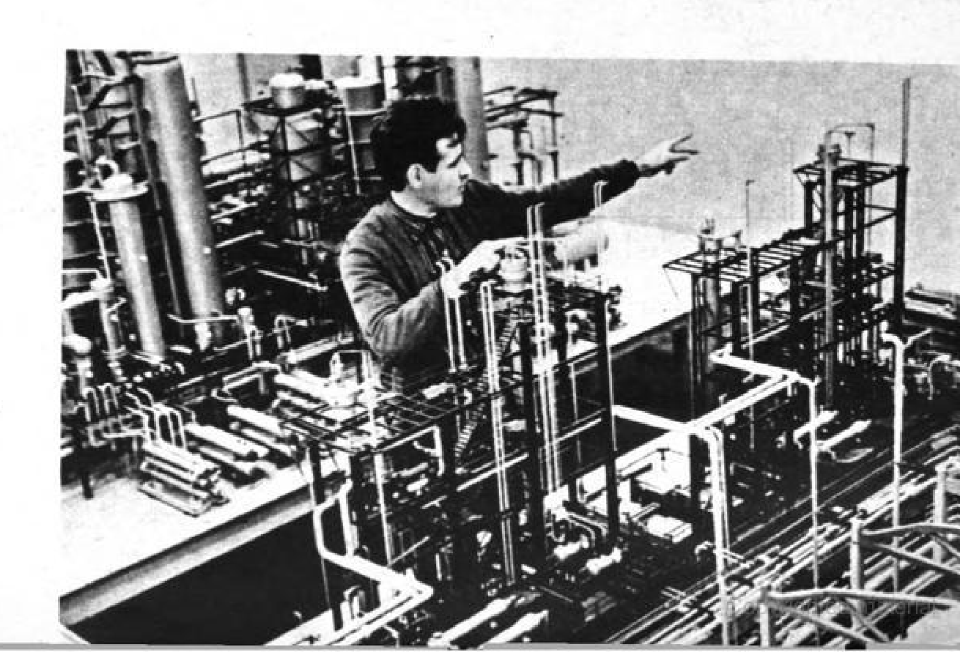

Темп задает начальник смены инженер Сигита Матулите.

Ученый секретарь Института химии и химической технологии АН Литовской ССР Ф. Алейников создает новые структуры стекла.

Бронислав Лубис: — За стеной такие же конструкции, увеличенные во много раз.

Весь путь превращения бесцветного газа этилена в чудесную пластмассу — перед глазами оператора (нижний снимок). Свойства и возможности применения этого материала исследует в новой лаборатории Салаватского нефтехимического комбината Раиса Замесина.

Фото Л. Шерстенникова.

ЦАРЬ ПЛАСТМАСС

Рамиль ХАКИМОВ

Между «Синтезспиртом» и Уфимским нефтеперерабатывающим заводом пролегли три дороги: железная, трамвайная, автомобильная. Но я хочу рассказать о дороге, по которой на завод приходит главный герой этого небольшого рассказа — газ.

До недавнего времени он сжигался в факелах. Невеселое это было пламя! Никого оно не согревало. Сам газ ничего вроде и не стоил, но он таил в себе бесценные сокровища. Художники создавали недвусмысленные картинки: зачеркнутое пламя, а рядом рог изобилия, из которого сыпались шины, шубы, игрушки и прочий ходовой товар.

Вместо факела на «конец трубы» неплохо было бы «посадить» завод. И вот газу предложили пробежать по трубе несколько лишних километров и после переработки выйти на белый свет в очень даже ощутимом виде.

Итак, я приглашаю вас в небольшое путешествие. Пройдемся вдоль трубы.

* * *

Этилену на заводе уготована более чем теплая встреча. Для того, чтобы его отделить от других газов и очистить, нужны громадные давления и высокие температуры.

Посмотрим, что с ним делают в двух цехах: синтеза этилового спирта и полиэтилена.

В первом цехе газ под давлением в восемьдесят атмосфер, при температуре в триста градусов устремляется к реактору. По дороге к нему присоединяется горячий пар. Не таков этилен, чтобы вот так, сразу смешаться с водой. Он натура довольно замкнутая. Но, когда в реакторе на него начинает действовать катализатор, он сдается.

В резервуарах скапливается готовая продукция. Откройте краник — вот он, спирт. Невидимка превратился в жидкость. А дальше спирт попадет на заводы синтетического каучука...

Во второй цех — цех полиэтилена — газ приходит предельно очищенным.

Каскады могучих компрессоров, занявших несколько огромных залов, постепенно поднимают давление. Подрагивают стрелки приборов. Пол-атмосферы... Три... Пятнадцать... Семьдесят... Триста пятьдесят... И вот уж вовсе сверхдавление — тысяча пятьсот атмосфер!

Струя газа, разогнанная этой чудовищной силой, пробивает даже металл.

Этот-то вихрь и врывается в реактор.

С этажа на этаж уходят извивы трубчатого полимеризатора. Труба в трубе. По внешней несется горячая вода, по внутренней — этилен, молекулы которого даже в этих условиях не изменяют своему замкнутому характеру. Толчок для цепной реакции дает ничтожное по отношению к массе газа количество кислорода. Молекулы образуют длинные устойчивые цепи.

Правда, первоначально полимеризуется всего десять — двенадцать процентов этилена. Но упрямые машины вновь и вновь гонят остатки газа в реактор, пока он весь не превратится в кристаллы полиэтилена.

* * *

В Башкирии всюду встретишься с химией. Карбамид Салавата, добавленный в почву, намного увеличивает урожайность поля. Гербициды уничтожают сорняки и стимулируют рост колосьев.

На трикотажной фабрике в Уфе готовят к выпуску жакеты из искусственного волокна. На лакокрасочном заводе синтетические вещества позволяют выпускать дешевую устойчивую эмаль и долговечную краску для покрытия стен. Объединение «Мир» шьет изящные, самых разных цветов плащи из пластиката. На кабельном заводе полиэтилен зарекомендовал себя как прекрасный изолятор. Словом, возможности применения даров химии чрезвычайно разнообразны.

Я принес домой немного полиэтиленовой пленки и не успел предупредить, что это заводской сувенир, а уж смотрю: эластичная, водонепроницаемая продукция Уфимского завода синтетического спирта нашла применение — как подстилка под простыню моей годовалой дочурке. Спасибо, завод, тоже нужная вещь!

Кроме Уфы, самые разнообразные материалы и вещи из башкирского полиэтилена делают на шестидесяти предприятиях страны. Из него можно получить тысячи изделий, заменяющих стекло и мех, шелк и кожу, дерево и камень, металлы и каучук. Он применяется на земле и на воде, над землей и под землей. Недаром полиэтилен называют «царем пластмасс».

Уфа.

ЛОЗУНГ НА СКАЛЕ

К северу от Свердловска, недалеко от озера Таважуй, возвышаются скалы «Семь братьев». Причудливы их очертания. Одна из них напоминает огромную нахохлившуюся хищную птицу. Скалы эти известны далеко за пределами Свердловской области. О них в народе сложено немало легенд.

В любое время года скалы — излюбленное место туристов. Есть там на одной скале надпись, которая заставляет задуматься каждого, кто видит ее впервые. Буквы уж полустерлись, но видны еще довольно отчетливо. Это революционный лозунг: «Да здравствуетъ соціальная революція!»

Твердый знак и начертание буквы «і» не оставляют сомнения в давности этой надписи. Но кто ее сделал? Чья рука вывела пламенные слова высоко над землей на отвесной скале?

Было это в 1912 году. Скалы «Семь братьев» служили местом сбора революционеров из близлежащего поселка Верх-Нейвинск. Летом 1912 года стало известно, что в поселок прибудет пермский генерал-губернатор: местные власти хотят показать ему достопримечательности Среднего Урала — скалы «Семь братьев». Верхнейвинские большевики решили испортить настроение высокому гостю. Двое рабочих П. А. Фирсов и Ф. А. Воробьев по поручению партийной организации сделали эту надпись. С тех пор прошло более полувека, но и до сих пор революционный лозунг является свидетельством борьбы уральских рабочих.

Вызывает сожаление, что его не пощадили легкомысленные любители оставлять свои автографы.

Н. ЯКОВЛЕВ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ПЕЧАЛЬ ЛЕСНОЙ ХОЗЯЙКИ

В корреспонденции «У лесной хозяйки» («Огонек» № 8 за 1963 год) рассказывалось об Ане Инюшкиной, работнице Московского государственного охотничьего хозяйства, что раскинулось к северо-востоку от столицы.

Нелегко было приучить обитателей Уссурийской тайги — пятнистых оленей — по зову гонга выходить из лесной чащи на центральную усадьбу хозяйства, где для них всегда припасен обильный и вкусный корм. Аня взяла лаской и нежностью. Она сумела приручить не только пугливых пятнистых оленей, но и лесных великанов — лосей.

Все шло хорошо. И вдруг животные начали пропадать: лоси гибнут под колесами автомобилей на шестикилометровом участке кольцевой автомагистрали, проходящей по угодьям охотничьего хозяйства.

Начальник ОРУД—ГАИ управления охраны общественного порядка Исполкома Моссовета В. Н. Придорогин сообщил редакции, что опасный участок будет огражден соответствующими дорожными знаками, которые насторожат водителей.

И вот Аня снова пишет в редакцию:

«С тех пор, как у меня в гостях побывал ваш корреспондент, я потеряла еще шесть лосей и пятнистого оленя. Что же это такое творится! Егерям и охотникам большого труда стоит отлов в сибирской тайге каждого дикого животного. Немало средств затрачивается на то, чтобы доставить его в леса Подмосковья. Неужели все это делается для того, чтобы олени и лоси гибли под колесами московского автотранспорта! Если так будет продолжаться и дальше, я лишусь всех моих питомцев».

Нам понятна тревога лесной хозяйки. И мы снова обращаемся к начальнику ОРУД—ГАИ.

Владимир Николаевич, вы выполнили свое обещание, оградив опасный участок кольцевой автомагистрали специальными знаками. А животные тем не менее гибнут.

Эти знаки можно заметить только днем. А ночью ни один водитель, конечно, их не разглядит. И почти все несчастные случаи с животными происходят в ночное время.

Выход из положения прост. Нужны световые сигналы. Нужны красочные плакаты и транспаранты, хорошо освещаемые в ночное время.

Не так уж трудно все это сделать. Так за чем же дело, Владимир Николаевич?

Мы задаем этот же вопрос и начальнику Главного Управления охотничьего хозяйства и заповедников РСФСР Николаю Васильевичу Елисееву.

Вот какого красавца потеряла лесная хозяйка. Его постигла та же участь, что и шестерых сохатых,— гибель под колесами автомобиля.

Фото П. Корнеева.

Повесть

Василь БЫКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

АЛЬПИЙС

13

Первым его ощущением реальности было теплынь.

Даже не теплынь, а жара, скорее духота. Чудилось, будто лежит он на носилках в санбате, возле печки. Пекло не только ноги, больше голову и плечи, очень хотелось пить, повернуться, чем-то заслониться от этого изнуряющего зноя, и все же сонливая усталость владела им так сильно, что он не мог даже раскрыть глаз.

Так он томился в дремоте, и сон постепенно начал отступать. Иван потянулся, откинул руку и неожиданно ощутил росистую прохладу травы. Он с усилием раскрыл глаза и первое, что увидел, был ярко-красный цветок возле лица. Цветок робко и доверчиво подставлял солнцу свои четыре широких глянцевитых лепестка, на одном из которых рдела-искрилась, готовая вот-вот сорваться, прозрачная, как слеза, капля; легкий утренний ветерок тихо раскачивал его длинную тонкую ножку; где-то поодаль, в пестрой густой траве, сонно гудела оса. Не понимая, где он, Иван рванулся с земли, широко раскрыв покрасневшие глаза, и радостно удивился невиданной, почти сказочной красоте вокруг.

Огромный луговой склон в каком-то непостижимом солнечном блеске безмятежно сиял широким разливом альпийских маков. Иван бросил взгляд дальше, вперед, куда предстояло идти, и невольная радость его исчезла. Далеко за долиной снежными разводами синел массивный Медвежий хребет. Он был куда выше пройденного, который двумя близнецами-вершинами высился сзади; огромная тень от него прозрачной сиреневой дымкой накрывала широкую долину. Не заслоненный теперь ничем, этот великан оставался таким же далеким, сияющим и недоступным, как и вчера.

Где же Джулия? Он снова огляделся. Вокруг никого не было, рядом на примятых маках одиноко лежала тужурка. Но первая тревога его тут же исчезла: пистолет и обломленная буханка хлеба, очевидно, прикрытые от солнца рукавом тужурки, лежали в траве. Тогда он вскочил на ноги, его лихорадочный взгляд заметался по склону. Где она? В душе возникла недобрая мысль, но он не мог поверить в нее. Одиночество внезапно поразило его хуже всякой неудачи.

Он схватил пистолет, хлеб, сунул под мышку тужурку и бросился по траве вниз. Влажные бутоны били по его распухшим ногам, он оглянулся, вспомнив про колодки, но их тут не было. Тогда он опять быстро зашагал по лугу, шаркая ногами в сплошных зарослях маков, отошел довольно далеко и остановился: сзади по росистым цветам пролег его след.

Это навело его на догадку, и быстрым шагом он вернулся назад. Действительно, в росистой траве заметны были другие следы, они вели в сторону, где начинался распадок, и Иван устремился туда.

Сдерживая душевную тревогу, Иван обежал колючие рододендроновые заросли, усыпанные большими, с кулак, красными цветами, и тут со стороны небольшого распадка услышал шум водопада. Вскоре шум этот усилился, стало видно, как с черного, блестящего от сырости каменного желоба, разбиваясь о скалу, ниспадала блестящая водяная струя. Вокруг в туманном мареве рассыпались мелкие брызги, а в стороне от них на мрачном каменном фоне висело в воздухе разноцветное радужное пятно. Равнодушный к неожиданной красоте гор, Иван побежал дальше и вдруг остановился и тихонько опустился на землю. В полусотне шагов под струистой россыпью водопада спиной к нему стояла на камне и мылась Джулия.

Девушка не видела его и терпеливо подставляла свое худенькое, легкое тело под густую сеть струй. На ее блестевших от брызг остреньких плечах переливался разноцветный радужный блик.

Не в состоянии одолеть в себе застенчиво-радостного чувства, Иван медленно опустился в траву, лег, перевернулся на спину,— над ним засияло чистейшее, без единого облачка небо, влажные запахи земли хмельной брагой закружили голову.

Он не поднимался из маков и ни разу не взглянул на нее; лежа на животе, он рвал возле себя маки и машинально складывал их в букет. Полный сдержанной нежности, он продолжал это занятие, пока не услышал торопливые шаги. Он поднял голову; под водопадом никого уже не было: на ходу надевая полосатую куртку, Джулия пробежала невдалеке, направляясь туда, где оставила его. Он опять засмеялся, увидев ее нетерпеливый, озабоченный взгляд, но не окликнул, а, схватив тужурку, не спеша пошел следом.

Поблескивая на солнце мокрыми и черными, как смоль, волосами, она быстро обежала рододендрон и, будто споткнувшись, остановилась возле измятых маков. Даже издали нетрудно было заметить ее испуг и растерянность, с какими она взглянула в одну сторону, затем в другую и направилась по склону вниз. Однако в следующее мгновение что-то заставило ее оглянуться.

— Иван!!!

В этом восклицании прозвучали одновременно испуг, облегчение и радость, она всплеснула руками и птицей бросилась ему навстречу. Иван остановился. Казалось, целую вечность не видел он этих сияющих, радостных глаз, нежной смуглости щек, беспорядочной россыпи ее коротко подстриженных волос. Все в нем рванулось к ней, но он сдержал себя и молчал. Она же, подминая колодками маки, подскочила к Ивану, обеими руками обхватила его за шею.

Он затаил дыхание, а она, все еще обнимая его, порывисто откинула голову и захохотала, влюбленно вглядываясь в его лицо, горевшее от прикосновения ее холодных, упругих губ. Затем, не переставая смеяться, разжала пальцы, легко оттолкнула его и опустилась в траву. Глаза ее искрились и сияли озорным смехом, куртка, застегнутая на одну палочку-пуговицу, распахнулась, и в треугольнике-ямке меж грудей блеснул маленький синий эмалевый крестик. Этот крестик на миг остановил на себе его взгляд, она сразу же спохватилась и запахнула курточку, по-прежнему смеясь.

Он, однако, насупился, смутился, почувствовал, как что-то в нем рушится, какая-то неведомая сила подчиняет себе его волю. Только теперь он уже не стал с ней бороться — подчинился, потому что в этом подчинении была радость, и он сделал шаг к девушке. Джулия вдруг оборвала смех и вскочила навстречу.

— Иван! — всплеснула она, увидев цветы в его руках.— Это ест для синьорина? Да? Да?

Он и сам только теперь заметил в своей руке букет маков, бессмысленно взглянул на него и засмеялся. Она также засмеялась, понюхала цветы, утопив в букете свое милое личико. Затем положила букет на траву и быстро начала рвать вокруг себя маки.

— Джулия блягодарит Иванио. Блягодарит очен, очен...

— Не надо, что ты! — пытался остановить ее Иван.

— Очен, очен блягодарит надо! Иванио спасат синьорину! Руссо спасат итальяно! Это ест интернационале! Братство! — восторженно говорила она, продолжая рвать маки. Потом с целой охапкой их подбежала к Ивану и вывалила все цветы на его грудь.

— Ну что ты! — удивился он.— Зачем?!

— Надо! Надо! — смешно коверкая русское слово, настаивала она, и он вынужден был обхватить охапку маков вместе с тужуркой и завернутым в нее хлебом. Джулия, видно, на ощупь почувствовала там хлеб и, вдруг посерьезнев, вскрикнула: — Хляб?!

— Ага, давай поедим,— оживился Иван, положил все на землю и сел сам.

Джулия с готовностью присела рядом.

14

— Съесть бы все сразу,— сказал Иван, держа в руке черствый, с килограмм весом кусок хлеба — измятый, обломанный по краям и все же такой аппетитный и желанный, что оба, глядя на него, опять проглотили слюну.

— Асё, асё,— как эхо, согласно отозвалась Джулия, тоже не сводя глаз с хлеба.

Иван поверх ее головы посмотрел на далекий заснеженный хребет и вздохнул.

— Нет, все нельзя.

— Нельзя? Нон?

— Нон.

Она поняла и тоже вздохнула, а Иван разостлал на земле тужурку и положил на нее скромный остаток припаса. Предстояло отмерить две равные пайки.

Иван сосредоточенно делил хлеб. Каждый ломтик, каждая крошка взвешивалась их зоркими взглядами. Он сознательно сделал одну пайку побольше, потому что в другой была горбушка, что, согласно лагерной логике, считалось более ценным, нежели такой же по весу кусок мякиша. Когда все было разделено, остаток граммов в двести Иван засунул в карман тужурки.

— Это тебе, это мне,— сказал он просто, без традиционного ритуала дележки и подвинул ей кусок с горбушкой.

Она решительно вскинула смоляные брови.

— Нон. Это Иванио, это Джулия.— И поменяла куски местами.

Он глянул ей в лицо и улыбнулся.

— Нет, Джулия, не так. Это тебе.

— Нон,— не сдавалась она, смеясь глазами.

— Упрямая. Ну, как хочешь,— сказал Иван и откусил от своего куска.

Она быстро проглотила все, разумеется, не наелась и тайком стала поглядывать на оттопыренный карман тужурки. Иван, неторопливо жуя, замечал ее взгляды и невольно сам начал думать: а не съесть ли все, без остатка? Но все же отогнал эти мысли, потому что слишком хорошо знал цену даже и такому крохотному кусочку хлеба.

— Еще хочешь? — спросил он.

Она с подчеркнутой решимостью, словно боясь передумать, покрутила головой.

— Нон! Нон!

— А это? — кивнул он на корку, все еще лежавшую на середине тужурки.

— Джулия нон.

— Тогда давай так: пополам.

— Вас ист дас — пополам?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13, 14.

Девушка сморщила носик. Солнце светило ей в лицо, и она невольно гримасничала, словно дразнила Ивана.

— Немножко Ивану, немножко Джулии.

Он разломил корку; она нерешительно взяла свою часть и, откусив маленький кусочек, посасывала его.

— Карашо. Хефтлинген чокколята.

— Да уж при такой жизни и хлеб — шоколад.

— Джулия бежаль Наполи — кушал чокколята. Хляб биль малё — чокколята много,— сказала она, щуря темные, как ночь, глаза.

Иван не понял.

— Бежала в Неаполь?

— Си. Рома бежаль. От отэц бежаль.

— От отца? Почему?

— А, уна... една историй,— неохотно отозвалась она, еще откусила кусочек и пососала его. Потом с чрезмерным вниманием осмотрела корку.— Отэц хотель плёхой марито. Русски — ето муж.

Муж! Эта весть неожиданной болью обожгла его сознание, он сжал челюсти и нахмурился. Она, видимо, почувствовала это, с лукавинкой в глазах искоса взглянула на его омрачившееся лицо и усмехнулась.

— Нон марито. Синьор Дзангарини не биль муж. Джулия не хотель синьор Дзангарини.

Иван, все еще хмурясь, спросил:

вежьего хребта постепенно укорачивалась в долине, знойное пепельное марево дрожало на дальнем подножии горы, окутывало лесные склоны, только снежные хребты вверху ярко сияли, выставив, как напоказ, каждое блеклое пятно на своих пестрых боках.

— Триесте карашо! Триесте партиджяно! Триесте море! — оживленно лепетала Джулия и от избытка переполнявших ее радостных чувств запела:

> Ми пар ди удире анкора,
> Ля воче туа, ин медзэ ай фьори [1].

Она негромко, но очень приятно выводила незнакомые напевные слова:

> Пэр нон софрире,
> Пэр нон морире
> Ио ти пенсо, эти амо... [2]

Иван, затаив дыхание, слушал этот мелодичный отголосок другого, неведомого мира, как вдруг девушка оборвала песню и повернулась к нему.

— Иван! Учит Джулия «Катуша»!

— «Катюшу»?

— Си. «Катушу».

> Ра-а-ссетали явини и гуши,
> По-о-пили туани надэкой...—

пропела она, откинув голову, и он засмеялся: так это было неправильно и по-детски неуме-

— Вот и Геркулес,— вздохнул он.

— Болно? — Она осторожно пощупала огромный широкий рубец — след ножевого штыка.

Он сильно потер бок.

— Уже нет. Отболело.

— Ой, ой!

— Да ты не бойся, чудачка,— ласково сказал он.— А ну сильней!

Она никак не осмеливалась, и он, взяв в ладонь ее тонкие пальцы, надавил ими на шрам. Джулия испуганно вскрикнула и прижалась к нему. Иван придержал девушку за плечи, и это короткое прикосновение опять вызвало в нем радостное чувство, но парень почему-то отшатнулся. Нет, так нельзя! Нельзя себя распускать! Надо скорее уходить.

— Вот что,— нахмурившись, сказал он.— Надо быстрее идти, понимаешь?

— Си,— согласилась она, усмехнувшись и с какой-то испуганно-затаенной мыслью глядя ему в глаза.

15

Они спустились по склону от верхней границы луга к его середине. Тут маки начали постепенно редеть, уступая место другим цветам. Кое-где синели скопления душистых незабудок, качались на ветру колокольчики, от густого аромата желтой азалии кружилась голова.

КАЯ БАЛЛАДА

— А почему ты не хотела?

— О, то биль уно сегрето.

— Какой секрет?

Она, бросая смешливые взгляды то по сторонам, то исподлобья на него, сосала корку, а он сидел, уставившись в землю, и дергал с корнями пучки травы.

— О, сегрето! Маленько сегрето. Джулия любиль, любиль... как ето русско?.. Уно джёвинотто — парень Марио.

— Вот как! — сказал он и отбросил вырванный пучок травы, ветер сразу рассеял в воздухе травинки. Иван повернулся боком, теперь он почему-то не хотел смотреть на нее и лишь мрачно слушал.

А она, будто не чувствуя этой перемены в нем, говорила:

— Карашо биль парень. Джулия браль пистоля, бежаль Марио Наполи. Наполи гуэрро, война. Итальяно шиссен дойч. Джулия шиссен.— Она вздохнула.— Партиджяно итальяно биль мало, тэдэско мнёго. Мнёго итальяно убиваль. Мнёго концлягер. Джулия концлягер.

— Что, против немцев воевали? — догадался Иван.

— Си.

— Ого! — сдержанно удивился он и спросил: — А где же теперь твой Марио?

Она ответила не сразу, поджав колени к груди, гибкими руками обхватила длинные ноги и, положив на них подбородок, посмотрела вдаль.

— Убили?

— Си.

Они помолчали. Иван, однако, уже превозмог свою скованность, взглянул на нее, она, став серьезной, выдержала этот взгляд. Потом глаза ее начали заметно теплеть под его взглядом, недолгая печаль в них растаяла, и она рассмеялась.

— Почему Иван смотри, смотри?

— Так.

— Что ест так?

— Так есть так. Пошли в Триест.

— О, Триесте! — Она легко вскочила с травы, он также встал, с неожиданной бодростью размашисто перекинул через плечо тужурку. По огромному полю маков они пошли вниз.

Солнце припекало все больше. Тень от Мед-

ло, хотя мелодия у нее получалась неплохо.

— Почему Иван смехно? Почему смехно?

— «Расцветали яблони и груши»,— четко выговорил он.

Она с усердием школьницы начала петь «Катюшу», отчаянно перевирая слова, и оттого ему было смешно и хорошо с ней, будто с веселым, ласковым, послушным ребенком. Он шел рядом и все время улыбался в душе от тихой и светлой человеческой радости, какой не испытывал уже давно. Казалось, чем-то праздничным, сердечным дышало все среди этих гор и лугов, не верилось даже в опасность и почему-то думалось: не приснился ли ему весь минувший кошмар лагерей с эсэсовцами, со смертью, смрадом крематориев, ненавистным лаем овчарок? А если все это было на самом деле, то как рядом с ним могла существовать на земле эта первозданная благодать, какая сила жизни отделила ее чистоту от преступного безумия людей? Но то отвратительное, к сожалению, не приснилось, оно не было призраком: их разрисованная полосами одежда напоминала о том, что было и от чего они окончательно еще не избавились. Он тут же сорвал с себя куртку и прикрыл ее тужуркой. Джулия перестала петь и, улыбнувшись, осмотрела его слегка загоревшие, широкие и сильные плечи.

— О, Эркуле! Геркулес! Руссо Геркулес!

— Какой Геркулес! Доходяга! — скромно возразил Иван.

— Нон, нон! Геркулес!

Она шутливо хлопнула его по голой спине и обеими руками сжала опущенную вниз руку.

— Сильно, карашо руссо. Почему плен шель?

— Шел! Вели, вот и шел.

— Надо биль фашисто! — Она решительно взмахнула в воздухе маленьким кулачком.

— Бил, пока мог. Да вот...

Подняв локоть, он повернулся к ней другим боком, и на ее подвижном личике сразу отразилась жалость, почти испуг.

— Ой, ой! Санта Мария!

Местами в цветочных зарослях попадались каменистые плеши, возле них всегда было много колючей щебенки, особенно докучавшей его босым ногам. Иван начал осторожнее выбирать путь. Один раз перед его глазами в траве сверкнула красная капля, он нагнулся — между зубчатыми листочками рдело несколько крупных ягод земляники. Только он сорвал их, как рядом увидел еще такие же красные ягоды. Тогда Иван положил тужурку, присел; Джулия тоже со счастливым криком бросилась наземь.

Ягод было много — крупных, сочных, почти всюду спелых. Иван и Джулия собирали и ели их — жадно, пригоршнями, забыв о времени и об опасности. Прошло немало времени, солнце передвинулось на другую сторону неба и в упор освещало долину с перелесками и изрезанный расселинами Медвежий хребет.

Обливаясь пóтом, Иван ползал по траве на коленях в поисках ягод, когда услышал позади шаги Джулии. Он оглянулся и, вытирая лоб, сел на землю. Пряча в живых глазах лукавую усмешку, девушка быстро подошла к нему, опустилась на колени и развернула полу своей куртки. На измазанной земляничным соком полé краснела рассыпчатая кучка ягод.

— Битте, руссо Иванио,— нарочито жеманно предложила она.

— Ну зачем? Я уже наелся!

— Нон, нон! Эссен! Эссен!

Захватив в горсть ягод, она почти силой заставила его съесть их. Потом съела немного сама и снова поднесла горсть к его рту...

16

Видно, ягоды или зной притупили чувство голода, зато захотелось пить. «Вот еще не было заботы!» — подумал Иван. Надо бы идти, как можно ближе подобраться к снежному хребту, отыскать там какой-нибудь переход, добыть провианту, а тут вот лежи и жди. Чтобы не дать дремоте одолеть себя, он начал долбить каменным осколком землю. Откуда-то из травы перед ним появился большой, черный, с огромными клешнями жук; удивленный неожиданной встречей, жук остановился, вытаращил

---

[1] Мне до сих пор слышится твой голос среди цветов.

[2] Чтобы не страдать, чтобы не умереть, я думаю о тебе и тебя люблю...

рачьи глаза и ждал, грозно шевеля длинными подвижными усами. От легкого прикосновения камешка жук, растопырив все свои шесть пар ног, повалился на бок. Иван занес было руку, чтобы щелчком отбросить прочь его, как вдруг услышал сзади шаги.

Он повернулся так резко, что человек, видно, от неожиданности, громко икнул и с необыкновенной ловкостью отпрянул в сторону. Подкрался он совсем близко и теперь настороженно стоял в траве, умоляюще глядя на Ивана безумными глазами. Это был все тот же сумасшедший хефтлинг.

— Привет! — иронически улыбнувшись, сказал Иван.— Живем, значит?

— Брот! — тихо, но с отчаянием в голосе произнес хефтлинг.

— Опять брот?! — удивился Иван.— Ты что, на довольствии у нас?

Сумасшедший сделал несколько нерешительных шагов к Ивану.

— Брот!

— Ты же собирался в гестапо. К своему Гитлеру.

— Кайн Гитлер! Гитлер капут.

— Капут? Тогда другое дело. Давно бы так.

Вряд ли понимая его, сумасшедший, растопырив костлявые руки, терпеливо и настороженно ждал.

— Ладно, несчастный ты фриц!

Иван запустил руку в тужурку и отломил корку хлеба. Увидев ее в руках у Ивана, немец оживился, глаза его заблестели, дрожащие кисти рук в коротких оборванных рукавах потянулись вперед.

— Брот, брот!

— Держи! И проваливай отсюда.

Иван бросил хлеб сумасшедшему, но тот не поймал его, опрометью бросился на землю, обеими руками схватил корку вместе с травой и песком и вскочил. Затем, трусливо оглядываясь, боком подался вниз по склону, все быстрее и быстрее семеня ногами, видно, ожидая и боясь погони.

«Может, отвяжется теперь»,— подумал Иван. Он задумчивым взглядом проводил его, пока тот не скрылся во впадине, и затем снова лег на тужурку.

Вчерашний его гнев к этому человеку угас, хотя он не чувствовал к нему и жалости: слишком живы были в его памяти многочисленные образы людей, которых загубили немцы. Правда, он мог быть и антифашистом по убеждениям, доведенным до животного состояния жестокостью своих соотечественников, но мог оказаться и штрафником из нацистской шайки, которому не повезло где-то в его разбойничьей службе.

— Отдаль хляб? — вдруг раздался над ним голос Джулии.

От неожиданности Иван вздрогнул и порывисто обернулся.

— Отдаль хляб? — с прежней напряженностью на лице спрашивала Джулия.— Ми нон идет Триесте? Аллес финита? Да?

— Ну что ты! — сказал он, улыбнувшись.— Только корку отдал.

Она нахмурила лоб и сосредоточенно уставилась на него. Тогда он вынул из кармана остаток буханки.

— Вот, только корку, понимаешь?

Джулия промолчала. Лоб ее, однако, постепенно разгладился.

— Мы идет Триесте? Правда? Нон?

— Пойдем, конечно. Откуда ты взяла, что не пойдем?

На ее лице все еще отражалась внутренняя борьба, девушка теребила на груди куртку, что-то решала про себя и вдруг опустилась рядом с ним на землю. Подняв колени, она облокотилась на них и спрятала лицо в рукавах. Он сидел рядом, готовый помочь ей, но она, по-видимому, пересилила себя и вскоре, встряхнув волосами, вскинула голову.

— Руссо! Ти кароши, кароши руссо,— заговорила она и пожала ему руку.— Джулия очен, очен уважат Иван, любит Иван,— сказала она.

Его рука, державшая ладонь девушки, еле заметно дрогнула. Чтобы перевести разговор на другое, он сказал:

— Ты это... пить не хочешь? Воды, а?

Она вздохнула и умолкла, глядя на него, затаив в глубине широко раскрытых глаз раскаяние и бездну тепла к нему.

— Вода? Аква?

— Да, воды,— отозвался он.— Вон там, кажется, ручей. Айда?!

Он быстро вскочил, она тоже поднялась, обхватила его руку повыше локтя и щекой прижалась к ней. Другой рукой он погладил ее волосы, но, почувствовав, что она внутренне напряглась, опустил руку.

Так они не спеша пошли к краю луга.

Ручей был неглубокий, но очень бурный — широкий поток ледяной воды бешено мчался, взбивая на камнях желтую пену и бросая ее на влажный каменистый берег. На одном из поворотов он намыл в траве широкую полосу гальки; перейдя ее, Иван и Джулия вдоволь напились из пригоршней, и девушка отошла к берегу. Иван же закатал разорванные собакой штаны и забрался глубже в воду. Ступни заломило от стужи, стремительное течение могло сбить с ног, но ему захотелось умыться, так как пот разъедал лицо. Он потер свои колючие, заросшие щеки, стараясь увидеть свое отражение в воде, но буйное течение не давало этого сделать. «Видно, зарос, как бродяга»,— с неожиданным беспокойством подумал он и оглянулся на Джулию.

— Я страшный, небритый? — спросил он девушку. Но та не отозвалась — неподвижно сидела в задумчивости, глядя в одну точку на берегу.— Говорю, я страшный? Как старик, наверно?

Она встрепенулась, вслушалась, стараясь понять вопрос, и, увидев, что он теребит свои заросшие щеки, вдруг догадалась.

— Карашо, Иванио. Очень вундершон.

Иван умывался и думал, что с ней что-то случилось: девушка явно чем-то встревожена, что-то переживает, такой сосредоточенной она не была даже под носом у немцев. Вовсе не в ее характере была такая задумчивость — значит, какую-то боль причинил ей он, Иван. А он, наоборот, избавился от всех своих прежних тревог и на этом луговом раздолье просто отдыхал душой. Ему было хорошо с ней, хотелось рассеять ее тревогу, увидеть Джулию прежней — искренней, веселой, доверчивой. Должно быть, надо было приласкать ее, успокоить, только Иван все не мог перешагнуть через какую-то грань между ними, хотя и желал этого. Что-то застенчиво-мальчишеское в нем стремилось к девушке, но он сдерживал себя, колебался, медлил.

Умывшись, он набрал в пригоршни воды и издали брызнул на Джулию — девушка вздрогнула, недоуменно взглянула на него и усмехнулась. Он тоже улыбался — непривычно, во все свое широкое, обросшее бородкой лицо.

— Испугалась?

— Нон.

— А чего задумалась?

— Так.

— Что это так?

— Так,— покорно сказала она.— Иванио так, Джулия так.

Несмотря на какую-то тяжесть в душе, она охотно воспринимала его шутки и, щуря глаза, с улыбкой смотрела, как он, оставляя на гальке следы от мокрых ног, размашистой походкой выходил на траву.

— Быстро ты наловчилась по-нашему,— сказал он, припоминая недавний их разговор.— Способная, видно, была в школе?

— О, я била вундэркинд,— шутливо сказала она и вдруг, всплеснув ладонями, ойкнула: — Санта мадонна, иль сангвэ!

— Что?

— Кров! Кров! Иль сангвэ!

Он нагнулся,— по мокрой ноге от колена ползла узкая струйка крови. Это открылась рана. Ничего страшного: до сих пор он не нашел времени осмотреть ее, но теперь, усевшись возле девушки, закатил штанину выше, нога над коленом была сильно расцарапана собакой и, намокнув в воде, закровоточила. Джулия испуганно наклонилась к нему и, будто это была бог знает какая рана, заохала:

— О Иванио! Иванио! Очень болно? О мадонна! Где получаль такой боль?

— Да это собака,— смеясь, сказал Иван.— Пока я ее душил, она и царапнула.

— Санта мадонна! Собака!

Ловкими пальцами она начала ощупывать его ногу, стирать свежие и уже засохшие подтеки крови. Он откинулся на локтях, ощущая ласковость ее прикосновений; на душе у него было хорошо и покойно. Джулия приподнялась на коленях и приказала ему:

— Гляди нах гора. Нах гора...

Он понял, что надо было отвернуться, и послушно выполнил ее просьбу. Она тотчас же что-то разорвала на себе и, когда он снова повернул к ней голову, держала в руках чистый белый лоскут.

— Медикаменто надо, медикаменто,— сказала она, собираясь начать перевязку.

— Какой там медикамент! Заживет, как на собаке.

— Нон. Такой боль очень плёхо.

— Не боль, рана. По-русски это — рана.

— Рана, рана. Плёхо рана.

Он оглянулся и, увидев неподалеку серую бахрому похожей на подорожник травы, оторвал от нее несколько мелких листочков.

— Вот и медикамент. Мать всегда им лечила.

— Это? Это плантаго майор. Нон медикаменто,— сказала она и взяла из его рук листки.

Он сразу же выхватил их обратно.

— Ну что ты! Это же подорожник. Знаешь, как раны заживляет?

— Нон порожник. Это плантаго майор по-латини.

— А ты и латынь знаешь?

Она шевельнула бровями.

— Джулия мнёго, мнёго знай латини. Джулия изучаль ботаник.

Он тоже когда-то знакомился с ботаникой, но уже ничего не помнил и теперь, больше полагаясь на народный обычай, приложил листки подорожника к распухшей ране. Девушка протестующе покачала головой, но все же начала бинтовать ногу. Впервые Иван почувствовал ее превосходство над собой, и это углубляло его уважение к ней. Однако Ивана не очень беспокоила рана, его больше интересовали цветы, названия которых были ему незнакомы. Потянувшись рукой в сторону, он сорвал стебелек, похожий на обычную луговую ромашку.

— А это как называется?

Проворно бинтуя лоскутом ногу, она бросила быстрый взгляд на цветок.

— Пиретрум розеум.

— Ну, совсем не по-нашему! А по-нашему это ромашка.

Он сорвал другой маленький синий цветочек, напоминавший отцветший василек.

— А это?

— Это?.. Это примула аурикулата.

— А это?

— Гентиана пиренеика,— сказала она, взяв из его рук два небольших синеньких колокольчика на жестком стебельке.

— Все знаешь. Молодчина. Только вот по-латыни...

Джулия тем временем кое-как перевязала рану. Сверху на повязке проступило коричневое пятно.

— Лежи надо. Тихо надо,— потребовала она.

Он с какой-то небрежной снисходительностью к ее заботам подчинился, вытянул ногу и лег на бок, лицом к девушке. Она поджала под себя колени и положила руку на его горячую от солнца голень.

— Карошо руссо, кароши,— говорила она, бережно поглаживая ногу.

Лежа на боку, он сосредоточенно обрывал ромашку.

— Иван очень любит свой страна? — после короткого молчания спросила Джулия.— Белоруссио? Сибирь? Свой кароши люди?

— Кого же мне еще любить? Люди, правда, разные и у нас: хорошие и плохие. Но, кажется, больше хороших. Вот когда отец умер, корова перестала доиться, трудно было. На картошке жили. Так то одна тетка в деревне принесет чего, то другая. Сосед Апанас дрова привозил зимой. Пока я подрос. Жалели вдову. Хорошие ведь люди. Но были и сволочи. Нашлись такие: в тридцать седьмом наговорили на учителя нашего Анатолия Евгеньевича — ну, его и забрали. Честного человека. Умный такой был, хороший. Все с председателем колхоза ругался из-за непорядков. За народ болел. Ну, и какой-то сукин сын донес, что он якобы против власти шел. Десять лет получил. По ошибке, конечно.

— Почему нон защищаль учител?

— Защищали. Писали всей деревней. Только...

Иван не договорил. Невольные эти воспоминания вызвали в нем невеселые раздумья, и он лежал, кусая зубами оборванный стебелек ромашки. Озабоченно-внимательная Джулия тихо гладила его забинтованное горячее колено.

— Все было. Старое ломали, перестраивали, нелегко это далось. С кровью. И все же нет ничего милее, чем родина. Трудное все забывается, помнится только хорошее. Кажется, и небо там другое, ласковее, и трава мягче. Хоть и без этих букетов. И земля лучше пахнет.

— Руссо феномено. Парадоксо. Удивително,— горячо заговорила Джулия.

Иван, сплюнув стебелек, перебил ее:

— Что ж тут удивительного? Борьба. Надо же было вон такую мощь накопить для обороны, для армии.

— О, армата Россо побеждаль! — восторженно согласилась Джулия.

— Ну вот. Видишь силища какая — Россия! А после войны, если эту силу на хозяйство пустить, ого!..

— Джулия много слышаль Россия. Россия само болшой сила.— Она помолчала и, будто что-то припомнив, грустно улыбнулась.— Джулия за этот мысли от фатэр, ла падре, убегаль. Рома отэц делай юбилей фирма. Биль много гост, биль официр СД. Официр биль Россия, официр говори: «Россия плёхо, бедно, Россия нон културь». Джулия сказаль: «Это обман. Россия лючше Германи». Официр сказаль: «Фройлен коммунисти?» Джулия сказаль: «Нон коммунисти — так правда». Ла падре удараль Джулия.— Она прикоснулась к щеке.— Пощечин это — русски говорит. Джулия убегаль Марио Наполи. Марио биль коммунисти. Джулия всегда думаль: руссо — карашо. Лягер Иван бежаль, Джулия Иванио бежаль. Руссо Иван — герой.

— Ну какой я герой! — возразил Иван.— Солдат просто.

— Нон просто сольдат! Руссо сольдат — герой! Само смело! Само умно, само... само...— воодушевленно говорила она, подбирая знакомые русские слова. Во всем ее тоне чувствовалась глубокая вера в правоту идеи, которой она ни за что не хотела поступиться.— Ми видель ваш герой лягер. Ми слышаль ваш герой на Остфронт. Ми думаль: ваш фатэрлянд само сильно, само справьядливо...

— Он и есть самый справедливый,— заметил Иван.

Нахмуренные до сих пор брови ее шевельнулись, и в глазах сверкнули смешинки.

— Джулия любит руссо. Руссо коммунисти Иван спасаль Русланд, спасаль буржуазно монархия Италъяно, спасаль Джулия...

— Во-первых, я не коммунист: не дорос. А во-вторых, что тут такого? Весь Советский Союз спасает и Италию, и Францию, и Грецию... Да мало ли кого! Хотя они и буржуазные. Ведь, кроме нас, кто бы Гитлера остановил?

— Си, си. Так...

С затаенной улыбкой на губах она погладила его ногу, потом голый бок. Иван смущенно поежился, ощущая непривычное прикосновение ее ласковых рук, как вдруг она, нагнувшись, коснулась губами его синего штыкового шрама на боку. Он вздрогнул, будто пронизали то же место второй раз, вскинул руку, чтоб защититься от ее неожиданной ласки, но она поймала эту руку, прижала ее к земле и в каком-то безудержном порыве стала целовать его шрамы — осколочный в плече, другой, пулевой,— выше локтя. И тогда какая-то грань между ними оказалась такой узкой, что балансировать на ней стало невозможно. Не зная, хорошо это или плохо, но уже отдавшись во власть захлестнувшей его волне, он приподнялся на локте, другой рукой обхватил ее через плечо, слегка прижал и, закрыв глаза, дотронулся до ее удивительно горячих, упругих губ...

Потом сразу же откинулся на траву, разметал руки и засмеялся, не решаясь открыть прижмуренных глаз. А когда открыл их, в ореоле растрепанных волос увидел склоненное ее лицо и полуоткрытый сияющий, белозубый рот. В первую секунду она будто захлебнулась, кажется, хотела и не могла чего-то сказать, только широко раскрыла глаза — в них было удивление, радость, неуемное счастье. Припав к его груди, она обхватила шею Ивана руками и зашептала ему в лицо горячо и преданно:

— Иванио!.. Амико!..

Окончание следует.

РАДОСТЬ ЧТЕНИЯ

Один мальчуган настойчиво требовал, чтоб ему сообщили адреса ребят из повести Анатолия Алексина «Саша и Шура». Другой паренек очень хочет познакомиться с пионерами, которые действуют в повести «Необычайные похождения Севы Котлова». Юные читатели верят в героев книг А. Алексина и хотят побеседовать с ними, так сказать, лично, с глазу на глаз, поделиться с ними своими мечтами, обменяться письмами.

Недавно издательство «Детская литература» выпустило в свет сборник произведений писателя — «Пять веселых повестей».

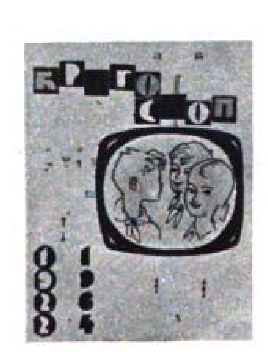
Наши ребята — большие оптимисты, и они любят книги, в которых действуют веселые, никогда не унывающие люди. Сборник повестей А. Алексина — именно такая книга. И еще ребят привлечет то, что юные герои книги — маленькие граждане, настоящие патриоты своей Отчизны. Их мечты и стремления направлены к тому, чтобы совершить что-нибудь благородное, чтобы кого-то вызволить из беды, к кому-то прийти на помощь. Не всегда ребята могут соразмерить смелые замыслы с возможностями своего возраста, нередко они ошибаются, попадают впросак, но одно бесспорно: все, на что они устремляют свою энергию и неистощимую фантазию, делается с желанием быть полезными обществу, своим старшим товарищам, своей родной пионерии.

Герои «Пяти веселых повестей» помогают родному городу добиваться звания города высокой культуры; они, как истинные тимуровцы, приходят на выручку старым и больным людям; они в меру своих сил помогают строительству многоэтажного дома, который вырастает рядом с их школой... И, конечно, они ссорятся, мирятся, шалят, с горячностью следопытов погружаются в столь любимые ими тайны и разные таинственные истории.

Мы часто повторяем, что хорошая детская книга привлекательна для людей всех возрастов. И сборник А. Алексина заинтересует не только наших школьников, но и их родителей, пионервожатых, учителей.

Я уверен, что «Пять веселых повестей» ни одного дня не будут скучать на библиотечных полках,— они подарят ребятам радость увлекательного чтения, веселого смеха и серьезных раздумий.

А. КУЛЕШОВ

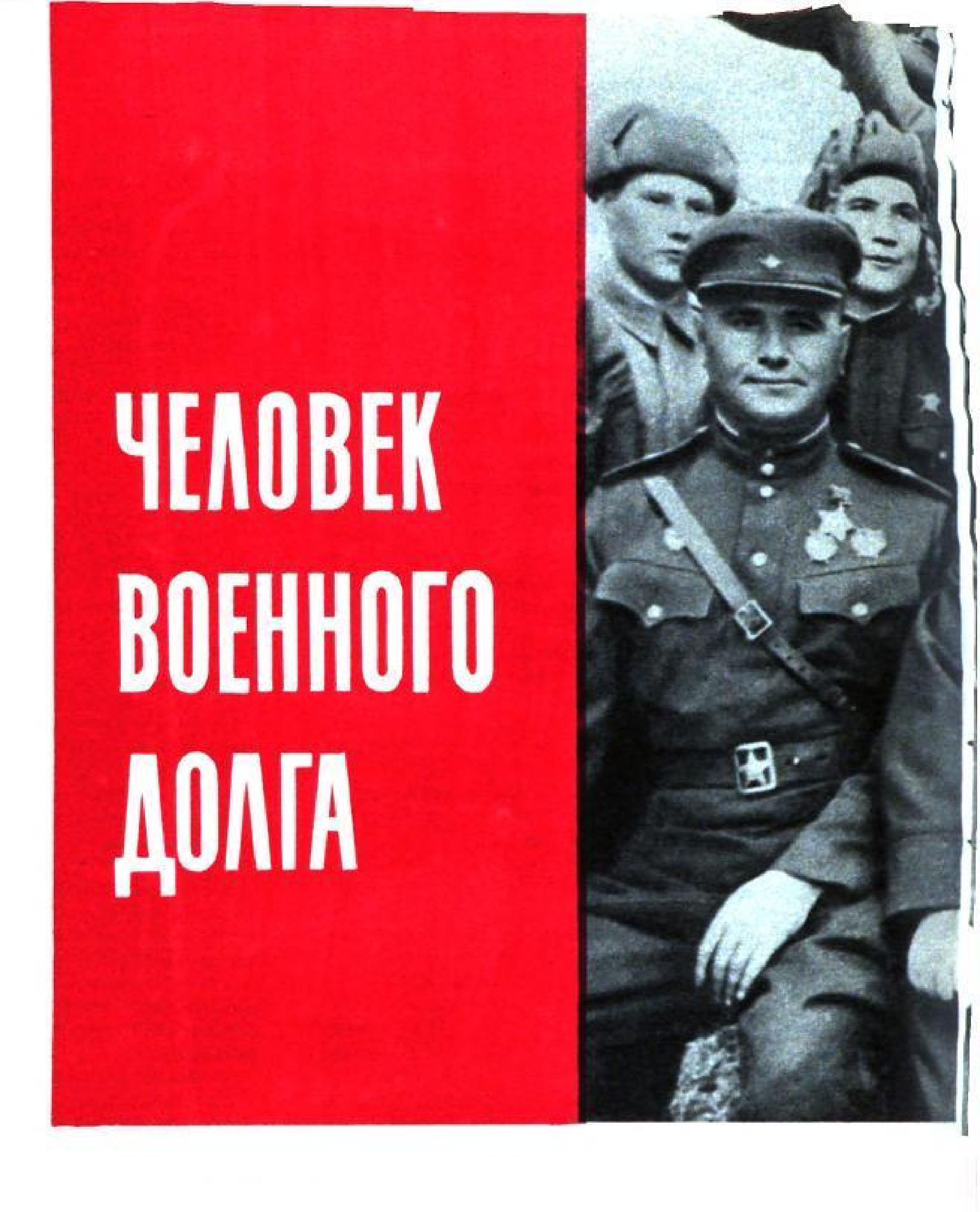

И БОЛЬШИМ И ДЕТЯМ

«Круглый год». Так называется ежегодник для младших школьников, который давно полюбила детвора. В нынешнем году издательство «Детская литература» включило в него образцы русской классики, лучшие произведения советских и зарубежных авторов, веселые сказки и загадки. С добрым педагогическим тактом и хорошим вкусом подобран материал для этого своеобразного календаря. Книга увлекательно оформлена.

А в издательстве «Молодая гвардия» вышел родной брат «Круглого года» — сборник «Кругоскоп», для среднего школьного возраста. Главный конструктор «Кругоскопа» писатель Лев Кассиль в своем оригинальном предисловии изображает книгу в виде особого аппарата, благодаря которому «можно увидеть и то, что далеко и близко, и то, что высоко и низко; и что уже было и что еще будет; и то, о чем, возможно, вы забыли, и то, что только еще задумали. Вот что за аппарат наш пионерский «Кругоскоп»!» Сборник состоит из новых рассказов, повестей, поэм, песен и стихов детских писателей.

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО...

ЧЕЛОВЕК ВОЕННОГО ДОЛГА

Генерал-лейтенант
К. КРАЙНЮКОВ

(К 20-летию со дня смерти Н. Ф. Ватутина)

Фото Я. Рюмкина.

Строптивый февраль, пошумев метелями, внезапно, за какие-нибудь сутки, растопил снега, расквасил дороги. Наша машина с надрывным стоном карабкалась на осклизлые пригорки, перемешивала колесами топкую грязь в низинах и, выбравшись наконец на большак, бойко запрыгала по булыжной мостовой.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Николай Федорович Ватутин, находившийся в районе боев под Корсунь-Шевченковским, возвращался в штаб.

Различив в синих сумерках плотную, коренастую фигуру командующего, часовой встрепенулся, ответил на пароль и взял автомат «на караул». Николай Федорович поздоровался с солдатом, потер уставшие глаза и, с усилием открыв набухшую дверь, сказал мне:

— Заходи, Константин Васильевич, посидим, помечтаем...

Сняв на кухне бекешу, он застенчиво улыбнулся и добавил:

— Люблю, признаться, помечтать у карты.

Время уже завалило за полночь, а я, забыв про сон и усталость, продолжал с увлечением слушать рассказ полководца о рождающемся оперативном замысле.

...18 февраля 1944 года Военный совет 1-го Украинского фронта получил шифрованную директиву Ставки, обязывавшую командующего подготовить наступательную операцию на Проскуровско-Черновицком направлении. Генерал армии Н. Ф. Ватутин с головой ушел в работу. Он трудился с упоением, не давая покоя ни себе, ни работникам штаба. Вздремнет, бывало, часа три-четыре, освежится принесенной из колодца холодной, с ледком водой, взбодрит себя гимнастической зарядкой — и снова за дела. Менее чем за пять дней и ночей план операции был разработан.

В новом оперативном плане ярко была выражена идея сокрушительного разгрома крупнейшей группировки немецко-фашистских войск.

И когда Ставка утвердила план, Н. Ф. Ватутин всю энергию и волю, все организаторские способности обратил на то, чтобы быстро и скрытно осуществить перегруппировку частей и соединений 1-го Украинского фронта, хорошо подготовиться к наступлению. В канун этого большого события он выехал в войска. Командующий хотел непосредственно на месте поставить конкретные задачи и ознакомить руководящий состав армий с планом операции.

29 февраля 1944 года мы с Николаем Федоровичем побывали в Ровно, у командующего 13-й армией генерала Н. П. Пухова, а оттуда направились в Славуту, в штаб 60-й армии.

Н. С. Хрущев и Н. Ф. Ватутин среди танкистов.

...Машина шла по ровенскому шоссе. Настроение у Николая Федоровича было превосходное. Заметив проселочную дорогу, ответвляющуюся от шоссе, он дал водителю знак остановиться.

— А зачем нам, собственно, делать крюк по шоссе? — сказал Николай Федорович.— Эта дорога ведет в Славуту. Здесь всего каких-нибудь двадцать пять километров. Черняховский со своим штабом, наверно, заждался нас...

И мы свернули на проселок. Дорога петляла по лощинам и буеракам, мимо маленьких рощиц. Проехали одно село, другое. И нигде ни души. Словно все вымерло.

Неожиданно рядом послышалась стрельба. Машина с охраной, въехавшая на окраину села Милятин, начала быстро пятиться. Порученец командующего подбежал к нашей легковушке и выкрикнул:

— Мы напоролись на засаду! Там бандиты-бандеровцы!..

— Все к бою! — выйдя из машины, скомандовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь.

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было больше сотни, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков.

Факелом вспыхнула легковая машина командующего, подожженная зажигательными пулями. Через минуту запылал и другой автомобиль.

Бандеровцы приближались. Наши автоматчики, занявшие позицию в придорожном кювете, открыли огонь. Заговорил и пулемет. Это враз охладило пыл бандитов. Они залегли и в атаку поднимались уже менее уверенно.

Я посоветовал Николаю Федоровичу взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Он наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов на произвол судьбы. А портфель приказал вынести офицеру штаба, дав ему в сопровождение одного автоматчика. Когда тот замялся в нерешительности, Николай Федорович сурово прикрикнул:

— Выполняйте приказ!

И офицер с автоматчиком поползли по кювету.

Перестрелка продолжалась, и боеприпасы таяли. Положение усложнялось. На фоне закатного неба было отчетливо видно, как перебежками подбираются бандиты, намереваясь охватить нас с двух сторон.

При выходе из боя Ватутин был тяжело ранен. То, что не удавалось совершить гитлеровцам, сделали подлые иуды и лакеи гестапо — бандеровцы-националисты.

Мы бросились к упавшему командующему и положили его в единственную уцелевшую машину. Под обстрелом врага открытый «газик» рванул по дороге, проехал совсем немного и остановился. То ли мотор был прострелен, то ли испортилось что-то... Выяснять было некогда, и мы понесли Николая Федоровича на руках, прикрываемые огнем солдат охраны.

Нежданно-негаданно навстречу показалась пара лошадей, запряженных в сани. Услышав наши крики, крестьянин бросил лошадей и пустился наутек. Мы перенесли генерала в сани и, перевязав его рану, тронулись в путь.

Притомившиеся кони не спеша тащатся по проселочной дороге, подбрасывая сани на бесчисленных ухабах. Николай Федорович, крепившийся до последней возможности, морщится от жгучей боли и временами тихо стонет. Пола его простреленной бекеши намокла от крови. Генерал ослабел, у него появился болезненный озноб.

Наконец мы выбрались на ровенское шоссе, усеянное синими мерцающими огоньками. Сумерки уже сгустились, и переброска войск по дорогам усилилась. В одной из хат, прилепившихся возле шоссе, мы нашли полкового врача. Он оказал Николаю Федоровичу первую медицинскую помощь. После этого снова двинулись в путь и вскоре встретили машины с пехотой, высланные нам на выручку командующим 13-й армией генералом Н. П. Пуховым. О происшествии ему доложил офицер штаба, выносивший портфель с документами. Колонну замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович был доставлен в Ровно, где ему тотчас сделали операцию. У него оказалось тяжелое ранение правого бедра с переломом кости.

На следующее утро мне удалось навестить раненого. Услышав мои шаги, Николай Федорович открыл глаза, спросил:

— Все целы? Как документы?

Я поспешил успокоить Ватутина. Портфель с документами сохранен. В лапы к бандитам никто не попал.

— Что ж, бойцы охраны сделали все, что могли,— прерывисто дыша, произнес Ватутин.— Они держались мужественно и достойно... Скажите бойцам, что командующий благодарит их за подвиг. Прошу отличившихся представить к награде.

Помолчав с минуту, Николай Федорович протяжно сказал:

— Да-а, неприятная приключилась история. Обидно... Ведь я хорошо знал поганую натуру бандитов. Помню, когда еще был красноармейцем, гонялся за шайками Махно и Беленького. У бандеровцев та же подлая тактика: внезапные налеты на малочисленные группы, змеиные укусы...

О предательском нападении на Н. Ф. Ватутина и его тяжелом ранении я сообщил товарищу Н. С. Хрущеву. Озабоченный и опечаленный случившимся, Никита Сергеевич сказал:

— Все лучшие медицинские силы мобилизуем...

По рекомендации товарища Н. С. Хрущева мы отправили раненого Николая Федоровича в Киев, ибо город Ровно в те дни часто подвергался налетам вражеской авиации.

Вспоминается последняя беседа с Н. Ф. Ватутиным в санитарном поезде, направлявшемся в Киев. Николай Федорович встретил меня обрадованно и спросил:

— Ну, как думаешь, Константин Васильевич, разрешат мне после лечения вернуться на фронт? — И, не дожидаясь ответа, уверенно заявил: — Разрешат! Недельки три поскучаю на госпитальной койке, а там на фронт приеду. На костылях, а доберусь! И снова за работу.

Я уверял Ватутина и был в этом искренне убежден, что он непременно поправится и вернется в боевой строй.

— А жить-то, Костя, оказывается, хочется,— грустно покачав головой, признался Николай Федорович.— Конечно, если надо, то я, не колеблясь, отдам свою жизнь без остатка за народ, за дело партии. Но невероятно хочется снова вернуться в кипение боя и своими глазами увидеть нашу великую победу.

В Военный совет и штаб фронта из Киева приходили утешительные вести. Николая Федоровича лечили известнейшие специалисты, вызванные из Москвы. Здоровье его начало было идти на поправку. В госпитале его навещал Никита Сергеевич Хрущев.

Ватутин интересовался обстановкой на фронте и искренне радовался нашим боевым успехам. План Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, разработанный им и его штабом, был оставлен в основном без изменений. 4 марта 1944 года войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление.

Но Николаю Федоровичу не удалось своими глазами увидеть победу. Не дожил он до радостного часа. Внезапно вспыхнул воспалительный процесс. Несмотря на все меры, принятые известными деятелями медицины, спасти Николая Федоровича не удалось. В ночь на 15 апреля 1944 года командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин скончался. Было ему тогда сорок два года...

В боях пали смертью храбрых и родные братья Николая Федоровича — рядовые Афанасий и Семен Ватутины. Погибли они почти одновременно, в феврале — марте 1944 года.

Артиллерийскими залпами траурного салюта, прогремевшего в Москве, Отчизна воздала последнюю воинскую почесть генералу армии Н. Ф. Ватутину, полководцу, коммунисту, герою.

«Тов. Ватутин был военным человеком и в полном смысле этого слова человеком военной дисциплины и военного долга,— так охарактеризовал его в своей речи на траурном митинге в Киеве Н. С. Хрущев.—...Тов. Ватутин был исключительно чутким командиром, сугубо партийным человеком.

На всех фронтах, где бы ни был тов. Ватутин, он пользовался любовью и уважением бойцов и офицеров. Они видели в нем неутомимого и талантливого полководца, беззаветно преданного партии».

В Киеве, над привольным Днепром, ныне возвышается памятник генералу армии Н. Ф. Ватутину. Скульптор Е. Вучетич изваял фигуру полководца, одетого в походную шинель. Отсюда, с днепровской кручи, хорошо видны пути-дороги, по которым талантливый военачальник вел советские войска в победное наступление.

А. А. Дейнека

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ВСЕГДА

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

...Курск зябко кутался в сырой осенний вечер. По пустынной улице шагали крепкий паренек и высокий, худощавый старик. Солнце зашло за деревянные крыши и оставило в небе странный хвост желтого, оранжевого, зеленого света.

«Спектр!» — чуть не вскричал юноша и остановил спутника. Старый учитель физики был поражен. Впервые в жизни он увидел явление, о котором сорок лет рассказывал ребятам. Необычайно остро видел мир его ученик, пятнадцатилетний Александр Дейнека.

Вскоре мать снарядит его в дорогу, и он уедет в Харьков в художественное училище. В девятнадцать лет он уйдет служить в Красную Армию.

«...В гражданскую войну мне пришлось... хлебнуть много горького. Но я никогда не жалел о том, что узнал. Это помогло мне есть свой хлеб и крепко стоять на ногах... Меня окружала суровая жизнь, временами жестокая. Я видел, как разрушаются старые устои... Рождался новый мир...»

Двадцатые годы. Москва. ВХУТЕМАС. Учеба у Фаворского. Работа в журналах «Прожектор», «Безбожник», декорации к спектаклям Маяковского в постановке Мейерхольда и дружба с поэтом — все это помогло создать неповторимый стиль, почерк, свойственный только Дейнеке.

Во ВХУТЕМАСе училось много талантливых людей. Эйзенштейн, Пудовкин, Образцов, Вильямс, Кукрыниксы, Гончаров, Нисский. Общение с ними, споры помогли молодому художнику найти себя. И когда он кончил учебу, сразу уехал из столицы в Донбасс, чтобы ближе прикоснуться к жизни. В Горловке он начал писать пейзажи. Шахтеры посмеивались над ним. «Здесь на-гора́, пустяк, ты полезай в забой». И он полез. Побывал там и понял, что такое настоящий труд... В те годы появились полотна «Перед спуском в шахту» и «На стройке новых цехов».

Сердце художника целиком отдано своему времени. И он создал «Оборону Петрограда»: материально, весомо шла перед нами сама Революция. На выставке в Москве в 1933 году Михаил Васильевич Нестеров подошел к автору и, пожав руку, проговорил: «Вы сказали своей «Обороной» новое слово в искусстве, и я Вас искренне поздравляю».

...Мадонной XX века можно назвать картину «Мать», созданную в 1932 году. Заботливо глядит мать на спящего малыша. Он безмятежно раскинулся на ее сильном плече. Лицо его разрумянилось во сне. Мать внимательно прислушивается к ровному дыханию ребенка.

...Тридцатые годы. Перед художником встают сложные задачи.

Ренато Гуттузо как-то сказал Дейнеке: «Я знал, как вам было тяжело...»

Да, выстоять, не свернуть с избранного пути было так нелегко в годы, когда фанфары культа часто глушили мелодии светлые, самобытные.

Дейнека остается верным себе. Он пишет современников. Его полотна из поездки за рубеж рисуют острые социальные контрасты Запада. Он создает одну из своих самых любимых картин, «Будущие летчики», публикуемую на вкладке.

В 1939 году художник начинает работу над мозаиками для метро. Он мечтает создать «Небо под землей».

1941 год. Москва. Октябрь. Фронт рядом. Дейнека в Москве, рисует плакаты, пишет картины, продолжает работу над мозаикой для метро «Павелецкая».

«...И вот... где-то на заводском дворе мы с мастерами заливали восьмигранники. Каждый день в 11 часов вечера начиналась бомбежка. С утра мы снова продолжали наше дело. Администрация приказала срочно убрать со двора мозаики, так как-де «золото своим блеском может привлечь внимание врага».

Часть этих мозаик использована в метро «Новокузнецкая», а часть их утеряна. В том тяжелом году Дейнека пишет портрет «Маяковский в «РОСТА» и картину «Окраина Москвы».

Февраль 1942 года. Дейнека и Нисский на фронте под Юхновом. Перерыв между тяжелыми боями. Тишина.

Внезапно молчание разрывает рев самолетов, и из-за березовой рощи вылетает бреющим полетом звено «мессеров», за ними краснозвездные ястребки. Недолгий бой — и один из наших сбит. Художники видят, как выбрасывается летчик из горящего самолета и падает посреди поля. Нисский бежит к нему.

Он возвращается не скоро и молча подает Дейнеке пробитые документы и письма. С фотографии на них смотрит русый паренек...

...«Оборона Севастополя». Это, пожалуй, одна из самых яростных и правдивых картин Великой войны.

«...Я этот город любил за его веселых людей, море, самолеты. И вот воочию представил, как все взлетает на воздух, как женщины перестали смеяться, как даже дети почувствовали, что такое блокада».

Дейнека создал одно из своих наиболее патетических творений. Он был участником этого боя, он был вместе с нашими солдатами и моряками.

Он глубоко верил в победу, и поэтому с таким блеском и темпераментом выполнена в 1944 году его картина «Раздолье». Это гимн русской природе, девушкам нашим, стремительным и веселым.

Прошло десять лет, и Дейнека пишет глубоко символичное полотно. Весна. По широкому раздолью идет паренек, снял фуражку и чуть приподнял голову. Думается, он прислушивается к птичьему гомону. Он идет, молодой и сильный, навстречу солнцу, над ним звонкое весеннее небо, перечерченное трассой самолета. Лицо тракториста открыто ветру. Это он, наш современник, бессмертный русский человек. Прошло четверть века с того дня, как художник изобразил его спящим на плече матери; это он с ребятами сидел на набережной Севастополя и любовался летящим гидропланом; это он метал гранату и летал на ястребке, отбивая у врага родные города; это он, неумирающий русский парень, идет сейчас по большой стране — строить величайшие гидростанции, мощные ракеты, летит к звездам,— наш современник, воспетый художником.

* * *

Стоит представить почти полувековой путь Александра Дейнеки, как перед взором пройдет история нашей страны, с ее горестями, радостями и победами, история наших современников.

«Живая, трепетная, порою невыносимо тяжкая прошла передо мной жизнь многих простых и громких имен».

Дейнеку трудно втиснуть в рамки обычных представлений о художнике, в многообразном его творчестве есть нечто от мастеров Ренессанса.

В самом деле, кто он? Живописец. Да! А почему он не график — ведь им созданы тысячи отличных иллюстраций и рисунков. Или, пожалуй, он монументалист? Ведь его кисти принадлежит добрый десяток огромных панно и фресок. Тогда, очевидно, нельзя забыть и его скульптуры.

Дейнека неуемен в своем движении и поиске. Сейчас он много сил отдает созданию мозаик. Его работы в метро станции «Маяковская» стали классическими. Сейчас он нашел более монументальные и еще более декоративные решения мозаик... «Красногвардеец», «Доярка», «Хоккеисты», «Хорошее утро».

«У нас, художников, и у строителей, которые, сдав сооружения, уходят на новые стройки, похожая судьба...»

Эти слова мог сказать только большой художник-гражданин, целиком принадлежащий своему времени.

* * *

Пролетит вереница лет, Земля не будет ареной войн и катастроф, она станет цветущим садом. И, может, в это благословенное время люди, глядя на произведения Александра Дейнеки, будут лучше помнить о том суровом веке, когда ковалось счастье человечества.

А. Дейнека. ОКРАИНА МОСКВЫ. 1941 г. — Государственная Третьяковская галерея.

РАЗДОЛЬЕ. 1944 г. — Государственный Русский музей.

А. Дейнека. БУДУЩИЕ ЛЕТЧИКИ. 1937 г.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Дейнека. ХОККЕИСТЫ. Мозаика. 1961 г.

В 1940 году 22 марта сестра моя Лидия Николаевна Сейфуллина в письме к Александру Николаевичу Афиногенову писала: «Дорогой и милый Александр Николаевич! 22 марта родилась и я. Так что мы с Вами — «порожденье» одного числа.

Себе желаю Вашей душевной ясности и драматургического таланта. Уж не скупитесь, поделитесь со мной этими качествами по-соседски!

Искренне от всей души поздравляю Вас. Сегодня очень бы хотела я, чтобы добрые пожелания друзей имели силу осуществляться в реальной горькой, человеческой жизни. Будем на это надеяться. Я желаю Вам здоровья, разделенной и понятой любви, полного во всем достатка и славы. Это — в молодости, а когда придет старость — пусть будут для Вас верными друзьями «покой и воля», о которых мечтал светлейший Пушкин!»

Александр Николаевич не дожил до старости, и в нашем представлении он всегда остается молодым, энергичным жизнелюбом, полным неуемной энергии и творческих планов...

К Александру Николаевичу и его матери Антонине Васильевне Лидия Николаевна питала особую нежность: это была одна из тех нерававшихся нитей большой дружбы, которая с юных лет прошла через всю жизнь Лидии Николаевны.

С родителями Александра Николаевича сестра встретилась в Оренбурге в 1906 году, где она жила с отцом и учительствовала в начальной школе. Кроме этого, она преподавала в воскресной школе. В то время вокруг учителей таких школ группировалась молодежь, и через них Лида познакомилась ближе с Антониной Васильевной Афиногеновой и ее другом Антониной Осиповной Покровской, жившей в одной квартире с Афиногеновыми.

Обе женщины отнеслись к сестре, самой юной учительнице воскресной школы, так сердечно и приветливо, что Лида скоро стала в этой семье своим человеком.

У Антонины Васильевны было двое детей — совсем крохотная девочка и мальчик Шура. Будущему драматургу шел третий год. Сероглазый, белокурый, шумливый и озорной мальчик любил, когда к ним приходили чужие люди. Со всеми он непременно вступал в разговор, показывал свои несложные игрушки и, прощаясь, говорил: «А я буду вас опять ждать».

В квартире Афиногеновых всегда было людно и оживленно, но, пожалуй, больше всего шума вносил хозяин квартиры Николай Александрович Афиногенов, железнодорожный служащий (впоследствии писатель Степной). Это был подвижной, как ртуть, общительный и приветливый человек. Он вечно носился с какими-то необычайными проектами, фантастическими предложениями, в споре не выносил противоречия, до хрипоты отстаивал свою правоту; энергично жестикулируя, он постоянно ерошил свою шевелюру. За его динамичность друзья и прозвали его «пиротехником», и это прозвище так прочно пристало к нему, что зачастую его представляли: «Знакомьтесь,— это наш «пиротехник»— или кто-нибудь говорил: «Сегодня я встретил «пиротехника».

Зоя СЕЙФУЛЛИНА

22 марта исполнилось 75 лет со дня рождения выдающейся советской писательницы Лидии Николаевны Сейфуллиной. Публикуемые здесь воспоминания ее сестры рисуют один из малоизвестных эпизодов юности писательницы, ее дружбу с замечательным драматургом Александром Афиногеновым, которому в тот же день, 22 марта, исполнилось бы 60 лет.

Страничка воспоминаний

Сближение сестры с Афиногеновыми имело большое значение для нее: на многое в жизни сестра стала смотреть по-другому. Афиногенова и Покровская были связаны с одной из подпольных организаций Оренбурга. В их доме часто собиралась революционно настроенная молодежь.

Афиногеновы познакомили мою сестру с популярным в городе врачом, бывшим политическим ссыльным. Двери его большой квартиры гостеприимно распахивались перед революционно настроенной учащейся и рабочей молодежью. Молодые люди шли сюда охотно, принимали участие в литературном кружке, в обсуждении интересных статей, устраивали литературные диспуты. Силами этой молодежи время от времени давались спектакли или концерты в народном доме. Устраивались они с благотворительной целью. Участники вечеров распространяли билеты среди либерально настроенной интеллигенции. Одной из активных устроительниц таких вечеров была Лида. С большим успехом выступала она в концертах, читала стихи и играла в пьесах «Чужая» и «Непогребенные».

Позже, вспоминая те годы, Лидия Николаевна писала, что в молодости неотразимы впечатления именно воинствующей жизни, а не искушения мирного, благополучного бытия; сближение с такими интересными, содержательными людьми, безусловно, способствовало идейному росту и формированию мировоззрения сестры.

Когда в Оренбурге стала выходить прогрессивная газета «Простор», самыми активными ее организаторами стали Афиногеновы. Судьбы таких газет в то время везде были одинаковы. Они отцветали, не успевши расцвести. Их глушили большими штрафами, разгоняли редакции. У меня хорошо сохранился в памяти рассказ сестры о том, как выходил первый номер «Простора» в январе 1907 года.

В тот волнующий для всех работников редакции день никто не уходил домой; то и дело появлялись друзья, сообщая, что у киосков большое оживление, газету разбирают нарасхват. Прибегали мальчишки-разносчики и кричали: «Все продано, давайте еще!» «Пиротехник» с сияющим лицом маячил у киосков, затем появлялся в редакции и провозглашал: «Да здравствует «Простор» и его вдохновители!»

А вечером все сотрудники газеты и друзья собрались в квартире Афиногеновых. Поздравляли друг друга с успехом первого дня, произносили замечательные тосты, говорили вдохновенные речи, пели.

Маленького Шурку еще днем отец сфотографировал сидящим на стуле в парадном черном бархатном костюмчике с белым воротником. На колени ему положил газету «Простор» и сказал:

— Сиди смирно, ты будешь тоже редактор — мамин помощник, подставной редактор. Смотри на всех строго!

Так и вышел мальчик на карточке с напряженным взглядом серых глаз. (Карточка эта долго хранилась у Лидии Николаевны.) То, что он редактор, как мама, очень мальчику понравилось, и он целый вечер сообщал всем, кто приходил: «Я тоже редактор». Наконец отец взял его на руки и посмеиваясь сказал:

— Теперь все уже знают, что ты тоже редактор. Когда мать проштрафится и ее посадят в каталажку, ты будешь главным, а когда тебя посадят, она будет главным, а пока пойдем спать...

В конце марта против газеты и ее редактора возбудили судебное дело. Суд подверг редактора крупному денежному взысканию, в случае неуплаты редактору угрожали арестом.

В назначенный срок редакция деньги не могла внести, и Антонина Васильевна решилась отсидеть положенный срок. В тюрьму она пошла вместе с детьми. Так их и доставили в камеру: «двух» редакторов с маленькой девочкой в придачу.

А. Покровская, оставшись в опустевшей квартире одна, позвала к себе Лиду, а я упросила сестру взять и меня. Мы пошли вместе. Обычно на каждый звонок Шура бежал к двери и кричал: «Кто там? Я вам задам!»— на этот раз за дверью было непривычно тихо. Не слышалось топота детских ног. Нам открыла Покровская.

Позднее пришли еще две девушки из воскресной школы. Грустно все было в тот вечер.

— Лидия Николаевна, почитайте нам стихи, вы так хорошо их читаете,— попросила Покровская.

Но сестра сидела хмурая и сказала, что у нее нет ни малейшего желания читать стихи,— совсем это ни к чему.

— Подумать только,— громко сказала она,— как мы могли допустить такое издевательство — посадить за решетку детей! Нужно немедленно найти деньги. Продать все, что у нас есть, завтра же. «Блюстители законов» засадили женщину за решетку с двумя крохотными детьми. Не преступницу, не убийцу, а мы от жалости только носами хлюпаем. Не смогли отстоять! Давайте сейчас же запишем, кто сколько рассчитывает собрать,— сердито проговорила она все это залпом и... вдруг заплакала. Но тут же, вытирая глаза по-детски обеими руками, сказала, как будто оправдываясь:

— Это я не от жалости плачу, а от злости, как это мы не учли всей жестокости властей предержащих.

Деньги действительно собрали быстро, но для освобождения Антонины Васильевны из-под ареста потребовались какие-то формальности, на что ушло несколько дней, и Шура Афиногенов на третьем году жизни познакомился с тюрьмой...

Антонина Васильевна после рассказывала нам, как независимо держал себя ее мальчик, говорил, что он редактор и им задаст. В тесной камере было сыро и душно, и днем она сидела с детьми во дворе. Шура играл с какой-то лохматой собачонкой. «С наступлением вечера нас уводили в камеру,— говорила Антонина Васильевна.— Дочку я держала на руках, а Шуру вела за руку. Он упирался, не хотел уходить со двора, оглядывался на надзирателя и, грозя ему кулачком, звонко выкрикивал: «Я вам задам!»

Вопрос о существовании «Простора» все больше обострялся, и кончилось это тем, что в апреле 1907 года газету закрыли.

Потом начались обыски у сотрудников редакции, арестовали несколько человек, и сестра моя в то тревожное время старалась, как могла, помогать товарищам, попавшим в беду. Она носила в тюрьму передачи, ходила чьей-то невестой на свидание.

Редактору газеты «Простор» угрожало заключение в крепости до года. Антонина Васильевна, не желая подвергать опасности сынишку (дочь ее к тому времени умерла), по совету друзей решила скрыться. Тайно покинула она Оренбург и жила с мальчиком у верных друзей до амнистии 1913 года.

* * *

Прошла целая полоса жизни, прежде чем встретились снова Лидия Николаевна с Афиногеновыми, матерью и сыном.

В городке писателей Переделкино дача драматурга Афиногенова оказалась рядом с дачей писательницы Сейфуллиной. Даже калитку, разделяющую наши дачи, мы назвали «воротами дружбы». И по-прежнему моя сестра была в семье Афиногеновых своим человеком.

В. ПИМЕНОВ,
главный редактор журнала «Театр»

Начнем с сухой справки.

В 1963 году «посещаемость театров» выросла в два с половиной раза. И в то же время живая жизнь сегодняшнего дня — современность — стала основой репертуара.

Театральные деятели глубоко восприняли слова Н. С. Хрущева о долге художника перед народом. Осознали необходимость создавать такие произведения искусства, где соединялись бы талант и труд, не было бы места ремеслу и равнодушию, мелкому расчету и мещанскому приспособленчеству...

Что же дал нам большой год театрального искусства?

Еще нельзя говорить о богатом творческом урожае, но уже можно заметить оживление, приметы нового подъема.

На сцену пришел герой нашего времени — инженер Мартьянов, секретарь партийной организации одного из институтов в спектакле, поставленном Театром имени Моссовета, «Совесть» по повести Д. Павловой. Содержание этого спектакля, созданного Ю. Завадским и А. Шапсом,— взволнованный рассказ о жизни, живые трудовые судьбы современников.

Все лучшее, что есть в характере нашего человека, словно в фокусе собрано в образе коммуниста, воплощенном талантливым артистом Г. Некрасовым.

Этот образ дорог нам еще и тем, что он продолжает замечательную галерею характеров коммунистов, строителей новой жизни.

Сегодняшний путь Мартьянова уже был начат когда-то солдатом Павлом Сусловым в «Виринее» Л. Сейфуллиной, инженером Гаем в «Моем друге» Н. Погодина, врачом Платоном Кречетом из «Платона Кречета» А. Корнейчука, офицером Сергеем Лукониным в «Парне из нашего города» К. Симонова.

Новый, сегодняшний Мартьянов сочетает в себе романтику первых боев за Советскую власть с современной крылатой гордостью, присущей людям несокрушимой страны.

Черты положительного героя, подлинный характер нашего замечательного современника раскрыты на сцене Московского Художественного театра в спектакле «Друзья и годы» Л. Зорина. Строитель Платов в исполнении П. Чернова — олицетворение нравственности советского человека. Он умеет бескомпромиссно бороться за свою веру, за свои идеалы. И в Мартьянове и в Платове, как они написаны и сыграны, есть еще и та подкупающая человечность, та высокая душевная деликатность, которые делают их людьми нашего доброго десятилетия в самом полном смысле слова.

Пусть будут здесь названы только эти немногие примеры. Но их достаточно для того, чтобы увидеть, как окончательно гибнут все мертворожденные «теории». Скажем, «теория бесконфликтности», «теория упадка современного театра». И как властно вступает на сцену наше время с его новыми чертами и приметами 60-х годов!

Наш театр оптимистичен. Он всегда утверждал светлое в жизни и не боялся разить отсталое и темное. Любовь зрителя всегда завоевывалась творчеством благородным и жизнеутверждающим.

Прошел год — и в портфелях театров многие новые пьесы. Драматурги и театры трудятся вдохновенно, горячо. Здесь и пьеса В. Лаврентьева «Чти отца своего», и пьеса А. Салынского «Ложь для узкого круга», и драма А. Штейна «Между ливнями», и драма И. Штока «Объяснение в ненависти», комедия Г. Мдивани «Украли консула», В. Розова

РАДУЮЩИЙ ГОД Т

ПОРАЖЕНИЕ БОЯРИНОВОЙ

Драматурга А. Салынского зрители знают по его «Барабанщице» — доброй и страстной пьесе, где речь идет о героизме, о доверии к человеку.

В новой, недавно законченной пьесе Салынский обращается к проблемам нравственным. «Ложь для узкого круга» — так полемически названа комедия. Клавдия Бояринова, против которой направлены стрелы драматурга, не совершает никаких должностных преступлений, не нарушает закона. Ее ложь — для самых близких, ее «приписки» носят характер личный, семейный. Но сегодня всякая фальшь нетерпима и обречена на жестокий провал. Так Бояринова и проваливается, попытавшись примазаться к славе героя войны. Бояринова ненавистна Салынскому: он заставляет свою героиню «лопнуть», подобно мыльному пузырю.

Спектакль поставлен Московским театром Сатиры в манере для него необычной. Никакого внешнего новаторства. Реалистические декорации. Серьезный тон, взятый исполнителями, насыщенный подтекстом диалог. Кажется, что это вовсе не комедия, а скорее психологическая драма. Но где-то в недрах спектакля запрятан действительно сатирический заряд. Постепенно жанр берет свое, и Бояринову пригвождает к позорному столбу смех зрительного зала.

Так решил спектакль Г. Менглет. Мы знали его в качестве прекрасного актера театра Сатиры. Режиссерский дебют Менглета обещает многое. Радует в спектакле и другое—проявление в новом качестве актрисы В. Васильевой. Она сыграла множество молодых, привлекательных девушек. А вот теперь, сохраняя молодость и обаяние, В. Васильева внутренне жестка. Она заклеймила низкую душу Бояриновой, ее тщеславие и пошлую деловитость.

И очень хороша Т. Пельтцер в роли старой учительницы Марии Ипполитовны.

З. ВЛАДИМИРОВА

Сцена из спектакля

Фото А. Гладштейна.

СИБИРСКИЙ, АКАДЕМИЧЕСКИЙ

Так теперь будут с полным правом называть сибиряки свой театр оперы и балета в Новосибирске.

Присвоение почетного звания театру встречено с большой радостью не только сибиряками, но всеми, кто знаком с его молодым, умным, вдохновенным искусством.

Мы поздравили по телефону Семена Владимировича Зельманова, директора театра, и узнали от него целый поток новостей: ведь творческая активность — одна из особенностей коллектива. Свой девятнадцатый сезон труппа начала премьерой балета С. С. Прокофьева «Золушка» в собственной, оригинальной редакции (балетмейстер — Олег Виноградов).

В апреле выпускают «Пиковую даму» П. Чайковского в постановке главного режиссера театра Э. Пасынкова.

Вот самые ближайшие планы: опера Вано Мурадели «Октябрь», новая редакция оперы Т. Хренникова «Фрол Скобеев» (теперь она будет называться «Безродный зять»), балет новосибирца А. Мурова «Мечта»...

За один только февраль артисты дали 31 концерт в «глубинках», выступая перед шахтерами и металлургами Кузбасса. Коллектив побывал в Тюмени и Омске, где спектакли были показаны и записаны на телестудии.

Л. СТОЯНОВА

«Клоп» в постановке новосибирцев.

Фото С. Фридлянда

«В день свадьбы», М. Ибрагимова «Деревенщина»; новые пьесы К. Финна, И. Касумова, В. Минко, М. Шатрова... А это только те произведения, с которыми мы уже знакомы. В них много интересного, в них затронуты важные проблемы.

И это живое творческое слово драматургов — будущее театрального сезона.

Но в театре произошло еще одно важное событие. Вернулись на сцену спектакли так называемого «золотого фонда» советской классики.

Это очень хорошо! Для молодых зрителей стали уже историей не только 20-е, но и 30-е годы. И когда вновь появляются герои «Бронепоезда 14-69» и «Платона Кречета», «Оптимистической трагедии» и «Тани», мы радуемся этому вновь ожившему для зрителя богатству.

Надо пожелать нашим театрам и дальше смело и все более широко черпать из родника советской драматургии: «Далекое» Афиногенова и «Воздушный пирог» Ромашова, «Город ветров» Киршона и комедии Шкваркина, пьесы К. Крапивы, С. Шаншиашвили, И. Микитенко... Да разве перечтешь!..

Пожелаем театрам больше успехов, а зрителю больше радости от хороших спектаклей. Этого они дружно хотят — режиссеры, актеры, зрители!

ЕАТРА

ХАРИ ЯНОШ ШУТИТ, ВЕСЕЛИТ, ПОБЕЖДАЕТ...

«Хари Янош» — это музыкальная комедия, построенная на народном венгерском фольклоре. Разбитной, влюбчивый, неунывающий Хари Янош у венгерского народа — любимейший образ; в нем черты, родственные Швейку, Василию Теркину, собственная яркая индивидуальность — все сливается в натуре живой и стремительной.

Самое же главное в Хари Яноше то, что он фантазер неудержимый!

Занятные рассказы о приключениях Яноша использовал выдающийся современный венгерский композитор Золтан Кодаи. Опера его с огромным успехом идет на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве. Спектакль поставлен Л. Михайловым, художник — В. Левенталь, дирижер — К. Абдуллаев.

На нашем снимке — Хари Янош в исполнении Е. Максименко. Бравый воин без малейшего смущения беседует о различных житейских делах со старой императрицей, блистательно сыгранной Тамарой Янко.

«Спектакль удался весь целиком,— заявил в письме Золтан Кодаи.— Я сам смотрел его с большим интересом».

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото А. Степанова.

ЛЮДИ ЧИСТОЙ СОВЕСТИ

На снимке: Консул — Н. Светловидов, Лола — Л. Юдина.

На сцене филиала Малого театра мы увидели новый спектакль Г. Мдивани — «Украли консула». И снова излюбленная автором тема, современная, нужная, горячая: честные люди земли, берегите мир.

Кто же главный герой этой народной комедии, кто герой спектакля?

Может быть, студент Чино (В. Борцов), который вместе с друзьями украл испанского консула, чтобы заставить Франко отменить смертный приговор молодому испанскому антифашисту? Но почему же только Чино? Разве не герой сапожник Пэпино (Ю. Соломин), по ночам гнущий спину, чтобы помочь сражающимся студентам? Старая прачка тетя Жанна (С. Фадеева), шофер Марио (С. Конов), официантка Лола (Л. Юдина), свято хранящие тайну местопребывания консула,— чем они не герои спектакля? Но в том и прелесть, в том и современность спектакля, поставленного молодым режиссером В. Монаховым, что герой его — народ; все эти прачки, студенты, рабочие, шоферы — люди, у которых наверняка нет денег, но есть честь, нет вилл и машин, но есть добрая воля и чистая совесть.

Мы познакомились с народными персонажами комедии Мдивани, весело, мило, изящно, увлеченно сыгранными актерами Малого театра.

А противостоят им полицейский Антонио в отличном исполнении В. Кенигсона и В. Хохрякова; консул, сочно и хлестко сыгранный Н. Светловидовым; бакалейщик Чезаре, высмеянный М. Новохижиным.

Весел, остер, афористичен диалог. Словно фейерверк взрывается горячая народная речь, в которой и соль, и нежность, и солнце, и гнев.

Власти уступают, рабочий люд торжествует. Темпераментен финал спектакля. Борьба продолжается, студенты, молодежь, рабочие вышли на улицу. Они выдвигают новые требования, и первое среди них — чтобы не было новой войны!

В. ФЕДОРОВ

СПЕКТАКЛЬ—ПРИЗЫВ

Недавно во Владивостоке на сцене Краевого драматического Театра имени Горького была показана незаслуженно забытая пьеса В. Киршона «Хлеб».

Спектакль «Хлеб» — это большое эпическое полотно, повествующее о том, как строилась Советская власть, мужественный рассказ о коммунистах-ленинцах, все силы, сердце, разум, а зачастую и жизнь отдавших великому делу социализма. Постановщик Н. Басин, художник Б. Локтин, актеры Е. Шальников, С. Зима, А. Присяжнюк и другие тщательно изучали материалы тех лет: ведь события, которые в свое время так темпераментно, попартийному остро и оперативно отразил в своей пьесе Киршон, для многих зрителей и большинства актеров — история. Но спектакль «Хлеб» во Владивостокском театре не памятник павшим бойцам, не страницы из прошлого — это призыв. Призыв к молодежи принять от отцов эстафету преданности революции и самозабвенного служения ей.

Спектакль нашел горячий отклик в сердцах зрителей.

«Я была современницей и участницей событий, которые сегодня мы видели на сцене нашего театра,— говорила на обсуждении пенсионерка Костина, горячо благодаря постановочный коллектив за прекрасный спектакль. — Он рассказал вам, сегодняшним комсомольцам, о той борьбе, которую вели ваши отцы, об их героизме и самоотверженности. Будьте и вы такими!»

Владивосток.

И. ЛАГОВИЕР

Сцена из спектакля «Хлеб». Мокрина — С. Иванова, Квасов — Н. Михеев.

Фото Л. Беляева.

СИБИРЬ — КРАЙ НАУКИ

То, что должно происходить за толстой бетонной стеной, казалось призрачным, фантастичным, лежало где-то за границей реального мира. Формулы не убеждали. Не убеждала и сама установка, которую начали монтировать недавно. Ни мощи ядерных реакторов, ни величия Дубненского синхрофазотрона. И все-таки...

НА ПУТИ К

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Магическая звездочка

Наука героична в своих простых, будничных проявлениях. Был август 1963 года. Суббота. 11 часов вечера. Но в Институте ядерной физики Сибирского отделения АН СССР все оставались на местах. Ждали окончания испытаний новой установки — ВЭП-1. Вот над дверью потухла красная лампочка: опасность радиоактивного облучения миновала. Все бросились в зал. Приникли к иллюминатору. Они увидели слепящую глаза звездочку, то белую, то красноватую. Всего лишь маленькую звездочку... Но как смотрели на нее молодые ученые! Она говорила им, что там по магнитной дорожке почти со скоростью света мчатся потоки электронов. Установка, с помощью которой можно еще глубже заглянуть в святая святых материи, создана! Кольцо обычного ускорителя, эквивалентного установке сибиряков, протянулось бы на многие километры. ВЭП-1 умещается в небольшом зале — ее радиус всего 43 сантиметра.

В чем же отличие этой уникальной установки от обычных ускорителей?

Во всех приборах прямого ускорения разогнанная до колоссальной скорости частица, подобно снаряду, бьет в неподвижную «мишень» — другую частицу.

А что, если «мишень» тоже не будет стоять на месте, а станет двигаться навстречу «снаряду» с такой же, как у него самого, скоростью? Тогда разрушения, которые они причинят друг другу, будут значительно больше. Это как раз то, чего добиваются физики.

И вот на последней Международной конференции в Дубне директор Новосибирского института ядерной физики А. М. Будкер рассказал, что такая установка создана, накоплен интенсивный пучок электронов.

Некоторые ученые Запада были поражены. Где-то в глубине души не доверяя сообщению, они отправились в далекую, «глухую» Сибирь.

Удивленно смотрели на светящуюся звездочку профессора из Соединенных Штатов Америки, Франции, Италии. Большинство из них занимались этой же проблемой. Например, профессор О'Нэйл одним из первых в США начал создавать установку со встречными пучками. Ему удалось получить электроны более высоких энергий, но интенсивность накопленного пучка была в десять раз меньше, чем у сибиряков.

И еще иностранных ученых поражало, что уникальная установка создана в Сибири, в институте, лабораторный корпус которого построен менее двух лет назад. И то, что во главе сектора, занятого ее наладкой, стоит 27-летний исследователь.

Круглый стол ИЯФа

Этот стол — большой, круглый, с зеркальной черной поверхностью. Каждый раз, приходя в институт, я с уважением поглядывала на него. Тут, сказали мне, проходит ученый совет института. Я тогда еще мало знала сотрудников и представляла, как вокруг стола садятся убеленные сединами ученые, а на черную отполированную поверхность ложатся листки, исписанные загадочными формулами. И разговоры, ведущиеся тут, должны быть важными и чинными.

На самом же деле за столом сидели веселые, остроумные молодые люди и весело хохотали над чьей-то удачно брошенной репликой. А на зеркальной поверхности стола дымились чашечки с черным кофе.

Однако вопросы, которые решаются за этим столом, действительно важные. Речь идет об окончании монтажа новой установки ВЭПП-2, еще более сложной, чем ВЭП-1.

Пока идет обсуждение отдельных деталей монтажа, я бегло представлю вам некоторых участников совета.

Андрей Михайлович Будкер — директор института, член-корреспондент Академии наук СССР. Он считает себя экспериментатором, но его ученики клянутся, что он теоретик. Вероятно, и тот и другой уживаются в нем удивительно прочно. Ему выпало великое счастье работать у Игоря Васильевича Курчатова. Между защитой диплома в Московском университете и началом работы в научном институте, директором которого был Игорь Васильевич, лежали четыре года войны. Диплом Будкер защищал 23 июня 1941 года, а в 1945 году он пришел в Институт атомной энергии, еще не успев снять военную шинель...

Все вопросы о создании нового института в Сибири на базе одной из лабораторий Института атомной энергии решались с Курчатовым.

«Курчатов больше, чем настоящий ученый,— говорит Будкер.— Он настоящий руководитель коллектива исследователей. У него был божий дар — видеть в тех, кто с ним работал, лучшее и именно это, лучшее, заставить наиболее полно проявиться — будь то талант, смелость и оригинальность ума, работоспособность и просто человеческая доброта и тонкость. Как он этого достигал? Не знаю. Ведь Курчатов никогда не лез, как говорится, к человеку в душу, был деликатен, даже застенчив. Меня поражали его глаза — чистые, лучезарные, такие неожиданные на мужественном, бородатом лице.

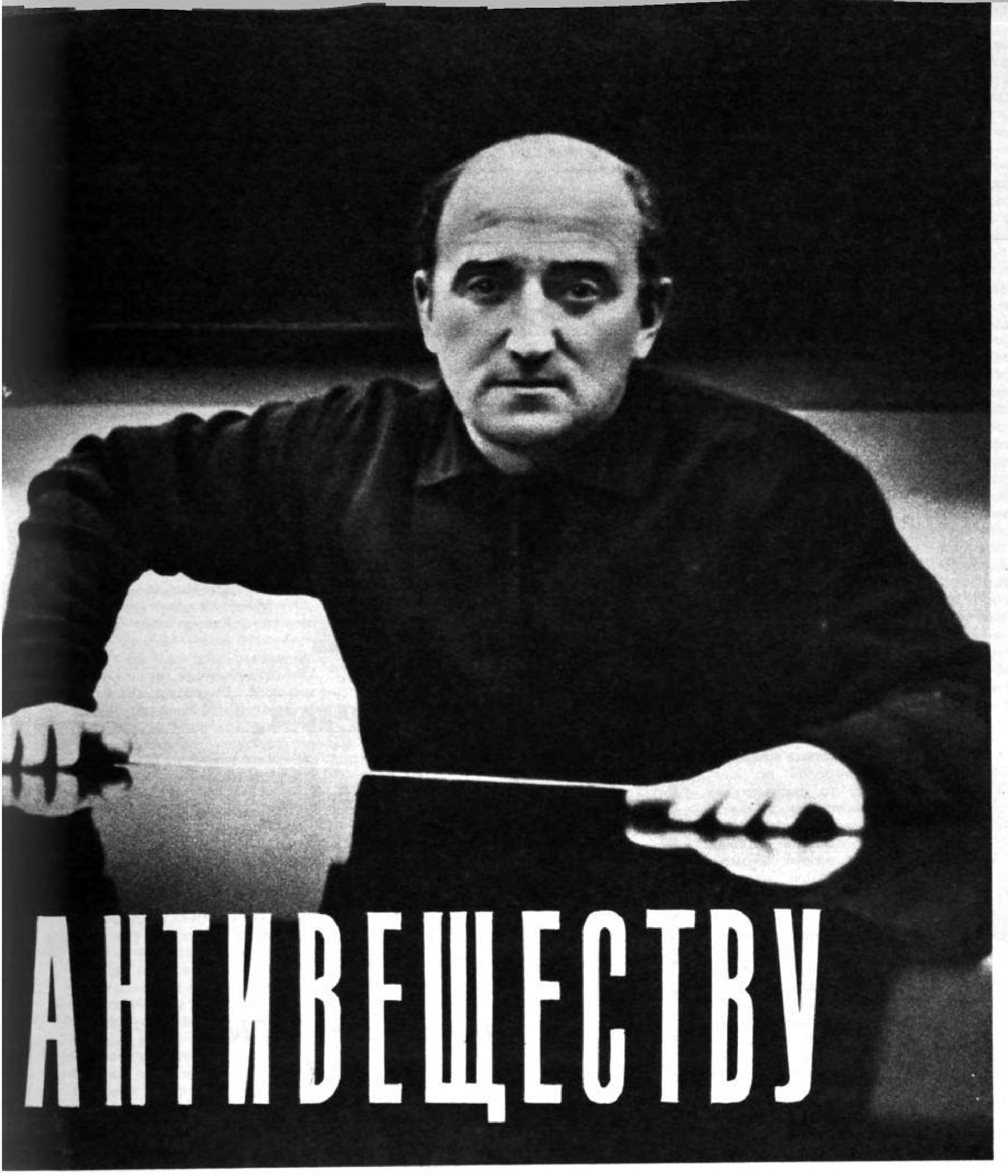
И атмосфера в институте была легкой, непринужденной, доброжелательной. Теперь я понимаю: это от Курчатова, это его стиль».

Напротив за столом сидит Алексей Александрович Наумов. Он полная противоположность энергичному, вспыльчивому, импульсивному Будкеру. Некоторым он кажется излишне суховатым, немного медлительным, чересчур правильным. Они не понимают, как Будкер и Наумов могут в течение многих лет работать будто одно целое. Если в разговоре Андрей Михайлович скажет «нам кажется», «мы задумали», «мы решили», все безошибочно расшифровывают это сокращение: «мы» и «нам» — значит «Будкер и Наумов». Наумов, если можно так сказать, овеществляет идеи Будкера. Разумеется, в Академгородок они приехали вместе.

Рядом — Роальд Зинурович Сагдеев («Самый старый среди молодых»,— в шутку зовут его в институте). Сагдееву — 30. Но он уже доктор физико-математических наук, профессор, декан физического факультета Новосибирского университета.

В лабораторию Будкера в Институте атомной энергии он пришел дипломником.

Сейчас у Сагдеева много первоклассных работ. Для них харак-

Андрей Михайлович Будкер.

что сидят сейчас за круглым столом. Одни из них, как, например, Роальд Сагдеев, пишут не только цифры и формулы, но и акварели, исполненные тонкого понимания природы; другие увлекаются современным искусством; третьи — скептики, они могут подшучивать надо всем на свете, но только не над физикой; четвертые, как Борис Чириков, даже в декабрьские морозы купаются в дымящейся проруби на Обском море. Одни из них только-только смело вступили в науку, в двери других уже постучалась зрелость, настало время больших свершений. Но их объединяет одно — неудовлетворенность сделанным, то драгоценное качество молодости, которое иные проносят через всю жизнь.

Школьник, студент, исследователь

В одной из лабораторий я увидела вихрастого паренька. Он над чем-то колдовал среди головокружительно сложного хозяйства проводов, трубочек, пластинок.

— Кто это? — спросила я.

— Наш сотрудник Володя Балакин, — ответили мне, — интересный экспериментатор.

Признаюсь, тогда меня немного насторожили слова «интересный экспериментатор». Ведь у прибора сидит 19-летний паренек, похожий на школьника. Но позже, когда я лучше узнала коллектив Института ядерной физики, почувствовала тот дух доверия, непринужденности, уважения к творчеству независимо от возраста, должностей и научных степеней, эти слова мне показались простыми и естественными.

Каким же образом паренек стал сотрудником одного из крупнейших физических институтов страны?

«Без учеников нет ученого» — таков девиз Академгородка, выдвинутый академиком М. А. Лаврентьевым. И под учениками здесь понимают не только молодых научных сотрудников и аспирантов, но и студентов и даже школьников, тех, кто сядет завтра на студенческую скамью.

Володя Балакин, школьник из алтайского села Каявушка, был одним из победителей Общесибирской физико-математической олимпиады. Дальнейшую судьбу его решила «встреча у фонтана».

Около помещения, где раньше была физматшкола, есть небольшой бассейн. Тут встретился Володя с Евгением Кушниренко, из лаборатории искровых камер Института ядерной физики.

Евгению Кушниренко понравились умные вопросы, которые задавал школьник, его серьезность, застенчивая немногословность. Чем ближе Евгений узнавал Володю, тем больше убеждался в его недюжинных способностях. У этого паренька были золотые руки экспериментатора, трудолюбие и упрямое, злое желание стать физиком. Он так много читал по физике и математике, что в последнем классе средней школы ему просто нечего было делать. И Евгений Кушниренко рассказал о нем директору института Андрею Михайловичу Будкеру. Володю зачислили сотрудником в ИЯФ, он сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, поступил в Новосибирский университет.

В конструкции новой искровой

терно глубокое проникновение в физику сложных явлений плазмы.

Сегодня тут же сидит его ученик и помощник Алик Галеев. Галееву — 22. Он родился в Башкирии. В этом году заканчивает Новосибирский университет — первый выпуск. Диплома Галеев еще не получил, однако в штат ИЯФа уже зачислен. И даже выбран секретарем комсомольской организации. Программа университета построена так, что за три года практики к Алику достаточно пригляделись в институте. Несмотря на молодость, он выполнил много самостоятельных научных работ. Одна из них, сделанная совместно с профессором Сагдеевым, докладывалась на международном симпозиуме в Лондоне.

Сагдеев нежно опекает своего ученика и бережет его от «дурного глаза» журналистов, которые, как ему кажется, похвалами в печати могут сбить юношу с пути. Но Андрей Михайлович Будкер считает, что сбить Алика с пути не так-то легко. Он уже твердо занял свое место в немногочисленной семье теоретиков института.

Тут же за столом я вижу Бориса Чирикова. Его сектор первым полностью перебрался в Новосибирск.

Борис Чириков и сидящий рядом Спартак Беляев — из первого выпуска Московского физико-технического института. Для творческого почерка Беляева характерно владение мощным математическим аппаратом при ясном понимании физики явления. Около года работал Беляев в лаборатории Нильса Бора. Великий физик привязался к талантливому русскому со смелым именем Спартак, полюбил его. Уже потом, в Новосибирске, Беляев вместе с Вениамином Сидоровым, тоже работавшим у Нильса Бора, встречал на аэродроме своего гостя и друга — Огэ Бора, директора института, носящего имя его отца.

В Академгородок Беляева привели тишина и возможность работать не менее 16 часов в сутки. Однако сам Спартак отнюдь не чуждается общественной жизни, которая, по его словам, здесь «бьет ключом». Он преподает в физико-математической школе, университете, работает с дипломниками, состоит членом по крайней мере четырех ученых советов.

Александр Скринский — самый молодой руководитель лаборатории (ему сейчас 27) — полностью сформировался в ИЯФе. Он пришел в институт практикантом Московского университета и постепенно занял положение ведущего работника в проблеме встречных пучков. И никого не удивило, когда 25-летнего Александра Скринского назначили руководителем лаборатории. Он фактически сам стал им. И в этом тоже стиль работы Новосибирского института.

Они очень разные люди, те,

камеры, разработанной в институте, есть немало труда Владимира. Искровая камера — чуткий прибор, с помощью которого можно увидеть путь частицы высоких энергий, более точно определить, что же произошло в момент столкновения электронов в уже знакомой нам установке.

Сейчас Балакин носится с новой идеей. Он считает, что если в камере изменить форму импульса, подающего напряжение, то путь частицы, ее трек, как говорят физики, будет найден более точно. Идея Володи уже взята лабораторией на вооружение. Но это не снимает с него обязательства уходить домой пораньше, чтобы заниматься.

...Три — пять лет — такова разница между поколениями в науке. Член-корреспондент АН СССР Будкер — ученик Курчатова. Он был уже профессором, когда пришел в науку Спартак Беляев. Перешагиваем еще через пять лет. Роальд Сагдеев в 30 лет — декан физического факультета университета, доктор наук. Пропускаем еще пять лет. 25-летний Александр Скринский становится руководителем лаборатории. Еще три года. Через несколько месяцев получит диплом Новосибирского университета 22-летний теоретик Алик Галеев. За ним смело всходит на первую ступеньку лестницы, ведущей к снежным пикам науки, Володя Балакин. У самой первой ступеньки стоит еще неизвестный мне паренек из физико-математической школы, один из сорока ребят, прикрепленных недавно для практики в Институт ядерной физики.

Выстрел в антимир

Но вернемся к ученому совету, к обсуждению монтажа новой установки ВЭПП-2, установки, которая не только непосвященным людям, но даже трезвым романтикам-физикам еще совсем недавно казалась неосуществимой мечтой. Речь идет о создании прибора, помогающего подсмотреть процессы, возникающие при взаимодействии вещества и антивещества, при столкновении электронов и их античастиц — позитронов.

Антивещество. Антиматерия. Антимиры. У людей, далеких от физики, эти понятия не укладываются в сознании. Физики объясняют: антивещество — это вещество, в котором все частицы заменены их античастицами. При соприкосновении вещества и антивещества произойдет аннигиляция. Теоретики предсказали возможность создания антивещества в земных условиях.

Но как создать установку, на которой можно было бы проследить процесс взаимодействия вещества и антивещества?

Технические трудности создания такой установки перерастают в теоретические.

При столкновении электронов высоких энергий рождается каскад различных элементарных частиц. В этом каскаде есть и позитроны. Часть их удается выловить и удержать в кольце. Бесчисленное количество раз повторяют исследователи выстрелы электронами. Сто, тысячу, десятки тысяч раз. Это чтобы получить нужное для эксперимента количество позитронов.

В накопителе частиц, своеобразной «консервной банке», должен быть полный космический вакуум. Если за секунду частица проходит 25 миллионов оборотов по магнитной дорожке, то сколько же оборотов совершит она за часы, нужные для эксперимента! И за это время позитрон не должен столкнуться ни с одним атомом оставшегося газа. Иначе частицы рассеются и аннигилируют.

В установке ВЭПП-2 всего одна железная магнитная дорожка. Ведь электрон и позитрон имеют противоположные знаки заряда и поэтому вращаются в противоположные стороны. («Это очень удобно — меньше железа», — шутят физики.) Но надо еще ухитриться попасть электронами в позитроны, к тому же при огромной скорости их движения. А ведь размеры «снарядов» и «мишеней» ничтожны. Тонок человеческий волосок, но его диаметр по сравнению с позитроном показался бы нам... диаметром земного шара. Взаимная энергия сталкивающихся частиц в этой установке должна быть выше, чем на любом из существующих ускорителей, и поэтому с его помощью физики смогут наиболее глубоко проникнуть в недра материи. Чтобы разместить циклический ускоритель электронов, эквивалентный энергии установки ВЭПП-2, понадобилось бы не несколько километров, как в примере с ВЭП-1, а поистине огромное пространство.

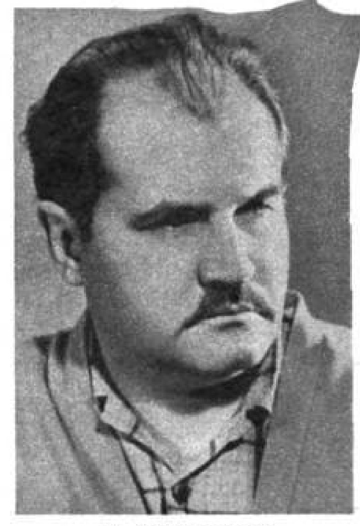
К изучению грандиозной проблемы — изучению антивещества — ученых влечет не простое любопытство. Астрономы связывают это с полетами к другим мирам. Техники надеются обрести в нем колоссальные клады энергии, в тысячи раз превосходящие возможности ядерного горючего...

Круглый стол ИЯФ.

Песня про атамана Семена Дежнева, славный город Великий Устюг и Русь заморскую

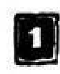
С. Наровчатов

Сергей НАРОВЧАТОВ

Великий русский землепроходец Семен Иванович Дежнев прожил долгую и славную жизнь. Он был участником походов первооткрывателей на северо-востоке Сибири. Вместе со Стадухиным он спустился по Индигирке до Северного Ледовитого океана. Потом морским путем он прошел до Колымы, принял участие в основании Нижне-Колымска. Венцом его славы стал знаменитый поход вокруг Чукотского полуострова, когда им был открыт пролив, отделяющий Азию от Америки. Во время этого похода судна были разметаны бурей. Часть участников проникла на Камчатку, а другая — предположительно — на Аляску. Обе эти земли тогда были еще неизвестны миру.

Основав Анадырский острог, обследовав новооткрытую Чукотку, Семен Дежнев с честью завершил выдающееся путешествие. Его заслуги были высоко оценены русским государством. Он был поверстан в атаманы, ему выплатили вознаграждение за все годы службы в войске разом. Из Москвы в Якутск он несколько раз ездил с государевым жалованьем казакам, а возвращался оттуда с грузом моржового клыка и пушнины. Во время одной из этих поездок он заехал по пути на свою родину — Великий Устюг. Умер Дежнев в 1672 году.

Поэма Сергея Наровчатова показывает знаменитого казака в один из дней его славы. Подвиг Дежнева рассматривается поэтом как выражение общенародного движения, целью которого было освоение беспредельных пространств Сибири. Среди множества побудительных причин, толкавших людей Московского государства идти на поиски неведомых земель, одной из лучших была неосознанная мечта о «казачьем царстве» — стране без воевод и помещиков. Но она оказалась недостижимой, отодвигаясь все дальше, в неведомые казакам края. В сознании героя поэмы — истинном представителе казачества — противоречиво соединяются идея государственности и эта мечта.

Как на Юге-реке, при устье ли,
Было дело в Великом Устюге,
Поднимался с утра воевода,
Покидал он палаты сводчатые,
Выезжал верхом за ворота,
Городские ворота решетчатые.
А за ним, воеводой, следом
Проходили стрельцы по городу,
Каждый в ратном искусстве сведом,
Задирали, дерзкие, бороды.
Пробирались следом подьячие,
Писаря — приказные строки,
Очи волчьи, души собачьи,
Мастера наводить мороки.
На дома свои пятистенные
Понавесив замки пудовые,
Поспешали купцы степенные,
Торопились люди торговые.
Бросив речи свои дурацкие
И забавы свои бесовские,
Выползали голи кабацкие,
Те ярыжники запьянцовские.
Косы длинные — красны девицы,
Косы забранные — молодицы,
Хоть глазком взглянуть, что там деется,
За порог пошли подивиться.
Выбегали люди на улицу,
Полошились соседи и смéжнаки,
То не бунтом народ бунтуется,
На мятеж не кричат мятежники.
Не о нуждах своих беспокоясь,
Затолпились толпой устюжане —
Нынче денежный ждут они поезд,
Смотрят, едут ли поезжане.
Пригляделся с прищуркой строгой
Воевода князь Прозоровский:
Что там светится над дорогой,
Над большой дорогой московской?
Осветило ровное пламя
Многоцветный широкий пояс,
Солнце летнее над холмами
За версту показало поезд.
Так вот в лавке ловкий сиделец
Дорогие сбывает ткани,
Чтобы ярче они завиднелись,
На свету их держит руками.
Он их так повернет и эдак,
Между пальцев пустит умело,
И, глядишь, в глазах у соседок
Залазорело и заалело.
Облюбуешь парчу цветную,
Все до нитки проверишь взглядом...
Подъезжает поезд вплотную,
Вот уж люди и кони рядом.
Трубачи в одеждах нарядных
Перед строем едут казачьим,
Возле них веселый урядник
На коне гарцует горячем:
То его на дыбы подымает,
То вьюном заставляет виться...
У девиц аж дух занимает,
Усмехаются молодицы.
Подмигнул одной круглолицей,
Показал молодые зубы,
Вдруг наотмашь взмахнул рукавицей —
И запели медные трубы.
Медью яростной колокольной
Им откликнулось звонкое слово,
Словно праздник первопрестольный,
Атамана встречают Дежнева.
Трижды залп смешав с перезвоном,
Расступилась стрелецкая рота.
Воеводе ответив поклоном,
Он въезжает первым в ворота.
Озирается, тихий и властный,
Усмехается чудно и дивно...
Полыхает кафтан атласный,
И блестит золотая гривна.
Из-под шапки глаза темнеют,
Огневые грозят зеницы,
Поглядит — мужики сробеют,
Начинают бабы креститься.
Борода — по-сéребру чернью,
По расшитому сыплет вóроту...
Привечаем знатью и чернью,
Он неспешно едет по городу.
Борзый конь тяжко ступает,
Знать, подпал под твердую руку,
И уж воли, видно, не чает,
Атаманову помнит науку.

Возле, чуть приотстав, воевода
На кобыле трусит чагравой,
Величаясь среди народа
И чужой выхваляясь славой.
Слух растет в толпе устюжанок:
«Атаман здесь, бабоньки, вырос.
В эту церкву, встав спозаранок,
Петь с мальцами бегал на клирос.
И теперь в слободе стрелецкой
Дом стоит старика Дежнева.
Сын с ватагою молодецкой
Улетел из-под отчего крова.
Ох, не встретит единокровных:
Четверть века, как на погосте,
Не дождавшись молитв сыновних,
Отца с матерью тлеют кости...»
Атаману тот говор не слышен,
Он нахлынувшей думой утишен,
Смотрит мимо он взглядом влажным,
Смотрит поверх он взором странным,
Не всегда он был гостем важным,
Не всегда он был атаманом.
Не с казаками за добычей,
Не за славой громких походов —
Здесь ходил он с оравой мальчишьей
Огурцы таскать с огородов.
Не под свист одичалой вьюги
В зимнем море он правил кочи —
Здесь в затишье легкие струги
Выводил он в летние ночи.
На корме не Гришка Безносый
Здесь торчал с непотребной мордой.
Насказал тогда русокосой,
Что вернусь, мол, живой или мертвый.
И о давней вспомнив утехе,
О своей светлоглазой ладе,
Губы сжатые тронул в смехе
И опять закусил в досаде.

Нынче полон собор многоглавый.
Двери настежь открыты в сени.
Отягчен почетом и славой,
Спешась, всходит Дежнев на ступени.
Злат-ковчежец пречудного виду
Протопопу вручает с поклоном,
Чтобы вечную панихиду
Тут служили по убиённым,
По замерзшим и по утоплым,
По погибшим от мора и глада.
Помянуть просит словом добрым
Всех взыскавших вышнего града.
И главу опустивши книзу,
Во души своей грешной спасенье
Дарит он, по обету, ризу
И оклад в драгоценном каменье.
Мол-де знает святая сила,
Богородице дал он слово,
Когда буря его носила
По волнам в день ее Покрова.
И на сушу, с гребня на гребень,
Вышли утлые кочи с ходу...
Отстояв до конца молебен,
Атаман выходит к народу.
И, сойдя с щербатых ступенек,
Где столпилась нищая братья,
Тремя мерами медных денег
Оделяет всех без изъятья.
Тут же миру без проволочки
С зелены́м вином ставит бочки.
Сам же, взяв казаков в подспорье,
Гостевать идет на подворье.
Притомились люди с похода.
Привечай гостей, воевода!

Многоустен Великий Устюг.
Хвалит он на улицах людных
Тех, кто в щедрых сибирских устьях
Не забыл об истоках скудных.
Возглашает он славу Дежневу,
Рад тому, что Семен Иваныч,
Честь воздав родимому крову,
Гостевать остается на ночь.
Вновь он царскою лаской взыскан
И дорогою наказною:
Из Москвы к острогам сибирским
С государевой едет казною.
Миновать ли свой город-отчину,
Раз дороги на Камень вышли
Через Вятчину и Вологодчину
По Сухоне, Вычегде, Вишере?

По увалам и по отрогам,
По порогам и перекатам
Атаман к обедневшим острогам
Едет с жалованьем богатым.
Он его на Москве истребовал,
Он по всем приказам стучался,
И поклонами-то не гребовал,
И посулами-то не стеснялся.
Девятнадцать лет прослужил он
В некорыстном походе и поиске
И теперь сутягам и жилам
О голодном напомнил войске.
Говорили: мол, брось стараться,
Деньги сгибли, возьми-ка в разум,
Но в Москве за все девятнадцать
Получил он единым разом.
Знал: недаром челом ударю,
Есть-де чем царю поклониться.
Поклонился он государю
Анадырской щедрой землицей.
Нет, не зря он узнан удачей:
Тверже камня и мягче воска
Правит вольницею казачьей,
Крепко держит буйное войско.
Атаманство ему добывали
Пули метки — родные детки,
Замирялись дальние дали,
Покорялись с первой разведки.
Добывали ему атаманство
Сабли востры — родные сестры,
И простирались его пространства,
Разверставшись на долгие версты.
Шел тропой он землепроходской
В дни слепые и в зрячие ночи,
С Колымы вкруг земли Чукотской
Он провел пытливые кочи.
Встав у края всего в изголовье,
Привязав челны у причала,
Анадырь с низов по верховье

Атаман Семен Дежнев.
Рисунок И. Глазунова.

Под свое он привел начало.
Путь прискорбен, страшен и долог,
Но Дежнев его тем прославил,
Что лишь за́ год чрез Ленский волок
Сорок тыщ соболей доставил.
Те, кто даром баклуши били,
Поговаривали оторопело:
«Без лихих устюжан в Сибири
Никакое не сладится дело».
Сколько рек на веку он вывершил,
Сколько стран исходил незнаемых,
Сколько дел порешил и вырешил,
Дел неслыханных и нечаемых!
Отступили пред ним границы,
Преклонили пред ним колена

Три девицы сибирской землицы —
Колыма, Индигирка, Лена.
Он рубил городки и остроги,
Строил струги, ладьи и кочи.
Через тундру торил дороги,
Службу нес до последней мочи.
Был он в службе пешей и конной,
В службе санной, лыжной и стружной,
Вел ладьи по хляби бездонной,
Шел он пустошью снежной и вьюжной.
Ни пред кем не склонясь головою,
Он прошел по нездешним странам
И над ними встал с булавою
Верховым войсковым атаманом.
Ведь концы разгадав до срока
И в концах начала кончая,
Стал Дежнев в голове потока;
Тот поток — вся Русь кочевая.
Кто видал, как из озера вешнего
Бьет поток, берега вскрывая,
Убегая от места прежнего,
Достигая нездешнего края?
Он сперва без нáвиду рыщет,
Роет землю и днем и ночью,
И дороги вслепую ищет,
И пути находит воочью.
Те пути далеки-далёки,
Очеса их во тьме теряют...
Забирает поток притоки,
А притоки ручьи вбирают.
Сколько токов, ручьев и речек
В реках смешивается человечьих?
Сколько участей, сколько судеб,
Кто их между собой рассудит?
Вот одна — глядит исподлобья,
Пятернею в затылке чешет...
Горевая судьба холопья,
Кто над нею душу не тешит?!
Расскажи-ка, судьба, по чести,
Ты поведай, рабская сила,
Из каких бежала поместий,
От каких господ уходила?
Знать, порядки-то были сладки,
Велика была барская милость,
Коли ты от них без оглядки
Во все тяжкие припустилась.
Здесь тебя приветят по-свойски,
На бешмет обменят сермягу,
Поверставшись в казачьем войске,
Поступай в любую ватагу.
Вот другая — девицей красной
Застыдобился парень пригожий.
Ум лукавый, к злату пристрастный,
Под смазливой прячется рожей.
Из приказчиков вологодских
Он сбежал с хозяйским товаром,
На распутьях землепроходских
Объявился, хитрец, недаром.
Он дела обделает чисто,
Торг соболий с Москвою наладит,
Наживется в двести и в триста,
Навсегда в Сибири осядет.
Ну, а ты — из людей служивых,
Как зашла в гулевые оравы?
Кровь упрямая хлещет в жилах,
Громко требует чести и славы.
Душу завистью зря не мучай,
Раз по-волчьи сжимаешь скулы,
Значит, вырвешь зубами случай,
Прогрызешься, судьба, в есаулы.
Здесь каких только судеб нету!
Со всего пособрались свету,
Были розны, стали едины,
Словно капли одной стремнины.
Той стремнине мы грянем славу,
Сдвинув чаши свои наливные,—
С ней страна возрастает в державу,
С нею Русь вырастает в Россию!

Будто гром в кирпичных палатах
С расписного ударил свода,
То в хоромах своих богатых
Пир гостям дает воевода.
Он хлопочет, как старый кочет,
И, чужой в поднебесном стане,
В грязь лицом ударить не хочет,
Угождая орлиной стае.
Ярым воском сытое пламя
До углов заливает светлицы.
Вдоволь вольнице за столами
Нынче выпало повеселиться...
Есть с чего глазам загореться,
Если в чарку-непереводку,
Коли фряжское не по сердцу,
Лей в охотку двойную водку.
На подмогу веселой силе
Вместе с горькой, сладкой и пенной
Целый вечер яства носили
Перемену за переменой.
Гости заполночь засиделись,
До единого на ночь остались.
Песню спеть бы, да все припелись,
В пляс пойти бы, да приплясались.
И сказал тут казак седатый
С золоченой серьгою в ухе:
— Как мы шли за добычей богатой,
Нынче песня была на слухе.
За одной ли быстрой добычей,
За одной ли деньгой бегучей?
Дай-ка песню подправлю притчей
О судьбе своей неминучей...
На охоту пойдешь за векшей,
Понесет напрямик, кустами,
Выйдешь к лесу, того не легше,
Сам пристал, глаза не устали.
Лес густым раскинулся станом,
Шумно дышит жаркой листвою,
Дуб матерым стоит атаманом,
Смотр ведет зеленому строю.
Он тебе кивнет над поляной,
Прошуршит навстречу ветвями,
И пойдешь, словно гость желанный,
Меж раскидистыми шатрами.
Но пройдешь лишь самую малость,
Глядь — кругом бурелом да сучья,
Войско стройное перемешалось,
Нет шатров, только лес дремучий.
Тут судьба посылает милость:
Невзначай на стежку натюнешься.
Ты куда, тропа, устремилась,
Ты куда, проказница, вьешься?
До меня по тебе ходили
Чьи-то радости и печали,
Ишь, как мох меж корней прибили,
Всю кору на них обтоптали.
Дай пойду тобой полегоньку,
Став на месте, немного выведаешь,
Полегоньку да потихоньку
Ты куда-никуда, а выведешь.
И тропа, потворствуя взгляду,
Вдруг подарит тебя подарком:
К несказанному выйдешь граду,
Осиянному светом ярким.
Тут и кончишь свое хожденье,
Отдохнешь под привольным небом...
Может, это одно виденье,
Может, марево, может, небыль.
Но хоть издали насмотреться
На красу его сможешь вволю...
Говорят, не прикажешь сердцу,
Вот такую и взял я долю.
Кончил речь седой казачина,
Усмехаючись виновато:
«Знаю сам, мол, что не по чину
То мечтание мне, ребята...»
Но казаки молчат сурово,
Не слыхать ни ругни, ни глуму.
Атаману казачье слово
Развязало давнюю думу.
Пламена всколебали свечи.
— Глянь!— он крикнул, весел и страшен,—
Рыбий зуб рукой человечьей
Сверху донизу изукрашен.
Посредине солнце и месяц
Вместе встали, хоть в небе розны,
А от них, в две стороны свесясь,
Коромыслом качаются звезды.
Ниже звездного полукруга
Улеглись плашмя по укосу
Два медведя против друг друга
Мордой к морде и носом к носу.
Между тех мордатых медведей
Чудно нитка тонкая вьется...

Атаман взглянул на соседей,
А глаза его — два колодца,
Два колодца — нагнись, да охни!—
Глубоки темноты земные,
Но глядят через черные окна,
Ярко светят звезды дневные.

— Рыбий зуб у каменной кручи
Мне дарили в подарок чукчи.
Край чукотский — сужу по расспросу —
Здесь в медведя переиначен,
Ну, а ниткой по самому носу,
То мой путь в волнах обозначен.
Как же дальше идти до смыслу,
Что гадать под другим медведем?
Мы по звездному коромыслу
Прямо в край незнакомый въедем.
Не туда ли в кромешные ночи
Унесло пропащие кочи?
По чукчанским живет разговорам
В той земле народ меднолицый,
Вместо бога там черный ворон,
Колдовская волчица царицей.
Не спознался б я с незадачей,
Побывал бы там с силой казачьей.
А приди я туда хоть с горсткой,
Сразу клич по Руси будет кинут,
Вслед за мною к земле заморской
Гулевые ватаги хлынут.
Всех привечу я добрым словом:
Исполать! Благодарствуй и здравствуй!
Вольной жизнью под новым кровом
Вечно жить казацкому царству.
Мы разыщем новые устья,
В глубь страны пройдем по потокам.
Нарекут Заморскою Русью
Нашу вольницу в мире широком.
Надоело быть под началом,
Дерзкий жребий охота вынуть,
Не пора ли к дальним причалам
Бунчуки казацкие двинуть?
Атаман потянулся к чаше:
— Выпьем, что ли, за дело наше?

Воевода глаза таращит,
Воевода слов не обрящет,
Еле выговорил оторопело:
— Что, мол, дело? Тут Слово и Дело?

Атаман, усмехаючись, глянул,
Атаман, надсмехаючись, грянул:
— Не гляди исподлобья волком,
Ничего ты не понял толком.
Мы сегодня с друзьями своими
Громко славим царское имя,
И тебе быть с нами согласну,
И тебе б не брехать понапрасну.

Ох, не кончилось дело б худом,
Загудели казаки гудом:
— Что ты, старый охальник, спьяну
Войсковому дерзишь атаману,
Наши руки еще не ослабли,
Враз возьмем крамольника в сабли!

Заморгал воевода чаще,
Впрямь пригрезились речи смелые,
Поднимают казаки чаши
За Великие, Малые и Белые,
Дружно шапки оземь ударя,
Пьют за здравье царя-государя:
Славься, крепкая наша держава,
Алексею Михалычу слава!

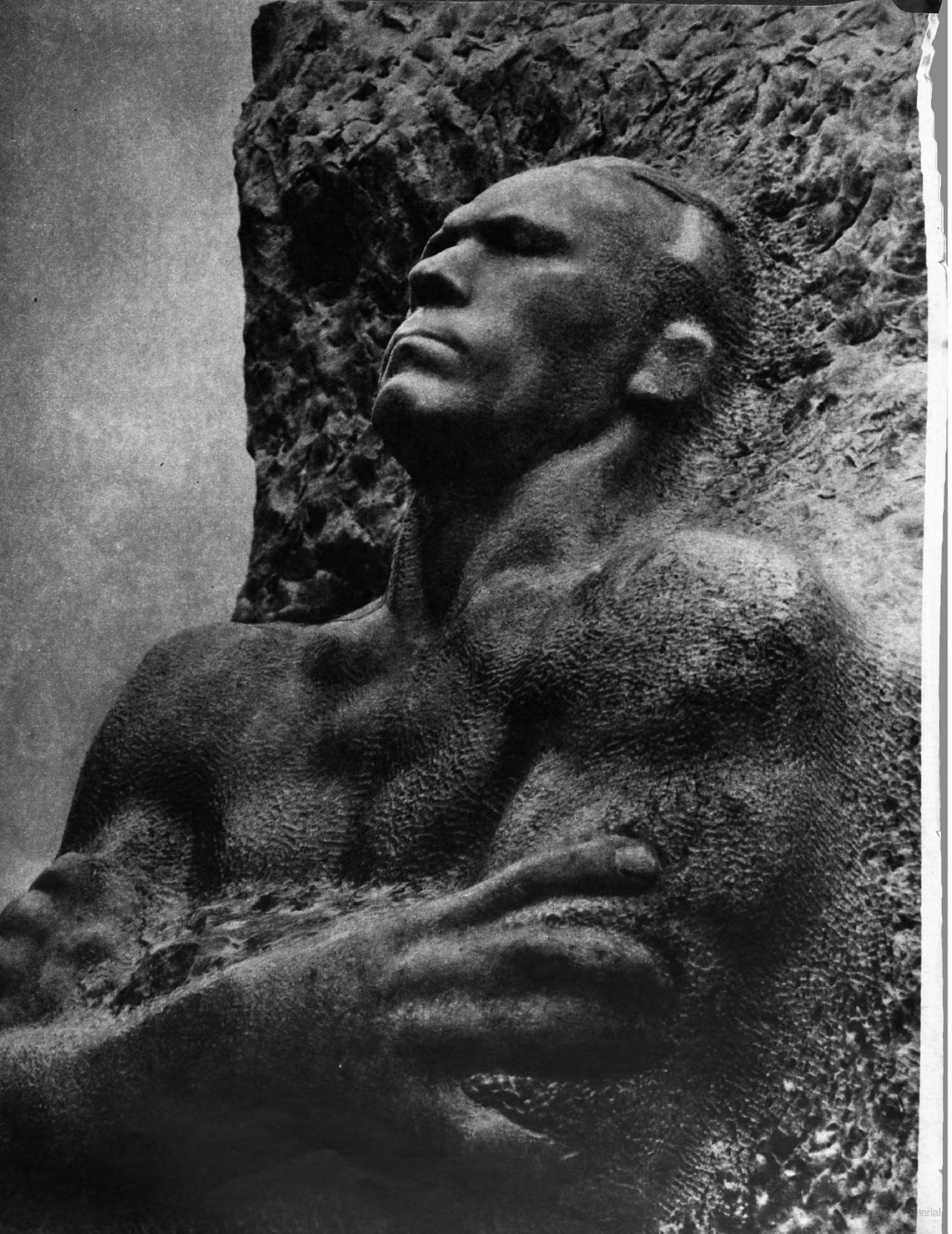
Как тут мерой верной измерить
Все ухмылки и речи лукавые?
Лучше нá слово будет верить,
Что во всем они люди правые.
А Дежнева и впрямь не трожь,
Его голой рукой не возьмешь,
Где бы черти его ни носили,
На Москве он пока что в силе.
Воевода с чашей во здравье
Возглашает царю многославье,
А потом уж сидит молчком,
А потом уж и к двери бочком.
У казаков, как с плеч гора,
Пир горой пошел до утра.

А наутро денежный поезд
Покидает Великий Устюг,
Словно яркий и пестрый пояс,
Вьется он на улицах узких.
Всем его поглядеть охота,
Он на солнце играет и светит;
Трубачи въезжают в ворота,
Атаман вслед за ними едет.
Едет жестким, прямым, надменным,
Из-под шапки смотрит угрюмо,
Но в груди, как в ларце драгоценном,
Запечатана тайная дума.
Меч державы — он мощен и страшен —
И, чужой вздымаему волей,
Вместе узником, вместе стражем
Быть ему среди диких раздолий.
Но в спокойствии неразличимом
Не равнять никого с атаманом:
За хлеб-соль он с вежеством чинным
Благодарствует устюжанам.
И, прощаясь с кровным и близким,
Путь-дорогою наказною
Далеко к острогам сибирским
С государевой едет казною.

«Многоустен великий
Устюг...
Возглашает он славу
Дежневу».

Рисунок Ильи ГЛАЗУНОВА.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

МУЖЕСТВО

Творчество Владимира Ефимовича Цигаля — мужественное, сильное, порождающее у зрителей глубокие чувства. Он был фронтовым художником у моряков и летчиков. Делал зарисовки у десантников на «Малой земле» под Новороссийском, участвовал в керченской операции. Сам о себе Цигаль пишет: «На фронте я скульптурой почти не занимался. Однако для всего моего последующего творчества время, пережитое на «Малой земле», стало настоящим крещением и неисчерпаемым источником веры в высокое благородство наших людей».

Видимо, именно это и дало возможность скульптору создать потрясающий по своей выразительности памятник народному герою, погибшему в фашистском лагере смерти — Маутхаузене, генералу Д. М. Карбышеву. Художник не ушел от реальных обстоятельств гибели героя, а смело взял их в основу своего произведения. Это было сложно и трудно — изобразить в камне человека, замерзающего подо льдом. И еще более сложно создать образ героя, исполненного любви к Родине и непоколебимой верности, чьи чувства высоки и благородны, а воля поистине несокрушима.

В памятнике воедино слиты страдание и величие, скорбь и драматизм, мученичество и красота.

Большой талант скульптора дал возможность решить эту титаническую задачу.

Владимиру Цигалю сорок шесть лет — возраст зрелости, взлета. Он многое создал, но впереди еще большой творческий путь. Но, как правильно замечает сам скульптор, «чем старше становится художник, тем мучительнее осуществляется для него творческий процесс...»

В то, что талант Владимира Цигаля будет расти и дальше, веришь твердо, ибо созданное им прекрасно, а замыслы его широки. Он из тех, кто не склонен удовлетворяться достигнутым.

Ник. КРУЖКОВ

В. Е. Цигаль

Юрий **ПОМОЗОВ**

Рассказ

Рисунок П. Караченцова.

Весенний свет

Николка Куролесин, известный на селе пьянчужка и драчун, а в округе славившийся своим браконьерством и неуловимостью, переправился на лыжах через замерзший залив и углубился в чащобную глушь Дарвинского заповедника.

Декабрьское утро выдалось сереньким, мглистым, как это и случается в оттепель. С девственно-рослых, заповедных деревьев мокрыми ломтями отваливался снег. Только и слышалось его тяжелое плюханье — пугающее, похожее на чьи-то веские, упорные шаги. И Николка вздрагивал, озирался исподлобья; потом, желая взбодрить себя, доставал поллитровку из овчинного полушубка и жадно отхлебывал...

Уже с приятно отуманенной головой Николка Куролесин бесшабашно вломился в прибрежные кусты, до крови исцарапал лицо, но все-таки выбрался к реке, чтобы затем по льду, уже напрямик, податься еще дальше — в места звериные, добычливые.

То, что Николка увидел с берега, изменило его планы. В черной полынье, вскидывая мордой, всхрапывая, метался лось.

Это был огромный матерый лось — кремнево-лобастый, в светлых залысинах на месте отпавших рогов, с короткой и сильной, точно литой шеей самца-драчуна, который недавно еще с трубной звучностью ревел в любовной истоме, а теперь, при беде, только всхрапывал в бессильной ярости обреченного.

«А ведь он, поди-ка, килограмм на шестьсот потянет,— определил Николка Куролесин.— Оттого и продавил лед и бултыхнулся, на мое счастьице».

Он плавно скатился с берега к самой полынье и тут же выжидающе присел на корточки, стал полегоньку, с игривой праздностью, покачиваться взад-вперед; при этом он не сводил с лося своих безжалостно-пристальных, веселых, окаянных глаз.

Лось был жалок: его копытца явно не доставали дна, и он хрипел, задыхался, оскаливал крепкие зубы-деруны, словно хотел вцепиться в лед, как в какое-нибудь сочнокористое дерево; но иногда, весь окунувшись, он бодливо и самозабвенно, будто вновь обретя грозное великолепие своих пронзительных рогов в длинных зазубринах, бил и бил снизу о лед кремнево-лобастой головой — лед стеклянно звенел, потрескивал, хоть и не поддавался.

— Ничего, ничего, побейся еще малость, помучайся,— весело, хищно забормотал Николка Куролесин.— А уж как ты, царь сохатый, выдохнешься начисто, так я и вызволю тебя из беды, заманю на бережок, да и тюкну чинно-благородно раз-другой по голове прикладом...

Лось продолжал метаться, но уже не беспамятно: страх смерти, видать, был сильнее недоброй, безответной близости человека и рождал в сохатом слепую доверчивость к нему. Иной раз он так близко подплывал, что обдавал пришельца клубчатым паром из трепетно-жарких, вздернутых ноздрей — этим крутым, торопливым дыханием своим.

— Ишь, и все-то он разумеет, все чувствует, хоть и зверь!..— сплюнул Николка и почесал у себя за ухом.— Вроде как ластится сохач... Да я-то, брат, не таковский — не чувствительный. Я, брат, таких, как ты, без числа перевидал, когда море разливалось. Многие тогда из вашего племени гибли. Да, многие...

Вдруг матерый лось пружинно выбросил огромное тело из студеной речной глуби и навалился грудью на лед; но лед не поддался, и сохатый, соскальзывая, обдирая грудь, оставил на ледяной зазубрине рыжевато-бурый клок шерсти.

Этот дерзкий, почти исступленный выброс огромного тела был, кажется, последним буйством угасающих сил, чуть ли не предельным напряжением животной жажды жизни. Николка даже струхнул: а что, как обессиленный зверь камнем уйдет в речную холодную могилу — и прощай тогда желанная добыча!..

Однако лось, будто бугристым крюком, зацепился за лед своей длинно вытянутой верхней губой, туго наморщенной, прошитой как бы для крепости колкой шерстью. Затем, вслед за губой, вытянулась на лед и вся кремнево-лобастая голова, но какая-то мертвенная, с холодной пустотой в глазных впадинах, и это оттого, что глаза были прикрыты, сплошь зашерстились.

— Ну, ну, ты, однако, держись, не срывайся, царь сохатый,— зловеще-утешительно заговорил Николка Куролесин, потом пригнулся пониже и своей бестрепетной, жестко-холодной, как жестянка, рукой провел по лосиной морде.— Ты это погодь умирать: я сейчас мигом прикладом прострочу дорожку к бережку — ты и выберешься на свободу, хе-хе-хе!..

Николка хотел было приподняться на затекших ногах, уже и руку отвел от влажно-теплой морды, как вдруг из-под ладони словно выбрызнули две живые искры-звездочки. И что-то жалящее, тревожное было в их колком блеске, что-то невыразимо печальное.

Это лось с мольбой обреченного, погибающего смотрел снизу вверх прямо в глаза человека своими напряженно-расширенными, запавшими глазами. И как далекое свечение звериной еще теплившейся души было то искристое блистание в глазах, и обжигало оно чужую темную душу, еще более, быть может, звериную.

— Фу ты, черт, как посмотрел! — выругался Николка.— Прямо по-человечески.

Он пугано тряхнул головой, как бы разом прерывая некую лучистую нить между двумя душами, тут же вскочил, сдернул ружье с плеча, потом пошире расставил лыжи и начал с угрюмой, тупой старательностью долбить увесистым прикладом стеклянно-хрясткий ранний лед, а на лося уже не смотрел: боялся... И все поругивался в душе: «Фу ты, черт, как посмотрел!» И все внушал себе: «Нет, шалишь, мы не чувствительные! Мы всякого навидались».

Сначала он бил по льду медленно, веско, с высокой вскидкой приклада, окованного на конце, затем — все чаще, суетливее, соря блестками ледяной пыли: уже спешил из опаски, что лось не продержится на воде. Но как бы он ни бил, лед крошился, выламывался и, грязный, побитый, отплывал к лосю...

Лось по-прежнему смотрел на человека, только уже вкось и одним выпуклым, как бы выдавленным глазом, а длинные уши его, великолепно широкие и чутко заостренные уши, беспрестанно вскидывались крылышками и своим нервным трепетом выражали напряженную готовность всего тела к броску.

И этот бросок был ошеломителен: словно что взорвалось под лосем и кинуло его, радостно-беспамятного, в ледовый пролом.

— Эй, не балуй!.. Не балуй у меня! — прикрикнул Николка Куролесин.— Ишь, силы-то накопил, отдохнувши!.. У-у, живучее отродье!.. Этак с тобой и не совладаешь на берегу...

Но лось все в том же радостно-беспамятном, сокрушающем порыве, всхрапывая, вламывался крепкой выгнутой грудью в ледовую брешь, как бы заклинивал свое большое тело в эту узину, и рыжеватые клочья с его ободранных боков, подобно язычкам пламени, повисали на ледяных зазубринах.

Он был уже недалеко от берега, этот лось, из последних сил рвался к кустистым зарослям, быть может, уже чуял сладковато-горький запах оттаявшей ивовой коры. И вот, наконец, все его скульптурно округлое и твердое тело, в длинной и курчавой, уже по-зимнему отросшей, бурой шерсти, вырвалось с оглушающим плеском из глубинного холода реки, затем по-

Шайба продолжает путь

Лев ФИЛАТОВ

В борьбе за призовые медали чемпионата СССР 1964 года. На поле «Спартак» и «Химик».

Фото А. Бочинина.

Уж, кажется, как волновал нас всех олимпийский хоккейный турнир, но вот он позади, а пыл страстей вокруг ледяного прямоугольника не утихает. В эти дни все внимание переключено на решающие встречи нашего всесоюзного чемпионата. Если команду ЦСКА уже называют «без пяти минут чемпионом», то вопрос о хозяевах «серебра» и «бронзы» выглядит задачей с четырьмя неизвестными: «Спартак», «Локомотив», «Химик», «Динамо» бьются за честь стать призерами. Последние матчи, когда встречаются между собой сильнейшие наши клубы, интересны не только с точки зрения турнирной арифметики. Каждый матч—это час высококлассного хоккея, острого, умного, от которого захватывает дух. В этом смысле наш чемпионат как бы доказывает лишний раз всю основательность большого торжества советских олимпийцев. Победа не добывается только в те дни и часы, которые ей отводит регламент турнира. Она готовится исподволь...

Автобус катил по шоссе вдоль берега Женевского озера. Мы возвращались из Женевы в Лозанну с торжественного приема, где

казались и стройные, высокие ноги, серовато-бледные, плюшевые, а на коленках добела вытертые.

— Экий богатырь! — не мог не восхититься Николка Куролесин, даже отступил опасливо, но смотрел он, прищурясь, ниже лосиной головы: опять боялся ненароком встретиться со звериным взглядом,— и опять зловеще-утешительно начал выборматывать:

— Да ты выходи, выкарабкивайся... Ты не бойся, миляга!.. Я ведь тебя только по головке — хе-хе! — поглажу прикладом...

Пятясь, он уже навел пристрельный взгляд своих щурких глаз на светлые залысины звериного лбища — и вдруг вскинул ружье, замер выжидающе, весь напруженный: пусть-ка лось приблизится да подставит глупую, беспомощную морду под удар!

И он ударил бы его по темени, оглушил, а потом мигом выхватил бы свой длинный разбойничий нож из кожаного футляра у пояса и с хищным проворством браконьера взрезал бы ему шею... Он ударил бы прикладом и все завершил ударом ножа, и его ноздри раздулись бы при запахе хлынувшей вишневой дымной крови, но произошло то, что обезоружило Николку Куролесина: лось упал.

Едва выкарабкавшись на береговой припай, лось упал — мешковато завалился на ободранный бок, и высокие ноги, еще недавно такие стройно-тугие, с крепкой выпуклостью светлых колен, враз откинулись палками в одну сторону... Правда, он ворохнулся, его узкие копытца судорожно раздвоились, царапнули по льду, но не было ни сил подняться, ни опоры. И тогда безнадежно-тоскливый стон вырвался у лося из-под верхней тряпично обмякшей, обвислой губы, и в глазной впадине — верхней, видимой — льдисто-холодно блеснула выжатая болью, страданием тусклая слеза.

— Ишь ты, разлегся как! — буркнул Николка.— Прямо по-царски... Да только мы и таких дохлых видали! Нас, брат, не умаслишь. Нет!

Он был растерян, ружье уже опустил, но ему хотелось взбодрить себя, и поэтому он усвоил этот наигранно-развязный, беспечный тон, да еще, дабы физически укрепить свою жестокость, с силой ткнул лося острием лыжи в буровато-серое подбрюшье... Лось, однако, не шевельнулся. Слабая, блеклая струйка его парного дыхания, как дымок угасающего костра, возносилась вверх тонкой изгибистой ниточкой; изредка вместе с ней вырывался и все тот же безнадежно-тоскливый стон...

Огромный обессиленный зверь без борьбы, без трепета хотя бы одного мускула отдавал свою жалкую жизнь человеку. И Николка Куролесин, привычный к сопротивлению, которое лишь увеличивает ценность победы, растерялся — не мог не растеряться, ибо он, хищник в душе, все же оставался охотником по сердечной склонности: битого не бил.

— Вот что! — решил он с внезапностью смекалистого, озорноватого малого, хотя было уже ему под сорок.— Надо, пожалуй, отогреть сохатого, а то, ишь, дрожмя дрожит...

Сквозь лоскую, вьющуюся лосиную шерсть мелкими быстрыми волнами проходила текучая дрожь. А зарождались эти волны где-то на вздутой шее зверя, потом, слабея, докатывались до перекошенной спины и гасли на крестце, как-то жалко съеженном, уже, пожалуй, окоченелом.

— У-у, дохлятина! — вырвалось у Николки.— Только знай: дохлых я не бью... Ты вот встань сначала, вдарь меня копытом или там бодни мордой, тогда я мигом тебя отправлю на тот свет!

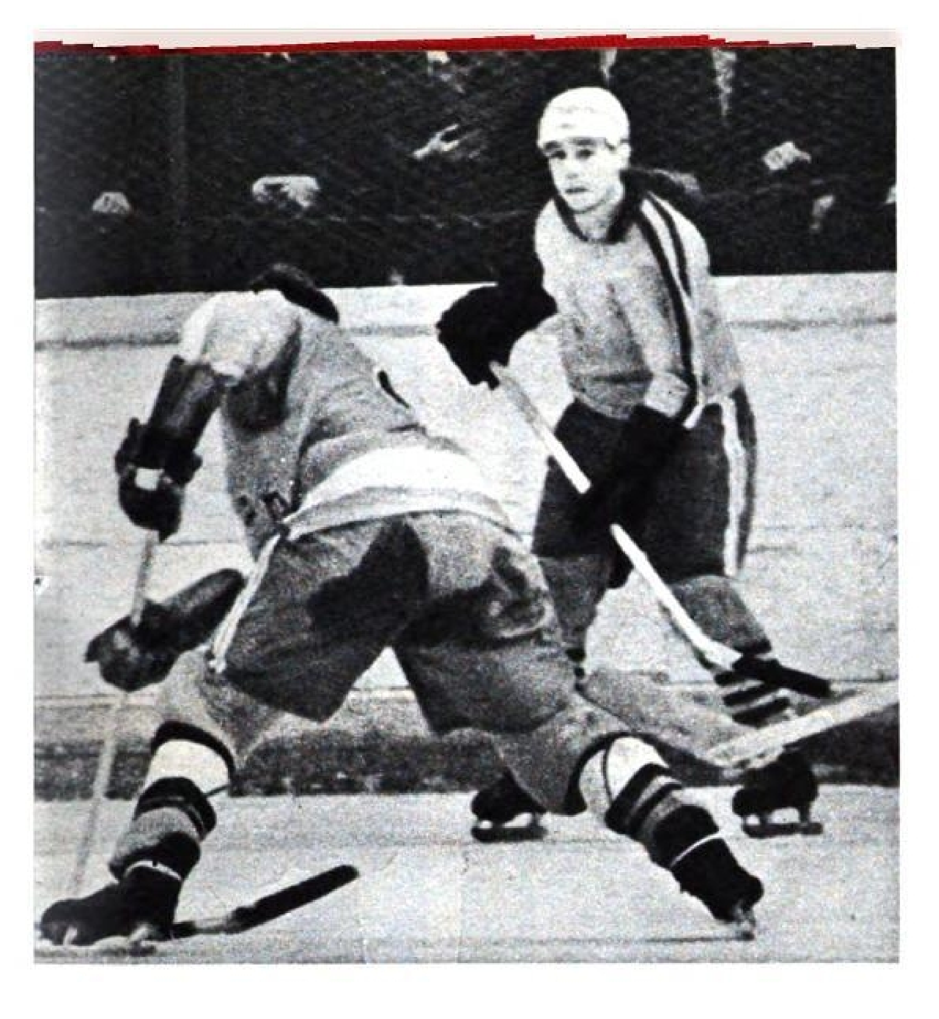
Он решил отогреть коченеющего зверя и, наломав ивовых веток, связав их в пучок, стал остервенело водить этим жестким мочалом по запавшему боку. Тер, водил до изнеможения, до пота, а лось хоть бы встрепенулся, только стонал. И все тише, все слабее становилось его дыхание в сыром, тусклом воздухе зимней оттепели.

— Тоже сыскал себе няньку! — заворчал Николка и тут же сплюнул.— Нянька и есть, да еще со стажем! Ведь я еще сызмальства возился с вашим братом, выручал...

И ему вспомнились далекие-далекие годы босого мальчишеского детства. Тогда еще не было моря и недалече от родной деревушки, в заливных лугах, медленно струилась задумчивая Молога. Но однажды, по весне, она буйно разлилась, да так и осталась в своем молодом вешнем разливе; и звали ее уже не Мологой-реченькой, а морем Рыбинским...

Ах, эта невозвратимо далекая весенняя пора мальчишеских тревог и забот! Грозное водополье накрыло луговые травы, непроходно-чащобные леса, и не стало у прилетных птиц привычных гнездовий, и гибли зайцы и полевки, лисицы и горностаи, ежи и белки. Но пуще других бедовали лоси — властители чащоб. Они путались в кустистой непролази, плавали в прибылой воде, пока не лишались сил. И тогда жители Николкиной деревушки, все, от мала до велика, начали вязать плоты и спускать их в море — на радость зверью... Ох, сколько его набивалось на эти спасительные пристанища! Зайцы и змеи, ящерицы и полевки — все ютились в добром соседстве, все были родней по несчастью. А однажды Николка увидел на плоту лося. В гордом одиночестве, вытянув чутко встревоженную голову, он стоял, худущий, на палкообразно расставленных ногах; но он был жалок, до слез одинок, и Николка уговорил отца сесть в лодку и поплыть за лосем. И они добрались до него и, наперекор сильной волне, дотянули плот до берега. И разве же забыть, как взбрыкнул лось и с хрипом радостно-ликующим, со стремительностью разжатой пружины сиганул в лесную суховейную прохладу!..

Вдруг точно молодой весенний свет хлынул в трясинные глубины темной и постаревшей Николкиной души. И, озаренный, он вздрогнул и с тупым недоумением, почти с ненавистью взглянул на свои грубые, безжалостные руки, которые не терли, а скорей раздирали прутяным пучком лосиный запавший бок, даже, ка-

нашим хоккеистам были вручены бронзовые медали. А несколькими часами раньше наша команда крупно проиграла канадцам, новоявленным чемпионам мира 1961 года. Среди игроков, ехавших в автобусе, было несколько ветеранов, помнивших лучшие времена; понятно, что у них на душе было не слишком радостно, и, глядя на них, грустили и остальные.

Но вдруг я услышал сзади оживленные голоса. Обернулся и увидел, что сидевшие рядом Борис и Женя Майоровы и наклонившийся к ним через проход их товарищ по тройке Слава Старшинов держат на ладонях свои бронзовые медали и, не скрывая удовольствия, разглядывают их.

— Радуетесь?

— А что? — задорно ответил Борис.— Почему бы нам не радоваться? Мы никогда прежде и таких-то не видели. Тяжеленькая! — И он подбросил на ладони металлический кружочек.

И вот недавно по дороге из Инсбрука в Москву я снова имел разговор с этими же тремя хоккеистами.

— Ну, а что теперь у нас впереди? — сказал Женя Майоров.— Золотая медаль чемпионата страны есть, за первенство мира — две, и вот теперь олимпийская. Вроде бы все золото мира в руках...

— В самом деле,— поддержал его Старшинов,— и еще две золотые европейские... Полный набор.

Я напомнил им, как они радовались первой в их жизни бронзовой медали.

— Было. И словно бы совсем недавно, правда? Время-то как бежит! — подтвердил Слава Старшинов.

Время и в самом деле пробежало быстро. Но это не был простой отсчет месяцев и дней. Три года, которые отделяют неудачу в Женеве от олимпийского триумфа в Инсбруке, были годами борьбы и возмужания. В спортивной биографии хоккеиста три года — емкий срок. Можно уверенно сказать, что медали высшего достоинства в Инсбруке добыли другие люди, не те, что играли в Женеве. Пусть совпадают имена и фамилии, но это теперь игроки иного класса и опыта, иного хоккейного образования. Да и команда в целом другая, хотя она и носит то же название и форму тех же цветов.

Что же произошло?

В Инсбруке перед матчем со сборной Швеции я зашел к старшему тренеру Аркадию Ивановичу Чернышеву. Он пребывал в состоянии своеобразной невесомости, которое хорошо известно тренерам. Все, что зависело от него, он уже сделал, все указания даны, и оставалось ждать автобуса, чтобы ехать на Айс-стадион. Нетрудно было догадаться, какие тяжелые минуты переживает Чернышев, но у меня неожиданно вырвалось:

— Наши, конечно, выиграют, они же сильнее шведов...

— Не знаю. Не знаю. Трудно сказать. Швеция — неудобная команда. Да и вообще...

И тут я, просто чтобы отвлечь моего собеседника от волнений, предложил ему написать на листочке предполагаемый счет матча, запереть листок в шкаф, чтобы посмотреть, когда вернемся. Он согласился.

Как вы помните, у шведов наши выиграли — 4 : 2. Вечером выяснилось, что Чернышев записал свой прогноз так: 6 : 2. Конечно, в пользу своей команды. Он ошибся в счете, но не ошибся в победе. И я думаю, что в ней он не мог ошибиться, потому что руководствовался совершенно точными соображениями, которые были выше волнений.

Почему же, спросите вы, тренер так верил в победу? Можно бы ответить, что советская команда на льду выглядела сильнее своих противников. Но ведь это, что называется, на глазок, сугубо субъективное восприятие. А нет ли в хоккее точных ориентиров?

Если говорить о зрительном впечатлении от игры, то несколько лет назад хоккейная коробка ка-

---

жется, вмяли его еще больше. И он ужаснулся тому, что замыслил: спасти бездыханного, коченеющего лося ради его же будущей гибели!.. Всей своей нынешней жизни ужаснулся он: пьяному угару запойных дней, злобной своей драчливости, этому ожесточенному одиночеству после ухода избитой жены и всегдашней хмельной потребности мстить кому-то за свою незадавшуюся жизнь... Все равно кому мстить — людям или зверю.

«Но как же это так? — теперь недоумевал он в нежданном озарение добрых воспоминаний, душевно размягченный какой-то солнечной теплынью, наверно, дыханием той далекой весенней поры.— Куда же девалась во мне жалость человеческая?.. Или сам я уже зверем стал?..»

И ему стало страшно своего нынешнего обличья, своих безжалостно-разбойничьих рук; и он крикнул:

— Нет, нет!

В этом крике души прозвучало отречение от себя. Он уже горящим, тревожным взглядом всматривался в немощного лося, словно от его воскрешения теперь зависела его собственная жизнь — не эта, нынешняя, с ее мерзостной, бесчувственной пустотой, а та, будущая, с ее весенним молодым светом после тусклых зимних дней.

— Надо сохатого водкой взбодрить,— наказал Николка себе.— Да, да, водкой!

Он попытался разжать лосиные челюсти. Хоть и не сразу, это ему удалось. Затем он вставил в зубастую пасть приклад, чтоб челюсти не сомкнулись, и влил туда из своей дорожной поллитровки-неразлучницы жгучую живительную влагу.

Лось дернул головой и всхрапнул, затем уже весь дернулся, оживая; а Николка Куролесин, как только опустошил бутылку, принялся снова растирать лосиное тело размочаленным ивняком. Но сколько теперь было нежной осторожности в его быстро скользящих движениях и каким ошеломительно-радостным было ощущение от возможности быть вот таким нежным, жалостным, как и тогда, в детстве!

Водка оказалась чудодейственной; ее пламенная пронзительность вывела лося из апатично-безвольной неподвижности. Резко встряхнул он свое литое тело, вдавленное в прибрежный снег,— и вскинулась кремнево-лобастая голова в светлых залысинах на месте опавших рогов, и узко прорезались в шерсти, осмысленно блеснули глаза.

А потом лось, подтянув под себя передние ноги, крепко упершись беловатыми вытертыми коленками в лед, медленно-плавно поднялся, величаво-высоко вознес голову, огляделся... И сделал первые шаги, еще неуверенные, раскосые.

— Смелей, смелей! — прикрикнул Николка Куролесин и окованным прикладом легонько, по-свойски подтолкнул лося.

Тот осторожно повел ушами, зорко глянул на охотника одним глазом; но мирная поза человека, его благодушная расслабленность, особенно эти низко опавшие плечи и длинно оттянутые руки, успокоили лося. Уже без оглядки вошел он в кустистые заросли. И долго еще Николка Куролесин слышал мягко шуршащее втаптывание раздвоенных копыт в сугробистые намети, крепкие похлесты упругих ветвей о лосиное тело, грузно-сырое плюханье сбитых с ветвей снежных навесей — то тревожащее прежде плюханье, которое теперь вовсе не тревожило.

залась и длиннее и шире, чем нынче. Раньше мы в большей мере ощущали скорость игроков, легче могли проследить ходы комбинаций. Теперь на хоккейном льду стало теснее. Каждый метр площадки, каждая секунда стали дороже и значительнее. Исчезла свобода в действиях одного взятого в отдельности игрока. Те «премьеры», которые прежде могли надеяться, что они самостоятельно способны решить судьбу матча, теперь вынуждены играть, согласовываясь с партнерами. Мне кажется, если бы посмотреть на льду запись следов от коньков после матча несколько лет назад и теперь, то этот «протокол» сейчас наверняка выглядел бы гуще и плотнее исписанным, более пересеченным в разных направлениях.

Едва ли не самое красноречивое свидетельство изменения в характере современного хоккея — это совершенно иной результат матчей. Если раньше в ходу был счет, который так и назывался хоккейным, то теперь во встречах примерно равных команд все чаще мы видим счет скромный, приближающийся к футбольному. Труднее стали добываться голы, и это при условии, что скорость движения шайбы и игроков, несомненно, возросла. Словом, игра стала гораздо строже, труднее и, к удовольствию зрителя, еще более темпераментной.

Происходит это оттого, что в хоккее на первый план вышла силовая борьба, которая и накладывает свой отпечаток на рисунок игры. Теперь гораздо увереннее стали чувствовать себя хоккеисты при обороне своих ворот, уже анахронизмом выглядит успех игрока, которому удается на скорости всех обвести и выйти беспрепятственно на ворота. Сейчас такая удача приходит либо как награда за выигранное силовое единоборство, либо как результат грубого зевка противника.

Однажды я спросил хоккеистов, как они в игровой буче определяют правильность приема, примененного против них. И один из наших защитников, Виталий Давыдов, как мне кажется, удачно ответил:

— Когда тебя толкнут правильно, то это даже приятно, ну а если не по правилам, то испытываешь неудобство.

Это значит, что хоккеисты уже настолько хорошо отрепетировали все допустимые силовые приемы, что их плечи и грудь воспринимают каждое столкновение как что-то естественное. Силовая борьба, в которую вовлечены все, кто находится неподалеку от шайбы, и вызвала все эти изменения в игре. Противоборство защитников вызывает ответные энергичные контрмеры, и, ничего не потеряв, как зрелище, хоккей стал сложнее и требует от игроков, кроме отваги, мужества, силы и выносливости, еще и продуманности каждой операции, а также и разработки общего стратегического плана. Это может казаться парадоксом, что при всей своей внешней запутанности и кажущейся нечаянности иных эпизодов игра стала более логичной. И в этом большая прелесть современного хоккея.

Вспоминаю такой эпизод. В олимпийской деревне за несколько часов до начала матча хоккеисты собирались на так называемую «установку». Посредине стол. Дежурный разматывал круг изоляционной ленты, которая используется для обмотки клюшек, отрывал от нее длинные куски и наклеивал на стол в тех местах, где на хоккейном поле проведены линии. Маленькими кусочками ленты изображались ворота. На одной половине поля дежурный ставил пять кусочков апельсинной корки, на другой — пять пробок от бутылок с минеральной водой. Так начинался военный совет. Событие обычное в хоккее, но мне хотелось бы заметить, что за те годы, что я наблюдал за нашей сборной, в этих совещаниях произошли примечательные изменения. Если раньше, как правило, речь держали тренеры и лишь напоследок с заявлением призывного, вдохновляющего характера выступал капитан, то теперь многие хоккеисты участвуют в обсуждении плана игры весьма активно и порой дополняют тренеров, предлагают свои варианты.

В матче со сборной Чехословакии в Инсбруке двое наших — Б. Майоров и С. Петухов — выкатились против одного защитника. Майоров улучил момент, когда защитник сделал движение в его сторону, и отпасовал шайбу товарищу. Петухов с ходу послал ее в ворота. Это был пятый гол, заброшенный нашими хоккеистами. Так вот весь этот эпизод был заранее разыгран на столе. Во время обсуждения Борис Майоров отметил, что защитник Свентек хотя и тихоход, но азартен и порою чересчур увлекается атакой и что надо обязательно подстеречь этот момент. Все точно так и повторилось на поле.

На льду приходилось видеть не только отдельные тактические варианты, оговоренные за столом. Матч с командой Чехословакии фактически был выигран заранее, до начала. Тренеры Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов, памятуя о том, что на чемпионате мира в Стокгольме наша команда одержала победу над сборной Чехословакии в строгом позиционном стиле, с помощью тактики выжидания и контратаки, на этот раз решили приготовить своим соперникам сюрприз. Было решено, что с самого начала наша команда пойдет на яростный, длительный штурм, поведет борьбу за шайбу по всей площадке. Легко было предположить, что противник ждет повторения прошлогодней игры, тем более что исход ее был для наших удачным. Значит, внезапность. Этот штурм разбирался устно во всех деталях. Игроки хорошо поняли преимущество, которое им открывала эта внезапность, и поддержали тренеров. Поддержали на совещании, а затем и на льду.

Ну, а какова же в нынешних условиях роль игроков, которых принято называть выдающимися? Они были на олимпийском турнире. Скажем, у шведов это Юханссон-Тумба и Стернер, в чехословацкой команде — Голонка. Все они заметны на площадке, и публика охотно откликается на каждую их удачу. Но интересно, что даже эти трое по-разному понимают свою роль. Мне кажется, что наиболее современен ветеран Тумба, который свое искусство умеет растворить в действиях звена и не пытается быть палочкой-выручалочкой для команды. Напротив, Стернер и Голонка берут на себя несколько больше, чем нужно бы для пользы дела. Скажем, Голонка в трудную минуту выходил на поле не через две смены, а через одну и к концу матча еле двигался. И Стернер несколько прямолинейно стремился таранить оборону в одиночку. Никто из наших игроков так не действует. Хотя нет сомнения, что некоторые из них могли бы недурно исполнять сольные партии. Но в том и дело, что нашими хоккеистами твердо усвоена особенность современного хоккея, заключающаяся в том, что каждый игрок все свое мастерство обязан внести на общий счет. Это может с первого взгляда показаться жертвой с его стороны. На самом же деле такой хоккей приносит истинное моральное удовлетворение игрокам, ибо в нем, естественно, уравновешиваются личный артистизм и коллективный разум.

Одним словом, за последние несколько лет изменился облик самого хоккея. И, как мне кажется, ведущие советские тренеры и команды оказались наиболее чувствительными к этим переменам. Вот это и было достаточно верным ориентиром для прогнозов. На олимпийский пьедестал почета шагнул капитан нашей команды Борис Майоров. Остальные шестнадцать игроков выстроились колонной на льду за его спиной. И когда я смотрел с трибуны на эту цепочку, то думалось, что на самом деле она во много раз длиннее, потому что победа эта фактически принадлежит всему советскому хоккею. И не только нашим ведущим клубам — ЦСКА, «Динамо», «Спартаку»,— чьи игроки входили в сборную...

Месяц спустя этому выводу нашлось блестящее подтверждение. Я имею в виду мартовский турнир, разыгранный в Женеве. В нем встретились «Европейские канадцы», «Виннипег Марунс» из Канады, сборная Чехословакии, в которой было немало бронзовых призеров, и наш «Химик» из Воскресенска. Три победы — 7 : 4, 2 : 1 и 2 : 1 — одержала советская клубная команда. Она стала победителем турнира. А ведь «Химик» еще ни разу не был призером во всесоюзных чемпионатах, да и ни один его игрок не входил в нынешнюю сборную. Но эта молодая команда, руководимая тренером Н. Эпштейном, играет в самый что ни на есть современный хоккей. Не имея «звезд» и даже более того, составленная из игроков, которых по их внешним данным никак не назовешь внушительными, она тем не менее берет четкостью своей тактики, ртутной подвижностью и той особенной настойчивостью, которая в единоборстве с более тяжелыми и рослыми командами выглядит поначалу комичной, а затем оказывается, что смешны-то великаны.

Интересен и «Локомотив», не так давно слывший «середнячком», а ныне заявляющий претензии на призовое место в чемпионате страны. Лидер нашего хоккея ЦСКА не привык сорить очками, а вот с «Локомотивом» армейцы на последних минутах одной из недавних игр чемпионата страны, что называется, сбежали на ничью. Железнодорожники играют обдуманно, логично, зряче, их ансамбль стоек и упрям. Наконец подали надежды и ленинградцы, выигравшие по разу всю московскую пятерку.

В хоккее последнего матча не бывает. Всегда впереди борьба. После Инсбрука — чемпионат страны, а там в начале 1965 года и очередной чемпионат мира в Финляндии.

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

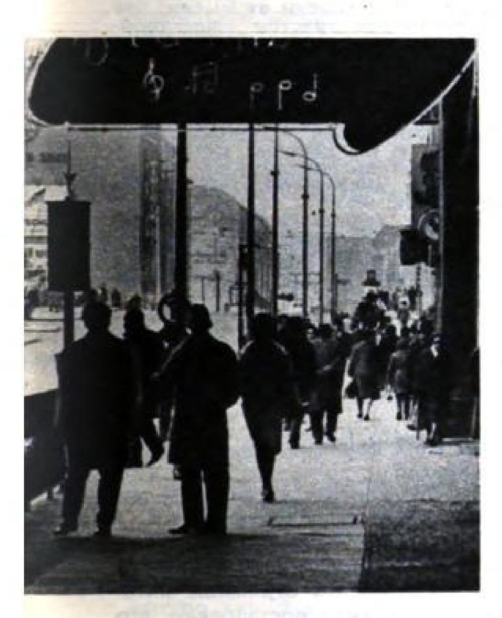
Путешествие длиною в полчаса

За окном всю ночь рычали львы. Наверное, они мерзли: под вечер неожиданно ударили заморозки. Львы были дрессированные, из цирка «Буш», который расставил свои фургоны во дворе напротив берлинской гостиницы «Иоганнисхоф». Рычали львы по-цирковому — лениво и незло. Вполне возможно, что за всю

БЕРЛИНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

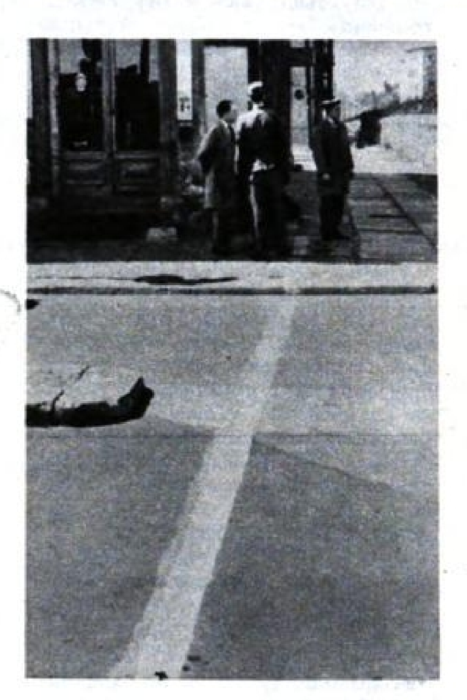

Фридрихштрассе. Два километра демократического Берлина.

За белой линией, прочерченной на асфальте, тоже Фридрихштрассе. Но это уже Западный Берлин. Другой город, другой мир.

свою львиную жизнь они ни разу не видели Атласских гор: в Лейпциге, в сердце Саксонии, вот уже много лет успешно разводят львов. Настолько успешно, что их покупают даже зоопарки африканских стран. И не удивляйтесь: приобрести львенка с лейпцигской метрикой дешевле и безопаснее, чем организовывать охотничью экспедицию за грозным хищником. Так что немцы не без основания шутят, что скоро каждый второй африканский лев будет рычать с саксонским акцентом.

Львами, верблюдами и прочей цирковой живностью я мог любоваться прямо из окон своего номера.

А что еще видно оттуда?

Справа — Фридрихштрассе. Вон там, где улица перекидывается через Шпрее, — набережная Шиффбауэрдамм. Это совсем рядом, давайте спустимся вниз и пройдем туда.

Мы окажемся на площади Бертольта Брехта. Над серым домом круг с вписанными в него словами: «Берлинский ансамбль». Большое полотнище: «Сегодня мы играем «Трехгрошовую оперу» Брехта». Вечером круг вспыхивает неоном, а у касс выстраиваются очереди: вдруг окажется несколько случайных билетов? Шансов немного: чтобы посмотреть спектакли брехтовского театра, в Берлин приезжают люди со всех концов республики, из многих стран мира.

Рядом с «Берлинским ансамблем» — варьете «Фридрихштадтпаласт», где выступают европейские звезды эстрады. На стене огромный киноплакат. Уже четыре миллиона зрителей ГДР просмотрели недавно вышедший документальный фильм «Борьба за Германию». Фильм рассказывает о немецком революционном антифашистском движении. С дру-

гого плаката смотрит лицо замечательного американского актера Спенсера Треси — с успехом идет в Берлине картина режиссера Стэнли Крэмера «Нюрнбергский приговор».

Пойдем по Фридрихштрассе дальше, через мост, мимо старушек, которые кормят чаек и голубей, мимо веселых ребятишек, гоняющих на самокатах, мимо югославской фотовыставки, где задумчиво улыбается со стенда семнадцатилетняя Монна Лиза с косичками, мимо дома чехословацкой культуры — из него выходят двое парней в спортивных куртках, несут большие нарядные конверты с долгоиграющими пластинками,— пойдем туда, где Фридрихштрассе пересекается с Унтер-ден-Линден. На углу выставочный зал. Работы графиков, живописцев, скульпторов республики, отмеченные на недавнем конкурсе. Ярко, свежо, молодо. Возле зала, на тротуаре, скульптурная композиция: гимнастический этюд. Бронзовых гимнастов обступает улица. Довольно спокойная в рабочие часы, людная в праздники, в воскресные дни.

Рядом магазин, где продаются работы ремесленников ГДР. Дерево, медь, керамика. Труд и вкус, помноженные на столетние традиции. Наискосок, через дорогу, прыгает вниз с крыши дома стрелка со словами: «Комическая опера». Театроведы Европы спорят об острых, необычных постановках режиссера Вальтера Фельзенштейна — «Отелло», «Мнимый больной», «Синяя борода».

Дальше фирменный магазин Мейссенского фарфорового завода (знаете, конечно, знаменитую эмблему — голубые скрещенные мечи?).

Рекламная тумба густо залеплена объявлениями. Выставка немецкого художника Антона Граффа в Национальной галерее. Вечер молодых поэтов в Университете имени Гумбольдта. Вечер фильмов Йориса Ивенса в кинодворце «Космос». Премьера в Немецкой государственной опере. Премьера в Театре дружбы. В кинотеатре «Камера» — просмотр фильмов, завоевавших золотые и серебряные медали на VI Международном фестивале в Лейпциге...

Еще метров двести по Фридрихштрассе — и перед нами заграждения. На той стороне улицу и тротуары перерезает жирная белая линия. Это граница с Западным Берлином. Поник американский флаг над пропускным пунктом «Чек пойнт Чарли», спрятавшимся за мешками с песком.

Там, на той стороне, возле самой границы карабкаются вверх этажи небоскреба. Огромное, обращенное к демократическому Берлину световое табло на крыше. Это здание построил западногерманский газетный король Аксель Шпрингер. Во время поездок в Западный Берлин и Западную Германию мне не раз приходилось встречаться с людьми, взгляды которых настоены на статьях шпрингеровской «револьверной прессы». Эти люди с трудом выговаривают слово «ГДР», предпочитая термин реваншистов «Mitteldeutschland» («Средняя Германия»). Восточной Германией они называют области, отошедшие к Польше и Советскому Союзу. Так вот, читатели Шпрингера — из тех, кто считает себя поинтеллигентнее,— как правило, вздыхали:

— Да, drüben (там) дела обстоят совсем плохо. Ремесло погибло, культура зачахла, духовной жизни никакой.

...Я вспоминал об этих разговорах, когда шел по Фридрихштрассе. Полчаса спокойной ходьбы. Два километра. Небольшой кусочек демократического Берлина. Кусочек ГДР.

С высоты своего небоскреба герр Шпрингер мог бы, конечно, увидеть те два километра Фридрихштрассе, о которых я рассказал. Мог бы увидеть и больше. Но не для того он этот небоскреб строил...

Дом Брехта

...Старый трактирчик где-то в Праге. Хозяйка, худая, задерганная делами, хлопочет у стойки, время от времени бросая не очень-то доброжелательный взгляд на гостя-эсэсовца (аккуратный пробор, черный мундир, повязка со свастикой, глаза, уставленные в одну точку). За соседним столиком двое других посетителей. Один из них пожилой, коротко постриженный, с каким-то очень открытым, чуть доверчивым и чуть лукавым выражением лица. Этот сразу кажется давним нашим знакомым. Развалившись на стуле, он покуривает трубку.

Эсэсовец поднимает голову.

— Они произвели покушение на Адольфа в Мюнхене. Он едва не отправился на тот свет.

Голос резкий, рявкающий.

Хозяйка сосредоточенно гремит кружками. А гость с трубкой сразу же отзывается — охотно и дружелюбно:

— На какого Адольфа? Я знаю двух Адольфов. Один был продавцом у аптекаря Пруши и сейчас сидит в концлагере, потому что хотел продавать соляную кислоту только чехам. А еще я знаю Адольфа Кокошку, который собирает собачье дермо и сейчас тоже в концлагере,— по слухам, он утверждал, будто дермо английского бульдога — самое лучшее. Обоих нисколечко не жалко.

Ну, конечно, старый знакомый — Швейк! Из брехтовской пьесы «Швейк во второй мировой войне», написанной по мотивам Ярослава Гашека.

Зал «Берлинского ансамбля» то замирает, то взрывается смехом. Спектакль великолепный. Со смелостью, которую рождает только очень большое, зрелое, уверенное мастерство, театр сочетает трагическое и комическое. Только что зал навзрыд хохотал, слушая диалог Швейка и пьяного фельдкурата, заблудившегося на мотоцикле в заснеженной степи близ Волги. И вот еще одна встреча. Медленно, тяжело катится танк. На нем немецкие солдаты. И гремит нагловато-бодрая маршевая песня. Хриплые голоса, танк, медленно надвигающийся на зал.

В один прекрасный день
наши главные приказали нам
Завоевать для них
маленький город Данциг.
Мы ворвались в Польшу
С танками и бомбардировщиками.
Мы завоевали ее за три недели.

Идет танк, гремит песня.

В один прекрасный день
наши главные приказали нам
Завоевать для них Норвегию
и Францию...

Танк, песня.

В один прекрасный день
наши главные приказали нам
В молниеносной войне завоевать
для них далекую Россию.
Но здесь тяжело, в этой России.
И уже два года мы сражаемся,
И враг силен, и зима холодна,
и нет пути назад.
Боже, сохрани нас и дай
вернуться домой.

Танк входит в луч прожектора, и мы видим лица солдат — застывшие буро-зеленые маски. Мертвецы. Они уже никогда не вернутся обратно...

На занавесе «Берлинского ансамбля» — театра, созданного в 1949 году Бертольтом Брехтом,— голубь Пикассо. И это не отвлеченный символ. Это жизнь театра. Смысл его работы.

Брехтовский театр не прячет своих симпатий и антипатий. Слова Карла Маркса, клеймящие капитал, вынесены в эпиграф театральной программки. В репертуаре, сыгранном за пятнадцать лет,— «Оптимистическая трагедия» Вишневского, горьковские «Мать» и «Васса Железнова», «Зимняя битва» Бехера, «Кремлевские куранты» Погодина. И, конечно, пьесы Брехта. Произведения яркой, воинствующей социальности. Блестяще поставленные. С брехтовским размахом и талантом.

В 1957 году брехтовцы приезжали в Москву. В помещении театра, носящего имя великого новатора Вахтангова, они играли «Матушку Кураж...», «Кавказский меловой круг», «Жизнь Галилея». Вряд ли кто-нибудь, побывавший на этих спектаклях, позабыл Элену Вайгель. Матушка Кураж... Самоуверенная, циничная баба-маркитантка, прославляющая войну, которой живет,— в первом акте. И раздавленная, уничтоженная войной, уничтоженная своим жестоким ремеслом, жалкая развалина — в финале. Актерская работа необычайной силы. Из числа тех, которые входят во все хрестоматии театрального искусства.

Конечно, мне очень хотелось встретиться с выдающейся актрисой. Друзья — берлинские журналисты предупредили, что она не очень-то склонна к беседам с пишущей публикой. Интервью не дает. И всегда оказывается занята.

— К тому же учти: врачи недавно запретили ей курить, она сейчас злая и нервная, как никогда. Будешь ей звонить, приготовься ко всему...

Не знаю, обратился бы я к Элене Вайгель после всех этих разговоров или так и уехал бы в Москву, не заглянув за кулисы «Берлинского ансамбля», если бы не случай.

Как-то днем я зашел в клуб актеров и писателей «Мёве», где договорился встретиться с Эрвином Гешоннеком. Зашел — и нос к носу столкнулся с Эленой Вайгель. Терять было нечего. Я представился. И с первой же минуты начали рушиться предсказания братьев-журналистов. Все оказалось проще и приятнее.

— Значит, завтра в театре?

Небольшая комнатка со старой плетеной мебелью — кабинет директора. В хозяйском кресле — Элена Вайгель. Друг, соратник, жена Брехта. Вглядываюсь в ее лицо — смуглое, худощавое, с живыми и добрыми глазами. Улыбка обаятельная, располагающая к разговору.

— Ну, рассказывайте,— говорит она, прежде чем я успеваю произнести слово.— Что интересного в советских театрах? Что делает Охлопков? Какие пьесы самые популярные?

В уголке рта сигарета. Не настоящая. Из пластмассы.

Рассказываю, что знаю. О премьерах нынешнего сезона в московских театрах. Об огромном интересе к Брехту, о постановках его пьес на профессиональной и любительской сцене разных городов Советского Союза.

— Брехта сейчас ставят всюду,— говорит Элена Вайгель.— От Америки до Японии. Но скажите, удалось ли вашим переводчикам передать в русском языке его манеру, его стиль? Переводить Брехта сухо, без юмора нельзя. И ставить — тоже.

А потом:

— Что вы скажете о наших спектаклях, что вы смотрели?

Отвечаю. И наконец начинаю спрашивать сам. Достаю блокнот.

— Немедленно убрать,— шутливо-грозно требует Вайгель.— Никаких интервью. Хотите разговаривать?

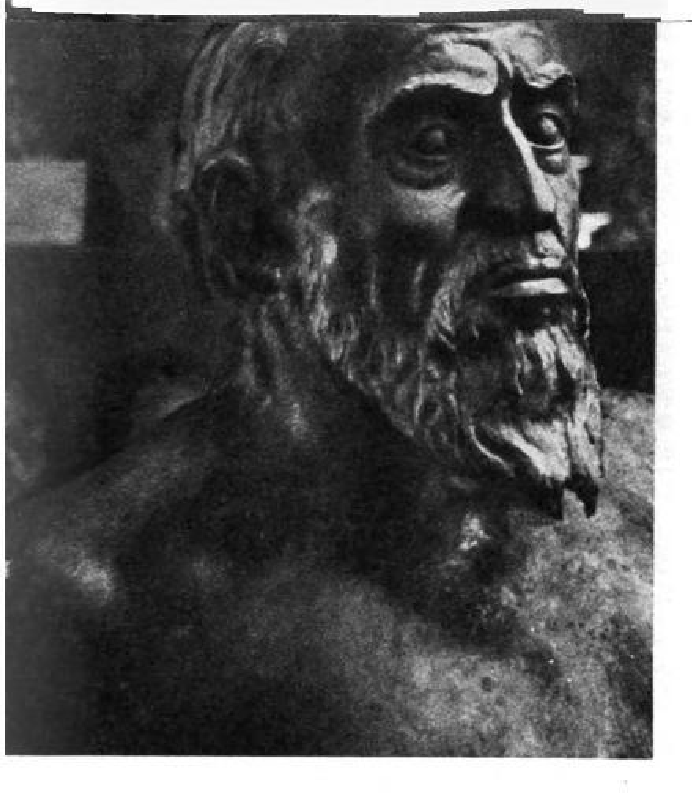
БЮРО МЕДВЕЖЬИХ УСЛУГ

Детей любят все. Даже закоренелый холостяк, всеми правдами и неправдами оберегающий свой покой, при виде малыша расплывается в улыбке: «У-тю-тю, маленький!..»

Однако улыбка более всего к месту, когда она сопутствует доброму делу. Мы далеки от мысли, что управляющий трестом «Мосстрой-5» М. В. Татаринцев и начальник «СУ-26» В. И. Сурков не любят детей. Не может этого быть. Наверняка они весело улыбались, сдавая в 1961 году дома, где разместились ясли № 576 и детский сад № 1500, и уж, конечно, потрепали какого-нибудь карапуза по шапке: «У-тю-тю, маленький!..» На том и кончилось.

Вернее, только началось. В голос взвыли в яслях и в детсаде как ребятишки, так и обслуживающий персонал. До стройки здесь

Портреты, как и люди, имеют свою судьбу. Облик Грозного не мог не вызвать интереса не только у русских художников того времени, но и у иностранных. До нас дошли изображения Ивана IV на парсунах, старинных грамотах, гравюрах на дереве, сделанные его современниками. Например, широко известна парсуна, заказанная царем, когда он решил жениться на иностранной принцессе. Парсуна была написана так, чтобы представить царя в наиболее выгодном свете.

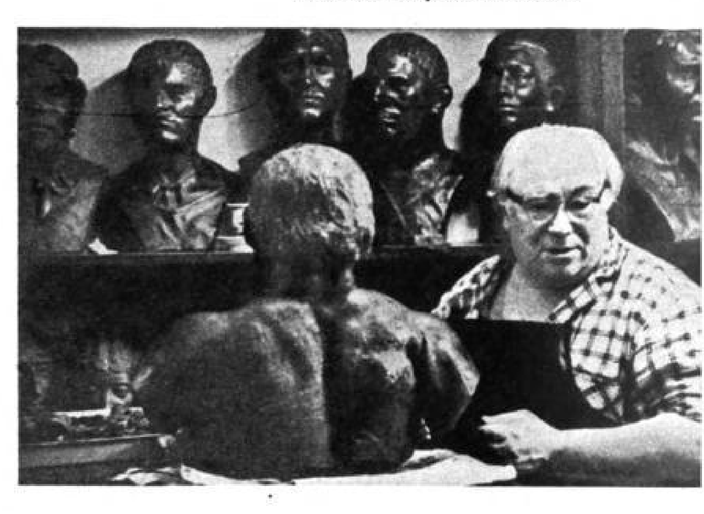
Портреты Ивана Грозного сделаны в условной манере того времени и очень противоречивы. Царь изображается то святым, то хитрым боярином, сидящим на троне. Иностранцам он чаще всего представлялся в образе грозного рыцаря.

Каким же был на самом деле царь Иван Васильевич?

В 12-м номере «Огонька» мы рассказали о загадках гробницы Ивана Грозного, о восстановлении его облика. Сейчас работа заканчивается, и мы можем показать, как выглядит грозный царь в предварительной реконструкции антрополога и скульптора М. М. Герасимова.

Царь Иван Грозный.

М. М. Герасимов наносит последние штрихи.
Фото Л. Шерстенникова.

ТЮ-ТЮ!..

был глубокий овраг, и засыпали его чем попадя. Вот и торчали повсюду слегка прикрытые землей ломаные конструкции, проволока, арматура. Выведут ребятишек погулять, глядишь, один половину штанов на какой-то детали оставил, другой руку в кровь расцарапал.

Кинулись руководители в «Моспроект».

— Помогите, люди добрые! Ведь по вашим проектам дома строили. А сейчас детишек вывести некуда. Пусть хоть огородят площадку. По двору машины так и снуют.

Только оказалось, что ограду поставить сложнее, чем выстроить дом. Во всяком случае, факты подтверждают такое фантастическое положение.

Поначалу архитекторы засели за проект. Решали, утверждали, отменяли. Согласились: в целях экономии средств соединить участки яслей и детсада в один. Потом прибыли строители. Заполыхали огни, отогревающие мерзлую землю, застрекотали пулеметными очередями пневматические молотки. Во двор завезли звенья забора, поставили их у стен домов. Гордо замаячили первые столбы. И вдруг... строителей ровно ветром сдуло вместе с компрессором, вместе с забором.

Руководители детских учреждений начали все сначала. Как футболисты, получив гол (правда, без ворот), они снова повели атаку с центра поля (по-прежнему неблагоустроенного). Опять «Моспроект». Одна из атак увенчалась успехом: архитекторы принялись за планировку. На бумаге все выходило красиво. Решено было снести старые навесы, поставить изящные каркасы, устроить беседки, обвитые зеленью. Словом, творческая мысль воплотила в проект все мечты и чаяния воспитателей. Все было готово: и проект и смета. И завитушки подписей красовались, и печати были поставлены.

— Милые, хорошие, ждем вас! — ласково обратились два директора к своим старым знакомым в «СУ-26».

— У-тю-тю! — от удивления присвистнули там.— Вы, братцы, того... и не думайте! Есть более важные дела.

...Мы идем по так называемой детской площадке. Возле лавочек валяются пустые водочные бутылки. Полыхает костер, разведенный школьниками. Домохозяйки деловито выбивают ковры.

— Кому мы только не писали! — вздыхают заведующие садом и яслями Е. Е. Кигурадзе и В. А. Федорова.— Кто к нам только не приезжал!.. Бумажки-то получаем утешительные, а толку чуть... Вот, например: «Площадки... должны быть выполнены трестом «Мосстрой-5» в текущем году. Техническая документация для сооружения имеется. Работы финансированием обеспечены». Подпись солидная: «Начальник производственного отдела УКСа Мосгорисполкома А. Ф. Фельдман».

Рука невольно тянется к телефону.

— Татаринцев в отпуске,— поясняет главный инженер «Мосстроя-5» Л. Н. Лаврецкий.— Обязанности управляющего исполняю я. Детсад и ясли в 26-м квартале Юго-Запада? С душой и радостью давно бы все доделали. Но — увы! — нет ни денег, ни документации.

— А вы им не верьте,— тут же отвечает из УКСа товарищ Фельдман.— Глупости это! Все у них есть. Просто неохота на незаконченный объект возвращаться.

Телефонные звонки из редакции, однако, возымели свое действие. Через некоторое время из детского сада с радостью сообщили, что строители прибыли. Чинят горку и переставляют навесы.

Но отгремели новогодние тосты, и в редакции снова раздался вопль о помощи.

— Набросали строители на дворе глыбы грунта и опять «у-тю-тю» сказали!

Опять звоним в УКС Мосгорисполкома.

— Совершенно верно,— бодро подтверждает О. Л. Якобсон, начальник бюро № 1.— Есть решение Моссовета и вышестоящих организаций: внутри жилых массивов территорию для детских учреждений не огораживать... Исключения? Вот если бы у них была круглосуточная группа...

— Да мы ее должны были открыть еще в сентябре, эту круглосуточную! — с возмущением всплескивает руками инспектор Октябрьского районо Ю. Д. Докукина.— Только не можем этого сделать, пока нет изгороди. В темноте ребятишки легко под машину попасть могут!..

И вот здесь нам стало совестно. Совестно за солидных, взрослых людей, по-мальчишески кивающих друг на друга.

Опомнитесь, люди добрые! Ведь вся эта история с забором ни в одни ворота не лезет.

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Хорошо. Прочь блокнот.

Разговор был долгий. О многом.

Репертуар? Сейчас в театре идут шесть пьес. «Дни Коммуны», «Трехгрошовая опера», «Швейк во второй мировой войне», «Карьера Артуро Уи». Это Брехт. Кроме того, «Оптимистическая трагедия» Вишневского и «Госпожа Флинц» Гельмута Байерля. Ближайшая постановка? «Кориолан» Шекспира в обработке Брехта. Репетиции уже начались. А потом — «Пурпурная пыль» О'Кейси.

— Как начинается работа над новым спектаклем?

— Мы делаем так: посылаем одного из наших режиссеров в какой-нибудь из театров республики. Сейчас, например, «Кориолана» ставим в городском театре Геры. На этой постановке пробуем несколько решений. Затем продолжаем работу в своем театре. Постановка всегда коллективная. У нас существует режиссерская группа, и она это делает.

— У вас в театре спектакль всегда играет один состав?

— Да. Видите ли, во мне спорят два человека — актриса и директор. Вот вам ситуация этой недели: заболел актер — и у меня выпали сразу три спектакля. Так что, казалось бы, удобнее и лучше работать со сменным составом. Но сценический ансамбль — очень сложное дело. Он должен быть абсолютно слаженным, должен работать идеально четко. Замены мешают. Актер приносит свою манеру, свой характер — это может быть очень интересно. Но прежний ансамбль исчезает. Спектакль — это целый клубок психологических связей одного участника с другим. Заменить актера — значит, надо по-новому перестраивать спектакль, учитывая особенности игры нового участника.

— Ваше мнение об эксперименте во время спектакля?

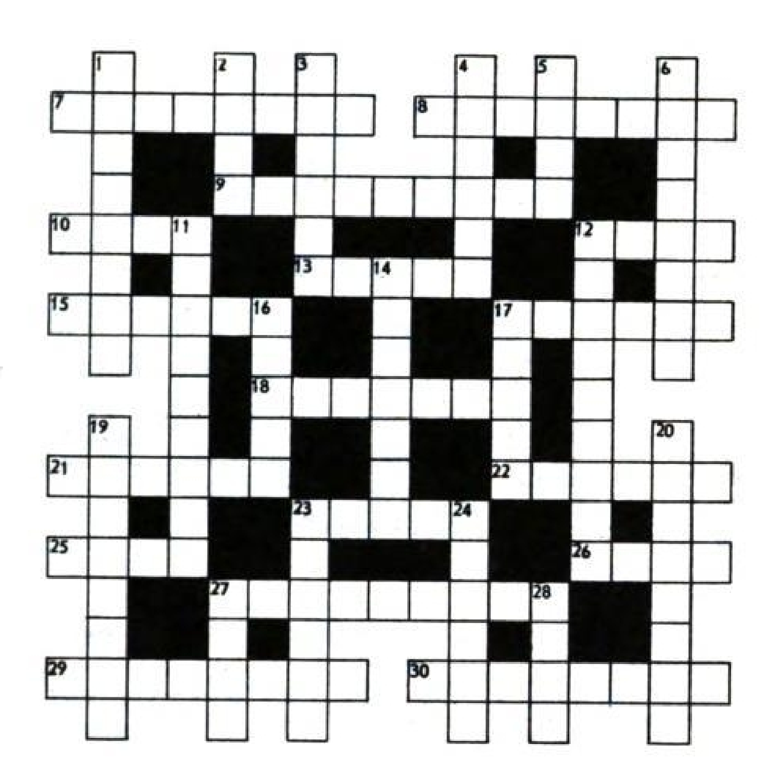
— Это необычайно весело и доставляет огромное удовольствие. Но делать это нельзя. Нельзя подводить партнеров. Они могут среагировать на твою новую интонацию, новый жест. А могут и запутаться. Сколько угодно экспериментов на репетициях, чем больше, тем лучше. Но спектакль должен быть сделан. И играться так, как он сделан. Мы с Эрнстом Бушем позволяли себе иногда на сцене вдруг уйти от принятых решений. Я это навсегда запомнила. Это были минуты большой творческой радости. Но мы ведь работали вместе много лет и великолепно понимали друг друга.

...Несколько дней я по приглашению Элены Вайгель провел в «Берлинском ансамбле». Все спектакли, все репетиции. Нужно ли говорить, насколько это было интересно?

А после спектаклей в актерском кафе, здесь же, в театре, за длинным деревянным столом, продолжался разговор. Приходил Экехард Шалль — скромный, сдержанный, невысокого роста. Актер удивительного таланта. Он сыграл Артуро Уи, создав блистательную и зловещую сатиру на фюрера. Сейчас репетирует главную роль в «Кориолане». Приходил Вольф Кайзер — огромный, шумный, жизнерадостный. Витторио де Сика и Софи Лорен, побывав на «Трехгрошовой опере», в восторге обнимали его. «Второго такого Мекхита не было и нет!» Собирались друзья Элены Вайгель — «Хэлли», как ее любовно называют в театре. Профессор-экономист Юрген Кучинский, французский публицист Владимир Познер, американский сценарист Поль Джерико...

Гостеприимный дом Брехта, его театр живет, работает, ищет. «Лучший театр во всей Германии»,— писал недавно о «Берлинском ансамбле» гамбургский журнал «Дер шпигель». Журнал этот издается не Акселем Шпрингером, а потому бывает иногда объективным...

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский химик XIX века. 8. Прибор для измерения атмосферного давления. 9. Областной центр в РСФСР. 10. Хвойное дерево. 12. Водоплавающая птица. 13. Пушной зверек. 15. Нити, применяемые в хирургии. 17. Вид изобразительного искусства. 18. Перечень предметов в определенном порядке. 21. Драма О. Вальзака. 22. Стеклянный сосуд. 23. Женская одежда. 25. Полоска, обрамляющая рисунок. 26. Опера Дж. Верди. 27. Группа морских островов. 29. Костюмированный бал. 30. Ископаемый уголь.

По вертикали:

1. Русский писатель. 2. Часть корпуса скрипки. 3. Плавучий мост. 4. Загадка. 5. Кровельный материал. 6. Документ об окончании учебного заведения. 11. Порядок ведения собраний. 12. Государство в Латинской Америке. 14. Плотницкий инструмент. 16. Порода собак. 17. Северное созвездие. 19. Подразделение текста. 20. Цитрус. 23. Персонаж романа Н. Островского «Как закалялась сталь». 24. Ластоногое животное. 27. Река в Тюменской области. 28. Отличительный знак государства, города.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

4. Кочубей. 5. Микроскоп. 7. Аргут. 8. Строп. 9. Почта. 15. Пионер. 17. Санитар. 18. Спарта. 19. Капабланка. 20. Фортепьяно. 22. Корсак. 23. Армения. 24. Анализ. 27. Синус. 28. «Маска». 29. Бланк. 31. Тускарора. 32. Колизей.

По вертикали:

1. «Москва». 2. Мусоргский. 3. Беркут. 5. Молот. 6. Перов. 8. Синтаксис. 10. Амальгама. 11. Пинагор. 12. Баккара. 13. Батолит. 14. Станция. 16. Ролик. 18. Стека. 21. Декламация. 25. Пульт. 26. Карта. 29. Босфор. 30. Крокет.

На первой странице обложки: Самолет вносит суперфосфат под зяблевую вспашку хлопчатника в совхозе «Сурхан», Узбекская ССР. Свыше 300 тысяч гектаров обрабатывают самолеты сельскохозяйственной авиации 163-го отряда специального применения.

Фото Г. Копосова.

1

Наступила весна.

Стремительно понеслись к морю горные реки. Вслед за весной потянулись на север журавли. Слышатся в небе протяжные, трубные звуки лебединой песни.

В южных широтах уже расцвел миндаль (фото 1), солнечными цветами вспыхнул кизил, появились подснежники, загорелись лиловым огнем крокусы.

Эту забавную сценку мы наблюдали на Черноморском побережье. Собака Веснушка заигрывала с крабом, принимавшим морскую ванну (фото 2).

Неудержимо шагает весна. Вскоре мы встретили ее за тысячи километров — в подмосковном лесу. И хотя здесь еще сохранились островки снега, но на деревьях уже набухли почки (фото 3).

...Берег Белого моря. И сюда добралась весна. Правда, пока холодновато здесь первому разведчику — журавлю. Его спасают проталины — неотвратимые вестники весны (фото 4).

Под натиском весны рушатся льды Белого моря. Еще немного — и не станет ледяной площадки, на которой резвятся медвежата. Они так увлеклись игрой, что не замечают собаку (фото 5).

Д. НОСОВ
Фото автора.

ИСТОРИЯ СПОРТА В МЕТАЛЛЕ

Москвич В. Л. Рундальцев — обладатель уникальной коллекции. За десять лет он собрал около 9 тысяч спортивных медалей, значков и жетонов. Среди них 280 олимпийских, 2 500 иностранных и 60 значков дореволюционной России.

Коллекция В. Л. Рундальцева — своеобразная история спорта, написанная граверами на металле.

Массивная, вычурная медаль повествует о том, что в 1834 году было учреждено Императорское Московское общество поощрения рысистого коннозаводства. Несколько значков и медалей рассказывают о создании в Петербурге, а затем в Москве первых яхт-клубов.

Значки, медали, памятные жетоны ведут от даты к дате. Они напоминают о первых Российских олимпиадах и о победах русских богатырей на международных состязаниях. Например, на одной из медалей читаем: «За третье место в плавании в платьях, 1907 год». На другой выгравировано: «Сила России — воздушный флот». Различным этапам развития советского спорта посвящены разделы «Общества и клубы СССР», «Туризм», «Спортивное мастерство» и другие. Есть здесь значки, жетоны и медали участников, тренеров, судей Олимпийских игр.

В. Л. Рундальцев часто демонстрирует свою коллекцию в заводских и дворовых клубах, в парках культуры.

Г. ВЛАДИМИРОВ

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

2

3

4

5

Моль: — Лично мне вся эта синтетика не по вкусу!

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

— Опять у соседей дети с магнитом балуются!

Рисунок В. ВОЕВОДИНА.

— Алло! Спасательная служба? Тут в шахтоуправлении двоих завалило.

Рисунок В. ВОЕВОДИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00662. Подписано к печати 1/IV 1964 г. Формат бум. 70 × 108$^1/_8$. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 050 000. Изд. № 525. Заказ № 730.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

215
Цена номера 30 коп.
мороженое
МОРОЖЕНОЕ
МОРОЖЕНОЕ
Пломбир, крем-брюле, эскимо, сливочное, ореховое, фруктовое — эти сорта мороженого по вкусу всем.
«Росмясорыбторг».
Индекс 70663
Материал, защищенный авторским правом